

Wer weiter
Wie ver
doo
Qui dépasse

Николай СМИРНОВ

Секретный УЗЕЛ

Тайная война
в Беларуси
(1939-1944)

Ab-sch-rif-t

Bp/Dx.

Bericht

А Б В
З прычыны змятэння
вышэйшага інжынера
Уладзі (дашходжанне)
100 руб.
За кожны выхад
аплачаны на буд.
ПА
Аб'явілася камната ша...
Владзіс...
Маск. 25 ліпеня 1941 г.

Betr
Das
etwa
Gene
zu eng
zu gezwungen,
die gerade st
aktiven Sal

Николай СМИРНОВ

Секретный УЗЕЛ

Тайная война

в Беларуси

(1939-1944)

РАСПРАДИЖИЪНЕ
за артистични работници
вечерно време

Сякош Дитрих Хаген
вместо Соломон Аллену
настанало отидеши, час
директно у гласна Генерална
Алберт Беккерс да скарочеши
до Валтерини.

Докато имаше, што у
критично време, когато на
артистите, които са
често време, когато на
распределени.

Докато имаше, што у
критично време, когато на
артистите, които са
често време, когато на
распределени.

Глас разпространяване. Рако-
вица у сур на 7 ноември 1941 г.

Висок и почетен
Генерал Беккерс
НАЦИОНАЛНИ

Ein Volk, ein Reich, ein Führer!

Висок и почетен
Генерал Беккерс
НАЦИОНАЛНИ

Frankfurt a. M. 6. 11. 41
4. Jahre Kampf
gegen Kapital, Demokratie und Imperialismus.
das Reichstag

ПРОПУСК ДЛЯ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

Эта листовка
проникла

Diezes Flugblatt gilt als
Falscherschein und garan-
tiert allen Überlieferern
as Leben und gute
Behandlung.

Николай СМИРНОВ

Секретный УЗЕЛ

Тайная война
в Беларуси
(1939–1944)

Минск
«ЛИТАРАТУРА і МАСТАЦТВА»
2010

УДК 94(476)«1939/1944»
ББК 63.3(4Бел)62
С50

*Автор выражает благодарность и признательность
сотрудникам Национального архива Республики Беларусь
и Института национальной безопасности Республики Беларусь
за содействие, оказанное при подготовке данного издания*

Смирнов, Н. И.

С50 Секретный узел: Тайная война в Беларуси (1939–1944) /
Николай Смирнов. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2010. —
248 с. : ил.

ISBN 978-985-6941-27-9.

В книге речь идет о некоторых малоизвестных эпизодах войны 1939–1944 годов на территории Беларуси. Наряду с войсками действующей армии, партизанами и подпольщиками свой вклад в дело изгнания нацистских оккупантов с нашей земли внесли: формирования НКВД (НКГБ) СССР и Белорусской ССР, военной контрразведки, Разведывательное управление Генерального штаба РККА и разведотделы штабов фронтов, Центральный и Белорусский штабы партизанского движения. Это были беспрецедентные по своему накалу и беспощадности сражения как на видимом, так и на невидимом фронте.

УДК 94(476)«1939/1944»
ББК 63.3(4Бел)62

ISBN 978-985-6941-27-9

© Смирнов Н. И., 2010
© Оформление. РИУ «Літаратура
і Мастацтва», 2010

Предисловие

Прекрасен древний наш Минск, сохраняющий свою неповторимую, овеванную вековыми преданиями ауру. Восстановленные храмы, Верхний город, Ратуша, гостиница «Европа», бережно отреставрированная часть исторического центра города придают ему тот неповторимый белорусский, гостеприимный колорит, который постоянно привлекает многоязычное племя туристов. А ветеранам и старожилам столицы нынешний ее облик говорит о значительно большем: о ценности того, что они спасли, а также о цене, которую за это пришлось заплатить. Ведь история мира еще не знала такого концентрированного сочетания варварства и преступлений против человечности, какое проявили нацистские оккупанты на захваченной ими территории Беларуси во время той войны, которую выиграли ныне убеленные сединами люди, по праздникам надевающие свои ордена и медали. У них у всех – будь то командир или боец, партизан или подпольщик, разведчик или контрразведчик – собственная гордость, и они имеют на это святое право, потому что победили самое страшное порождение XX века – гитлеровский нацизм.

К сожалению, со сменой поколений уходят в незаслуженное забытие многие деяния, святыни, символы, а с ними память и элементарные понятия о том, чего стоили каждый день, час, минута того беспримерного противостояния. На этой почве – да и не только на этой – появились досужие рассуждения, что в то время советские политики, военачальники, офицеры, солдаты, партизаны многое делали не так, как надо бы. Правда, при этом никто из рассуждающих не говорит о том, как бы они сами поступили, окажись в час невероятных испытаний на месте Жукова или Рокоссовского, Коржа, Бумажкова или Батьки Миная, Александра Матросова, Николая Гастелло, Алексея Маресьева, Марата Казея, Елены Мазаник, Исяя Казинца, Владимира Омелянюка, Ивана Кабушкина, майора Гаврилова – миллионов тех, кто заплатил самую высокую цену, а также тех, кто по праздникам надевает свои заслуженные награды.

Уже появились фильмы о хороших оккупантах и плохих партизанах, публикации, оправдывающие предательство Власова, утверждающие, что пошедшие в услужение нацистам полицейские, расстреливавшие гетто в Минске, Борисове, Старых Дорогах, Тростенце, сжегшие сотни деревень, воевали, оказывается, за какую-то независимость Беларуси. А ведь любой из переживших ту войну утверждает, что полицаев население боялось больше, чем немцев. До некоторых оголтелых критиков «совка» не всегда доходит, что в результате изобретенной нацистами «расовой селекции» они, в принципе, вообще могли не родиться. Ведь по плану «Ост» 75 процентов белорусов предполагалось уничтожить, 25 процентов – «оehme-

чить». И это, как следует из документов той эпохи, отнюдь не «идеолого-пропагандистские сказки» сталинской эпохи.

В эпоху глобализации и информационных войн XXI века по отношению к Победе в той, Великой Отечественной, все чаще появляются вроде бы невинные рассуждения о том, что, мол, такова была «философия войны» в системе координат нацистских «культуртрегеров» из III рейха, а геноцид белорусского народа – «расово неполноценного» – был ее составной и «закономерной» частью. А вот те, кто сопротивлялся оккупантам, – были «бандитами и террористами». Так что, по этой «логике», вроде бы и не было никаких нацистских военных преступников, коллаборационистов, откровенных предателей, правомерно осужденных по окончании войны Международным трибуналом в Нюрнберге. Похоже, история вновь учит лишь тому, что она «ничему не учит». И «война смыслов» все продолжается. А отсюда и попытки «мягкого пересмотра» решений Тегерана, Ялты, Потсдама, Нюрнберга, и стремление к новым глобальным переделам – энергетическим, территориальным, этническим – с одновременным уничтожением жизней в чужих краях под флагом миротворчества.

Увы, век XXI, приняв наследие предыдущего, уже отмечен не только продолжением шедших или же ожидавшихся информационных, энергетических, сетевых, торговых и иных войн и локальных конфликтов, а также «цветных революций», но и все возрастающей волной терроризма. Вместе с тем со стороны отдельных государств снова все четче проявляется тенденция на обладание «истиной в последней инстанции». А право на такое обладание доказывается силой. Свидетельством тому – масштабные события на Ближнем Востоке, в Афганистане, других «горячих» и «тлеющих» точках, где теснейшим образом переплелись новейшие разведывательные и контрразведывательные технологии. Видимо, прав был В. О. Ключевский, с горечью говоривший, что «история – не учительница», и она на самом деле ничему не учит. Но надо помнить и его предупреждение, сформулированное в той же фразе: «история – это классная дама, которая жестоко наказывает за невыученные уроки». События последних лет подтверждают его слова. Для претендентов на всемирную истину уже настоящим наказанием стали и Афганистан, и Ирак...

Посрамление ожидает и тех, кто пытается, как говорят в народе, черного кобеля отмыть добела и переписать историю Великой Победы. Той Победы, благодаря которой и существует ныне Беларусь. Да, за нее заплачена огромная цена, однако не следует забывать и о том, что эту цену как раз и увеличивали те, кто верой и правдой служил оккупантам.

В предлагаемой читателю книге речь пойдет о некоторых малоизвестных эпизодах жесточайшей тайной войны 1939–1944 годов на территории Беларуси. В то судьбоносное время наряду с войсками действующей армии, партизанами и подпольщиками свой вклад в дело изгнания нацистских оккупантов с нашей земли внесли структуры, обеспечивающие государственную безопасность: формирования НКВД (НКГБ) СССР и Белорусской ССР, военной контрразведки, Разведывательное управление Генерального штаба РККА и разведотделы штабов фронтов, Центральный и Белорусский штабы партизанского движения. Это были беспрецедентные по своему накалу и беспощадности сражения как на видимом, так и на невидимом фронте.

Первая глава

Браты Беларуси!

Амаль двадцать год Вы знаходзіцеся пад гнётам польскіх панцоў, памешчыкаў і капіталістаў. Яны забралі ў Вас зямлю і абржалі на нішчыту і голад.

Землі беларускіх і ўкраінскіх сяляў засялюцца надзейнымі польскімі памешчыкамі, псама-судзімамі, воеўнымі каліжністамі. Вас задушкілі паліцэйскімі, псама-судзімамі, воеўнымі каліжністамі.

Памешчыкі зрабілі усё, каб Вас часных труканілаў Беларусю, зрабіць нішчымі.

Заходзяць Беларусь усю ў лесох, а Вам кажуць няма дзе заробіць грош, бо ўсе лясы владзіць панам і памешчыкам.

Польскі халат за везку грош і збіваюць Вас да самай смерці.

Польскі халат за везку грош і збіваюць Вас да самай смерці.

НЕ БОЛТАЙ!

Все – под ружье

Еще задолго до Великой Отечественной войны гитлеровская человеконенавистническая «библия» нацизма «Mein Kampf» («Моя борьба») недвусмысленно обозначила одну из наиболее приоритетных военных и геополитических задач Германии: «...Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего – к политике территориального завоевания.

Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства.

Сама судьба как бы указывает этот путь...».

Казалось бы, чего яснее! Однако до поры до времени сей нацистский тезис воспринимался многими политиками лишь как громкая пропагандистская декларация. Но фюрер III рейха оказался, к великому сожалению, на редкость практичным, циничным и абсолютно беспринципным субъектом с волчьей хваткой, к тому же «теоретически» вооруженным развесистой бредятиной о расовом превосходстве германских «сверхчеловеков-арийцев». Ему под стать были и верные оруженосцы, скрупулезно проводившие в жизнь все постулаты этой варварской национал-социалистической идеи.

Девиз у нацистов был не шибко мудреный: «Ein Volk, ein Reich, ein Führer» – один народ, один рейх, один фюрер. Естественно, только для «истинных арийцев». И в придачу – оправдательный для каждого из них слоган: «Фюрер думает за нас и отвечает за нас!». Ведь Гитлер принародно и громогласно заявил, что он «отменяет такую химеру, как совесть».

Для реализации нацистских «идей» нужно было «приращенное» за счет «расово неполноценных» народов «жизненное пространство». Потому к войне готовились весьма тщательно. Военная машина III рейха при полном попустительстве «запад-

ных демократий» и в нарушение всех ограничений, наложенных на Германию Версальскими соглашениями, была четко отлажена и налилась невиданной мощью всего-то за восемь лет после прихода нацистов к власти, которое вполне «легитимным» путем произошло в 1933 году. Европейские демократии той поры наивно полагали, что благодаря их «мудрости» военное острие свое фюрер повернет исключительно на «варварский коммунистический Восток». И всячески тому способствовали, но, увы, многие из них стали первыми жертвами нацистской агрессии. Они не поняли, что Гитлер не будет довольствоваться малым. Ему нужно было все. Вскоре после его прихода к руководству Германией «пробным шаром» стал захват Рейнской области, переданной после первой мировой войны под юрисдикцию Франции. Этот шаг и поныне выглядит как проверка западных стран на политическую «вшивость». Гитлер блефовал, сил у него еще было мало. Потому приказал своим войскам отступить, если хотя бы один французский солдат покажется на горизонте. Но тот не появился. И Рейнская область была занята. После этого разгорелся аппетит. 12 марта 1938 года III рейхом была аннексирована Австрия. Затем в сентябре того же года последовал так называемый Мюнхенский сговор, когда руководители Германии, Франции, Англии и Италии решили судьбу Чехословакии, отдав эту страну на поэтапное растерзание германским нацистам. При этом и Польша «получила» ее Тешинскую область. А 22 марта 1939 года Литва «передала» Германии Мемельскую (Клайпеда) область. В сентябре 1939-го – в самом начале второй мировой войны – пала уже сама Польша. Особо «урожайной» для III рейха стала первая половина 1940 года, когда он расширил свое «жизненное пространство» за счет оккупации Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и, наконец, Франции. А в 1941-м пришла очередь Югославии, Греции и острова Крит. До нападения на СССР оставались считанные недели. К этому времени Гитлер уже обладал почти всем военным и экономическим потенциалом Западной Европы. Ведь только в Чехословакии он получил военного снаряжения, достаточного для того, чтобы сформировать 38 дивизий, плюс – лучший в Европе военно-промышленный комплекс.

Но к той войне готовились не только вермахт и кригсмарине – армия и флот. В военную машину, готовую к атаке и обороне, была превращена вся Германия. Я прекрасно помню полуразрушенные циклопические останки наземных и подземных бетонных сооружений, бункеров и коммуникаций «кольца обо-

Адольф Гитлер
и генерал *Ф. Паулюс*
над картой
плана «Барбаросса».
18 декабря 1940 г.

роны» вокруг столицы бывшего III рейха в районах Штаакена, Дальгова, Фалькензее, Олимпишесдорф и других немецких городков. Тевтонский размах и мощь их бетонных стен, надолбов и стальных бронеклопов воистину потрясли воображение. Не менее впечатляюще они выглядят и на территориях бывшей Восточной Пруссии, отошедших в 1945 году к Польше. Не говорю уже о сохранившихся великолепных автобанах, подземных городках-ангарах с исполинскими автономными агрегатами дизельных электростанций, подъемниками и лифтами, которыми долгие десятилетия пользовались подразделения Группы советских войск в Германии и Северной группы войск. Вот такую машину сокрушили-таки в 1945-м наши отцы и деды.

Однако надо подчеркнуть еще один момент. К войне с особым тщанием готовились и спецслужбы рейха. С тех пор в стремительно меняющемся Берлине сохранилось внешне малоприаметное серое здание на Тирпицштрассе (набережной Тирпица). Для

обычных туристов, коих в столице объединенной Германии бывают миллионы, оно большого интереса не представляет. Есть достопримечательности и «покруче». На этот дом можно даже и внимания не обратить, если, конечно, не знать, что это за дом, какие тайны хранят его безмолвные стены.

В нацистскую эпоху это здание являлось объектом разведывательных интересов и устремлений ведущих спецслужб мира, в том числе и СССР, поскольку оно имело самое непосредственное отношение к функционированию нацистской государственной и военной машины. Здесь квартировал Абвер – военная разведка и контрразведка гитлеровского вермахта, детище полковника Вальтера Николаи, а затем хитрого лиса адмирала Вильгельма Канариса. Главным принципом в деятельности Абвера была ставка на тотальность разведки и контрразведки. Она была отличительной чертой германских спецслужб еще со времен первой мировой войны.

Абвер был создан в 1919 году на правах контрразведывательного отдела военного министерства Германии, получившей по Версальскому мирному договору право на создание лишь стотысячной армии (рейхсвера). Однако правящими и военными кругами Веймарской республики – в нарушение этого самого договора – Абвер вскоре был превращен в разведывательно-контрразведывательное ведомство. А в 1938 году по указанию Гитлера он был реорганизован в управление «Абвер – за граница» при штабе ОКВ (Верховного командования вермахта). «Абвер – за граница» состоял из ряда отделов: «Абвер-1» (разведка), «Абвер-2» (диверсии, саботаж и террор), «Абвер-3» (контрразведка), «Аусланд» (иностранный отдел – занимался разведкой экономического и военного потенциала противника под дипломатическим прикрытием).

Кроме того, в III рейхе существовало еще и Главное управление имперской безопасности (РСХА) во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером – вторая после Абвера крупнейшая разведывательная и контрразведывательная организация нацистской Германии. В нее входили: СД – служба безопасности (III управление РСХА); зарубежная служба безопасности (VI управление – политическая разведка), с коим ассоциируются кинематографический штандартенфюрер СС Штирлиц и ее действительный

Берлинская
штаб-квартира
Абвера
на Тирпицштрассе.

руководитель бригадефюрер СС Шелленберг; гестапо – государственная тайная полиция (IV управление) во главе с группенфюрером СС Мюллером; криминальная полиция (КРИПО), полиция порядка (ОПО), ряд других отделов и служб. Еще до прихода Гитлера к власти СД была довольно эффективной разведывательной службой нацистской партии (НСДАП).

Стоит отметить, что идеолог нацистской партии Рудольф Гесс сформулировал в начале 30-х годов XX века триединое кредо, которое и легло в основу всей гитлеровской доктрины тотального шпионажа: во-первых, каждый может быть шпионом, во-вторых, каждый должен быть шпионом; в-третьих, нет такой тайны, которую нельзя было бы узнать. В конечном итоге, во время Великой Отечественной войны, благодаря слаженным действиям советских спецслужб, эта нацистская доктрина оказалась несостоятельной. В очередной раз было доказано, что разведка и контрразведка это отнюдь не чистое ремесло, а все-таки и искусство. Однако каких невероятных, буквально титанических сверхусилий стоило это доказательство!

Пунктуально, с «арийской» педантичностью, был «проработан» нацистами и механизм массового уничтожения людских жизней – как в своих, так и, в основном, в чужих пределах. Мне уже никогда не стереть из памяти увиденные за многие годы в разных концах Европы мемориалы и ужасающие исторические документы-свидетельства в таких мрачных «комбинатах» смерти, как Маутхаузен, Равенсбрюк, Бухенвальд, Освенцим, Штуттоф. Кстати, из многочисленных концлагерей нацистские спецслужбы черпали и «кадры» для осуществления разведывательно-диверсионной и террористической деятельности на территории СССР и Беларуси, в частности. Они умели играть на человеческих слабостях, на амбициях, страданиях. Все это было, даже если кому-то очень хочется доказать обратное и найти оправдание предателям...

Василий Корж и другие...

Готовились ли в СССР те, кому по рангу было положено готовиться, к грядущей войне? Старались ли отвести угрозу, упредить роковые события? Однозначно можно сказать – да. Вопрос в том, как готовились. И в какие периоды. Не касаясь чисто военных усилий Наркомата обороны и деятельности Разведуправления Генерального штаба РККА, отмечу, что в 1930–1936 годах

Коммуна
«Новый быт».
В первом ряду
второй слева
В. З. Корж.
1926 г.

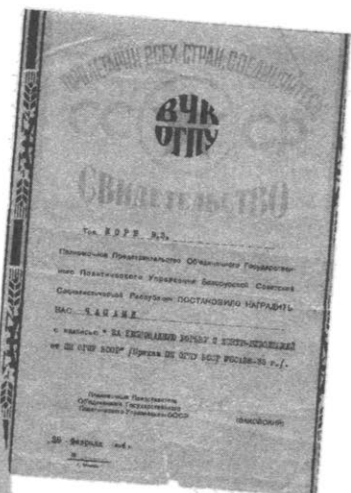

сотрудниками разведки и контрразведки ГПУ, а затем НКВД Белорусской ССР, Особого отдела Белорусского военного округа и Центра осуществлялись весьма многогранные меры по подготовке условий для возможного ведения зафронтовой работы и партизанской борьбы на территории Беларуси в случае оккупации ее агрессором. В этих усилиях принимали непосредственное участие западнорусские партизаны 1920–1925 годов и будущие руководители разведывательно-диверсионных спецгрупп НКВД (НКГБ) времен Великой Отечественной войны С. А. Ваупшасов, В. З. Корж, К. П. Орловский, А. М. Рабцевич, А. К. Спрогис. В 1936–1937 годах все они на стороне республиканцев прошли школу войны против фашизма в Испании, получив и там бесценный оперативно-боевой опыт.

В автобиографии Героя Советского Союза Василия Захаровича Коржа есть такие строки: «С 15 мая 1931 года меня отозвали на постоянную работу в НКВД по специальной работе, я секретно числился командиром партизанского отряда с постоянным жильством в г. Слуцке...». Василий Захарович, как и его боевые друзья, был чекистом в самом благородном понимании этого слова. Он готовил народ наш к защите своего Отечества, своей земли. Уже в 1931 году по окончании спецкурсов ОГПУ Корж являлся начальником целого партизанского направления. В целях конспирации для всех он являлся инструктором Осоавиахима – так тогда называлось добровольное спортивное общество в СССР. В оперативном ведении Василия Захаровича находились шесть пограничных районов Беларуси, в каждом из которых были созданы группы по 35–40 человек. Позже Василий Захарович отмечал: «Этот народ мною подбирался с исклю-

Учетный билет начсостава
запаса войск ОГПУ СССР,
выданный В. З. Коржу
в 1934 году.

Грамота ПП ОГПУ БССР
о награждении В. З. Коржа
именными часами. 1933 г.

Пропуск в Разведывательное
управление РККА
на имя В. З. Коржа.
Выдан в сентябре 1937 г.
по его возвращении из Испании.

чительной осторожностью, из контингента людей преданных Советской власти, физически здоровых, выносливых, неболтливых, самоотверженных, всегда готовых выполнить боевое государственное задание. Люди эти нами периодически пропускались через специальные школы»...

Мероприятия особого отдела ГПУ, а с 1934 года НКВД Белорусской ССР по подбору и подготовке партизанских кадров и формирований на военное время назывались тогда «работой в Спецбюро». Артур Спрогис был начальником специальной школы, в которой прошли обучение многие будущие парти-

В. З. Корж в 1932 г.
Слуцк.

заны. А в целом период 1925–1936 годов военно-политическим руководством СССР определялся как этап подготовки к партизанской войне на собственной территории на случай возможной иностранной агрессии. Согласно общему плану мобилизационных мероприятий, наряду с организацией разведывательной и контрразведывательной работы, с баз партизанских отрядов и подпольных структур предусматривалось создание тщательно законспирированной и хорошо подготовленной сети диверсионных групп и диверсантов-одиночек в городах и на железных дорогах к западу от линии пограничных укрепрайонов; формирование и комплексная подготовка маневренных партизанских отрядов и групп, способных действовать на незнакомой местности; переподготовка командного состава, имевшего опыт партизанской борьбы во время гражданской войны; подготовка молодых командиров в спе-

*В. З. Корж с сыном
Леонидом после
возвращения
из Испании. 1938 г.*

циальных партизанских учебных заведениях; отработка вопросов партизанской борьбы и борьбы с вражескими диверсионными группами на специальных и общевойсковых учениях; совершенствование имеющихся и создание новых технических средств борьбы, наиболее пригодных для применения в партизанском движении, и, наконец, материально-техническое обеспечение партизанских формирований. Сами же партизанские отряды из заранее подготовленных кадров в сжатые сроки должны были конспиративно формироваться в случае угрозы вторжения агрессора. Их намечалось создать в Беларуси шесть – Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский, Полоцкий. Численность каждого из отрядов должна была составлять от 300 до 500 партизан.

Этот сложный, политически противоречивый период жизни во многом определил всю логику последующих действий Василия Коржа и его боевых друзей. Однако жизнь в те далекие довоенные годы, к несчастью, делала резкие повороты. Возобладавшая во второй половине 1930-х годов, оторванная от реальности теория «могучего наступательного удара» в случае

нападения врага, а также войны «малой кровью на территории агрессора» сыграла свою негативную роль на начальном этапе гитлеровской агрессии при организации всех видов разведки, диверсионной деятельности и, в конечном итоге, партизанской борьбы. Специальная работа, проводившаяся на этом направлении в предвоенный период, была свернута, закладки (НЗ) материально-технических средств, вооружения, базы сил разведки и контрразведки ликвидированы, ряд спецрезервистов репрессирован, а учебные центры закрыты. Предвоенные итоги того без сомнения черного периода в истории органов госбезопасности и страны в целом весьма скорбны. В СССР жертвами репрессий стали более 23000 сотрудников разведки и контрразведки. В 1950-е годы их полностью реабилитировали. Но многим из них уже не суждено было узнать даже об этом.

В. З. Корж после зачисления в органы госбезопасности. 1931 год.

А тогда в известном советском довоенном фильме «Если завтра война» лихие красноармейцы победоносно громили «условного врага», залихватски распевая при этом песню под одноименным названием на музыку братьев Покрасс и слова Лебедева–Кумача:

*Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь к походу всегда ты готов!*

*Полетит самолет,
Застрочит пулемет.
Загрохочут железные танки.
И линкоры пойдут,
И пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки!*

*Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь к походу всегда ты готов!
В целом мире нигде*

*Нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила.
С нами Сталин родной
И железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!*

Песня осталась своеобразным символом той эпохи. Ее финалом стали сражения на дальневосточных Хасане и Халхин-Голе, начало второй мировой войны, «незнаменитая» по словам поэта Александра Твардовского война СССР с Финляндией. И уже тогда стала высвечиваться значимость упущенных возможностей...

«Белорусский узел»...

В наш просвещенный век каждый волен высказывать свою точку зрения на события давно минувших дней, выражая зачастую чьи-то чаяния, а иногда и целые тенденции. И всемирная паутина вездесущего Интернета – яркое тому свидетельство. Чего там только ни найдешь! Особенно в очередные годовщины событий второй мировой войны. Но особенно любопытны в связи с этим отдельные «сожаления» некоторых польских историков по поводу так и несостоявшегося совместного похода польских и нацистских войск на Восток. В частности, профессор Павел Вечоркевич в интервью от 29 сентября 2005 года газете «Rzeczpospolita» заявлял: «Мы могли бы найти место на стороне рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск». Маршал Рыдз-Смиглы в довоенной Польше был Верховным Главнокомандующим. Читая такие «откровения», невольно думаешь: Фрейд, Кафка и Оруэлл точно «отдыхают». Как будто и не было «Холокоста», нацистских концлагерей и газовых камер. Как будто не было Нюрнбергского процесса и безусловного осуждения нацизма во всем мире. Профессор продолжает сожалеть, что его соотечественники не стали союзниками выродка, который на все времена останется синонимом варварства и коневеннистичества.

Еще более удивительны вздохи некоторых польских историков и политиков о «Крессах восточных» – так они продолжают называть земли Западной Беларуси и Западной Украины. Памятный

Маршал Польши
Эдвард Рыдз-Смиглы.

для нас сентябрь 1939 года навсегда решил судьбу белорусского народа, дав ему возможность воссоединиться. И это важнейший факт в истории становления белорусской государственности. Ведь в начале двадцатых годов возродившаяся Польша в результате агрессии попросту оккупировала часть исконно белорусских земель. А 1 сентября 1939 года она сама стала жертвой агрессии со стороны нацистской Германии. Этим днем, этим нападением на Польшу началась вторая мировая война. Для гордого, свободолюбивого польского народа она стала трагедией невиданного доселе масштаба. При этом Польша стала и своеобразным полигоном для фюрера и его генералов. Германский стратегический план нападения на Польшу «Вайс», разработка которого была закончена еще в апреле 1939 года, был первым образцом «блицкрига». В его основу были заложены внезапность, быстрота действий и сосредоточение на решающих направлениях подавляюще пре-

восходящих сил для окружения и разгрома соединений и частей польской армии в ходе всего одной стратегической операции. Эти принципы прошли проверку на практике, сначала в самой Польше, затем на полях сражений во Франции, Бельгии, других странах. Как выразился один из европейских военных историков, немецкие военные не только хорошо отмобилизовали и вооружили свою армию. Они еще и «передумали» своих потенциальных противников, отбросив бытовавшую в то время поговорку и гласившую, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Имелось в виду, что в армиях действовали основанные на опыте предыдущих войн уставы, планы развертывания стратегических операций. В частности, по тем уставам считалось невозможным применять танки без сопровождения пехоты. Да и сами танковые силы небольшими подразделениями рассредоточивались по пехотным соединениям. Немцы пошли иным путем: они создали крупные танковые формирования и бросили их в атаку на решающих направлениях. Бронированные армады, не обращая внимания на отстававшую пехоту, рвались вперед, крушили все на своем пути, сея дезорганизацию и панику в рядах противника. Так достигался успех и в Польше, и во Франции, и в Бельгии, и на первом этапе войны с СССР.

Но план войны содержал и еще один весьма важный аспект. Гитлер указывал: «Необходимо, опираясь на агентуру внутри страны, вызывать замешательство, внушать неуверенность и сеять панику с помощью беспощадного террора и путем полного отказа от всякой гуманности...». Кстати, этот план не был таким уж секретом для европейских спецслужб. Еще летом 1939 года английская разведка получила от сотрудника отдела «Иностранные армии Запада» Герхарда фон Шверина сообщение о том, что Гитлер уже принял решение о нападении на Польшу в начале сентября 1939 года. Однако эта поразительная по важности информация, как ни странно, не произвела должного впечатления в Лондоне. Там все еще верили в «незыблемость Мюнхенского соглашения», равно как и в то, что Гитлер не решится в своем «стремлении к миру» совершить агрессию против соседей. Они так и не поняли, с кем и чем имеют дело. Впрочем, возможно и поняли, но вели свою собственную игру. Уже после войны стало известно сделанное Гитлеру заявление британского министра иностранных дел лорда Галифакса о том, что правительство Англии не будет возражать, если Германия начнет решать свои территориальные проблемы к востоку от Эльбы, ибо там – на востоке – образовалось много государств, которые несправедливо обладают обширными

территориями. На востоке за Эльбой была и Польша, которой Великобритания весной 1939 года громогласно дала гарантии на случай немецкого нападения. Но, видимо, не зря некоторые современные политики и историки говорят так: готовясь к любой войне, Великобритания сначала ищет союзника, которым можно будет пожертвовать. В конце августа 1939 года Великобритания даже пошла на заключение с Польшей договора о взаимопомощи, согласно которому обязалась выступить на защиту этой страны от гитлеровской атаки всеми возможными силами. Но после того, как атака началась, британцы не пошевелили и пальцем. Точно так же, как и союзная Польше Франция.

Надо сказать, что тот договор с Англией весьма окрылил поляков, вдохнул в них новую уверенность в то, что в случае войны они не останутся один на один в борьбе с германской военной машиной. Тем ужаснее было их разочарование. Между прочим, то, что Гитлер готовится напасть на Польшу, не было секретом и для польского руководства. Талантливейший польский разведчик Ежи Сосновский, работавший в нацистской Германии, умудрился заполучить и доставить на родину вероятный план нападения гитлеровцев на его страну, а также другие важные документы. Их было настолько много, что польская дефензива (контрразведка) приняла Сосновского за двойного агента, а «план нападения на Польшу» – за искусную нацистскую дезинформацию. Обвиненный во всех тяжких грехах, разведчик незамедлительно оказался в тюрьме. А вот когда нацисты действительно напали, то и разведка, и контрразведка, и политическое руководство страны быстро убедились, что скоротечные события на фронте развиваются в «железном» соответствии с «фальшивкой» Сосновского. Однако было уже поздно. Слепо проигнорировав упреждающую информацию, политики потеряли свое государство, превратившееся в течение месяца в германское Генерал-губернаторство.

Увы, польская армия наступление германских войск остановить не смогла, хотя и имела для этого некоторые возможности. Руководство Польши буквально через несколько дней после немецкого нападения бежало из Варшавы и вскоре оказалось в Румынии, где президент и правительство были интернированы и сложили свои полномочия. Уже к 17 сентября управленческие структуры польского государства были полностью дезорганизованы. Как писал польский публицист Дариуш Балишевский, с 8 сентября Польшей, включая ее армию, уже никто не управлял. А в середине сентября вермахт вплотную подошел к землям Западной Беларуси.

1 сентября 1939 г.
Нацистские захватчики уничтожают символы польской государственности.

Политическая ситуация в тот период позволила руководству Советского Союза предпринять шаги для освобождения ранее оккупированной Польшей территории Западной Беларуси и Западной Украины, а тем самым и для воссоединения белорусского и украинского народов.

Накануне проведения этой освободительной операции наряду с другими ведомствами осуществлялась и соответствующая подготовка к ней органов государственной безопасности: укомплектование по штатам военного времени, создание четырех оперативно-чекистских групп Особого отдела БОВО и НКВД БССР. Особое внимание обращалось на разъяснение того, что советские войска, Белорусский фронт пришли в Западную Беларусь в целях защиты своих братьев – коренного населения – от нацистской угрозы. Указывалось на необходимость охраны жизни и имущества граждан всех национальностей, лояльного отношения к польским госслужащим и военнослужащим, не оказывающим вооруженного сопротивления. Войскам и органам госбезопасности предписывалось действовать решительно при встрече с германскими частями, не давать им повода для военных провокаций, не допускать захвата ими районов, заселенных белорусами, и, при необходимости, оказывать вооруженный отпор.

В то же время и для СССР ситуация после гитлеровского нападения на Польшу сложилась критическая. Возрастал нацистский дипломатический и политический нажим на советское руководство. Было очевидно циничное стремление гитлеровцев втянуть Советский Союз в военный конфликт с Польшей. Со своей стороны советское руководство всячески старалось оттянуть время, дабы не быть скомпрометированным прямой агрессией против Польши и не выглядеть в глазах мировой общественности государством, вовлеченным в прямую поддержку

Обращение
командующего
Западным фронтом
М. Ковалева
к населению
Западной Беларуси
17 сентября 1939 г.

Браты Беларусы!

Амаль дваццаць год Вы знаходзіцеся пад гнётам польскіх панцоў, памешчыкаў і капіталістаў. Яны забралі ў Вас зямлю і абрабкі на вішчату і голад.

Землі беларускіх і ўкраінскіх сяляў засяляюць надзейнымі польскімі памешчыкам, псамі—саднікачы, ваявымі капіталістамі. Вас задушмлі вялікімі падаткамі, зборамі і павінаксіямі.

Памешччыкі зрабілі усё, каб Вас часціх труканіаваў беларусоў, зрэбіць вішчыкі.

Заходзяя Беларусь уся ў лесо, а Вам яваат зьмя дзе нарубіць дроеу, бо ўсе лесы явліаюць панам і памешччыкам.

Панскія халуі за вязку дроеу ізбіаюць Вас да самай смерці.

Польскія памешччыкі пазбавілі Вас пасьцьбітц, так што калі і аста-ляся ў наго марова, то не няна дзе пасьвіць.

Яны не прыаіаюць Вашага зьзяка, прымусова апаліаваюць бела-русоў, закрлілі ўсе беларускія школы, гэтым самым пазбавілі Вашых дзвеей права вучыцца на сваім радным зьзяку.

Браты беларусы! Паны і памешччыкі высасваюць а Вас апошніую кроў. Яны забіраюць у Вас бацькоў, братоў, сьмяю і гоіаць іх на зрыаваю боіну для абароны чужых Вам панскіх іаітэресаў.

Польская Улада ўдкігнулася ў непатрыбную для яарада аяіну а Германіяй, пазора праваіляся, аказалася вяаааюавай абараніць краіну і аселіаюча те яарады. Польская арія пацярпела ў вяліе суровае паражанне, ад каторага яна не ў сілах авраіацца. Вам беларусам, нашым жоаам, бяаыкам, маішерам, братам і сёбраам пагра-жае разаранне, пабоі і новыя злесткі а боку ворагаў!

Міністры і генералы захапілі золата, пазора ўшкелі, кінулі арыю і яарад на прызвоў судзьбы, паставілі Вас наа пагразаі поўнага ра-варанія і знішчання.

У гэтым сьмерчельным дні, дач Вас, браты беларусы, Ваіці Савецкі яарад, якому блізкія і азрагаіа Ваши іаітэрасы, дружаакі пра-аіаваюць Вам руку дапамогі.

К Вам ідзе непалабедзіма Работі Сяліанская Чырвоная Арія, каб выауааьды пазбавіць Вас ад кабылы панцоў, памешччыкаў і капіталістаў, каб выауааьды аслабаіць Вас ад вішчаты і ўшкы, каб выратаваць Вас і Ваши сьмяі ад пагразы знішчэння а боку вргаоў беларускага яарада.

Браты беларусы! Памагаіце часцяам Чырвонай Арії, якая вйсе Вам аслабаіненне ад ааіааата ярыа панцоў, памешччыкаў і капіталістаў. Зліааіаіце а вішчых ворагаў, выстулаючых са зброяй супроць часціей Чырвонай арії.

Брацікі прывет Вам ад шчаслівага яарада квітвеаюаай Савецкай Беларусі.

Камаадууючым Беларускаім Фронтам
Камааандарам 2-аго рота *МІХАІА КАВАЛЕУ*.

17 верасня 1939 г.

германской захватнической политики. Тогда правители рейха пошли на очередной шантаж, направив в Москву срочную депешу, в которой указывалось, что если Красная Армия не начнет боевых действий против Польши, то будет приостановлено германское наступление на эту страну, а на ее восточных землях будут созданы буферные государства – белорусское, украинское и польское – под фактическим протекторатом нацистской Германии. Такая опасность действительно существовала, тем более, что линия разграничения сфер политического влияния уже была обозначена в Договоре о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года, более известном как пакт Молотова–Риббентропа. Переход Белорусским фронтом западной границы 17 сентября 1939 года становился более чем вынужденной мерой. И войска выступили в поход. К 25 сентября исконно белорусские территории были освобождены от польской и германской оккупации. Да-да, и германской тоже, поскольку передовые части вермахта уже достигли Пружан и Кобрин. А белорусское население действительно встречало советские войска с

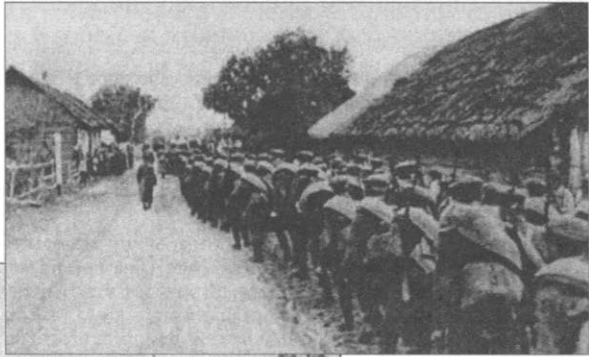

Вступление
советских
войск
в Западную
Беларусь.
1939 г.

энтузиазмом, как братьев и освободителей. В некоторых местах еще до прихода войск Белорусского фронта члены Компартии Западной Беларуси создавали военно-революционные комитеты, разоружавшие полицейских, брали под свою охрану важные объекты и коммуникации, как это было в Дрогичине. Формировались временные органы управления, а при них – отряды рабочей гвардии и крестьянской милиции.

Разумеется, в период, предшествовавший вводу войск в западные районы Беларуси, Особый отдел Белорусского особого военного округа (БОВО), наряду с 5 отделом (внешняя разведка) УГБ НКВД БССР и разведотделом штаба БОВО – впоследствии Белорусского фронта – должны были обеспечить предстоящие мероприятия в оперативном отношении. Предусматривалась, в частности, внедрение агентуры на эту территорию до линии раздела сфер влияния, подготовка и создание моторизованных групп с целью возможного захвата разведывательных и контрразведывательных органов противника и их документации, задержание их руководящих и оперативных сотрудников, контрразведывательное обеспечение Красной Армии с задачей своевременного выявления «враждебно настроенных элементов».

Для внешней разведки во вновь сложившихся и динамично меняющихся условиях основной задачей, конечно же, являлось получение от закордонной агентуры приоритетной военно-стратегической информации. Но все это было уже не так просто. Опустошительный вал репрессий 1937–1938 годов внес в этот процесс свои негативные коррективы. Лишь одно только поддержание или же восстановление связи с ранее приобретенной,

Войска Западного фронта на освобожденной территории Западной Беларуси. 18 сентября 1939 г.

а также действовавшей в течение продолжительного времени закордонной агентурой требовало большого риска, филигранной работы и величайших интеллектуальных усилий разведчиков. Ведь через нее требовалось выявлять и так называемую «пятую колонну», то есть лиц, завербованных германскими и английскими спецслужбами с целью последующего внедрения уже своих источников, а также для пресечения деятельности их резидентур. Не менее значимой являлась и задача тщательно залегендированного перемещения закордонной агентуры «на оседание» в Генерал-губернаторстве, созданном на оккупированных польских землях, для ведения политической разведки и проникновения в спецслужбы III рейха. В этой тайной войне были и свои жесткие законы. Профессиональные законы. Ведь ценность добытых разведкой сведений заключалась, прежде всего, в том, чтобы они своевременно попали в Центр. Только тогда они становились именно разведывательными.

Со своей стороны спецслужбы нацистской Германии ничем не брезговали, осуществляя активные разведывательные мероприятия на территории Западной Беларуси. Характерно в связи с этим признание, сделанное в 1945 году, уже в советском плену,

генерал-лейтенантом Гансом Пиккенброком, который ранее в звании полковника был начальником «Абвера-1»: «...В результате войны с Польшей многие поляки из восточных областей очутились в западных областях, и наоборот. Выявилась большая склонность к переходу демаркационной линии. Благодаря наличию у поляков родственных связей по ту сторону демаркационной линии, мы получили возможность активизировать свою работу против России. Возникли, правда, и объективные трудности такого рода, что поляки из числа солидных граждан категорически отказывались с нами работать и проявляли открытую враждебность, в связи с чем нам приходилось прибегать к помощи низов и опустившихся людей, которые шли на такую приманку, как водка, продукты питания, вещи и одежда, чего нельзя было свободно достать. Результаты работы этих агентов были не очень хороши, но все же кое-что о советских войсках нам стало известно. Число возвратившихся агентов этой категории составляло почти 50 процентов. Была ли вторая половина задержана советскими органами или добровольно осталась на другой стороне, мне не известно...». Так путем своеобразного «перетягивания каната» противоборствующими спецслужбами и затягивался предвоенный «белорусский узел».

В одном из донесений НКВД БССР в Центр в отношении форм и методов разведдеятельности германских спецслужб, выявленных контрразведкой, указывалось: «Задержанный и арестованный нами 14 октября 1939 года в г. Белостоке резидент немецкой разведки Моняк, житель г. Варшавы, украинец, по специальности машинист-печатник, является резидентом немецкой разведки. Завербован тремя немецкими офицерами-разведчиками 26 сентября в г. Остров-Мазовецкий. Проходил шестидневное обучение разведывательному делу. За указанное время ознакомился с типами танков, самолетов, состоящих на вооружении РККА и со знаками различия командного состава.

27 сентября 1939 года был доставлен из г. Остров-Мазовецкий в г. Замброво, откуда на велосипеде с беженцами 28 октября прибыл в Белосток. От немецкой разведки получил задание: осесть на жительство в Белостоке; заняться сбором шпионских сведений о мотомеханизированных частях РККА, их расположении, типах танков и их количестве, об авиации; названия полков и их номера.

...К Моняку должны были прибыть около шести (так в тексте – *Авт.*) шпионов, которых по поручению разведки он должен был устроить на жительство в г. Белостоке. Для встречи прибывших шпионов Моняк получил пароль “Мафя”. Ожидать их он должен был у входных дверей железнодорожной станции

Белосток, причем для того, чтобы прибывшие шпионы могли его опознать, он должен был надеть черный берет, кожаную тужурку и с велосипедом, облокотясь на него, ожидать при входных дверях на перроне станции перед приходом поезда. В случае, если бы шпионы не явились, он должен был 20 октября 1939 года нелегально возвратиться в Германию. А при задержании советскими пограничниками, должен был сказать, что идет за контрабандными товарами, но ни в коем случае не сознаваться, что является немецким шпионом. Собранные шпионские сведения Монак должен был зашифровать согласно усвоенному им шифру в записную книжку».

Германским Абвером применялись и иные способы внедрения своей агентуры, о чем свидетельствовали оперативные материалы в отношении поляка Владислава Бенкевича: «...С 16. 09. по 18. 09. 1939 г. находился в плену в Германии. Во время нахождения в плену был завербован немецкой разведкой для шпионской работы под кличкой Петр Любянец, а затем переброшен на территорию, занятую частями РККА, для разведывательной работы. По заданию немецкой разведки Бенкевич должен был, прибыв на прежнее место жительства, попытаться проникнуть на работу во временное управление и после этого приступить к сбору шпионских сведений о частях Красной Армии. Передавать же собранные сведения немецкой разведке он должен был через курьера, присылаемого ему...».

Разумеется, о перевербовке основной массы реально выявленной агентуры германских спецслужб речи идти не могло. Однако в отдельных случаях, с учетом личности агента и после тщательной его проверки, проводились так называемые оперативные игры с противником.

А что делали в это время спецслужбы других государств, в частности, Великобритании? Они также продолжали заниматься своей весьма конкретной работой. В конце 1939 года в Западной Беларуси на территории Барановичской области по указанию английского консульства в Литве и при непосредственном участии капитана бывшей польской армии Сикорского (резидента) были созданы – согласно советской терминологии тех лет – «контрреволюционные повстанческие организации», возглавляемые как поляками, так и белорусами. Затем все они вошли в состав одного из филиалов «повстанческой организации», действовавшей также в Барановичской области и руководимой капралом бывшей польской армии Брониславом Гайдулем и неким паном Песецким.

Не стоит забывать и о том, что и в довоенное время руководство Польши, которое после смерти маршала Пилсудского нередко называлось «режимом полковников», продолжало вынашивать планы создания Великой Польши в границах Речи Посполитой Двух Народов образца 1772 года. Под эти планы подпадала почти вся территория БССР, включая Минск и территории далеко за Минском. Данное обстоятельство было своеобразной идеологической и националистической подпиткой для разного рода «повстанческих» организаций на территории Западной Беларуси, руководимых из-за рубежа, что не могло не стать предметом пристального внимания подразделений контрразведки и внешней разведки НКВД БССР. Так вот тогда, в 1939-м, руководителями тех самых «повстанческих отрядов» Васюкевичем, Волынцом и другими в свою «организацию» были завербованы ненавидевшие новую власть и воспринимавшие Беларусь лишь в качестве некоего «географического недоразумения» польские националисты братья Волынцы и Новокунские, а также Дорняк, Жемойтук, Микельский, Гайдуль и другие. Основной своей задачей участники организации ставили ни больше, ни меньше, как свержение новой власти путем вооруженного восстания и воссоздания Польского государства в «новых границах», идеологически ориентируясь при этом на скорое поражение Германии в войне с Англией и Францией и совместное вооруженное выступление этих двух государств против СССР. Теперь в этой связи вспоминается упование незабвенного Остапа Ибрагимовича Бендера: «Заграница нам поможет»...

Созданные повстанческие отряды обеспечивались вооружением и боеприпасами. В них вербовали новых людей, готовились диверсионные акты на советских объектах оборонного значения, собирались деньги для приобретения военного снаряжения и вооружения, проводились нелегальные совещания и военные сборы. Вновь завербованные должны были «клонировать» себе подобных, продолжать вербовки уже по тройкам, но так, чтобы одна «тройка» не знала о существовании другой. Дело было организовано по всем канонам профессиональной конспирации. После оформления вербовки каждому новому члену группы разъяснялся порядок новых вербовок, цели и задачи «организации».

Поддерживалась связь с нелегально прибывавшими с территории Генерал-губернаторства, как была названа гитлеровцами оккупированная Польша, эмиссарами. Задания, дававшиеся завербованным членам боевых групп, конкретизировались. Теперь уже предлагалось заводить знакомства с военнотружущими Красной

Армии, выведывать у них места дислокации и численность войск, их вооружение, количество самолетов на аэродромах, их характеристики. Кстати, стандартный текст присяги «организации», а она одновременно была и подпиской о вербовке, недвусмысленно гласил: «Присягаю, что буду работать честно в тайной польской организации, буду сражаться за независимость Польши, буду интересоваться только лишь тем, что мне сказано и ни при каких обстоятельствах ничего никому не выдам». Пан Песецкий еще до установления советской власти лично совершил несколько «ходов» в Литву, получал там инструкции от английской разведки (СИС) и должен был передавать полученную разведывательную информацию как в Вильнюсский центральный штаб повстанческой организации, так и через резидента Сикорского – в английское консульство в Ковно (Каунасе).

Как выяснилось, «повстанческая организация» состояла в основном из поляков, объединенных по территориальному принципу в четыре главные окружные организации (обводы): Ошмяно–Молодечненскую, Столбцовскую, Лидскую, Барановичско–Новогрудскую. Все ее члены были выявлены советскими спецслужбами, а затем арестованы. Завербованные паном Песецким М. Васюкевич и С. Улановский рассказали, что по его заданию в декабре 1939 года нелегально переходили госграницу и доставили в Вильно резиденту Сикорскому секретный пакет. Полученные от него устные указания об активизации деятельности повстанцев, а также новый пароль для связи по возвращении они и сообщили Песецкому.

В ходе предшествовавших аресту членов организации оперативных мероприятий с задействованием закордонного агента «Сокола», а потом и в ходе следственных действий НКВД СССР и БССР были получены ценные сведения о формах и методах разведывательной деятельности и английской разведки на территории воссоединившейся Беларуси. Речь идет о конспиративных квартирах и адресах агентов-вербовщиков, а также связников на территории Литвы, что и было использовано в предвоенный период для парализации акций спецслужб противника на территории СССР и, в частности, Беларуси и Литвы.

К тому времени польским эмигрантским правительством был отдан приказ о создании на землях, входивших в Польшу до сентября 1939 года, так называемого Союза вооруженной борьбы (СВБ), которому были определены два врага: Германия и СССР. В Западной Беларуси, кроме того, действовали и такие подпольные структуры, как «Соколы», «Гренадеры», «Стрель-

цы», «Сикоровцы» и иные. Всего же к середине 1940 года органами госбезопасности было выявлено более 100 польских подпольных организаций.

Не дремали в это же время и нацистские спецслужбы. Они вели активную разведку под вполне легальным прикрытием комиссии по репатриации этнических немцев с территории Западной Белоруссии на историческую родину. Аппарат внешней разведки НКВД БССР совместно с Центром тоже активно работал на этом направлении, решая основную задачу по внедрению своих источников на важные объекты в III рейхе.

В Берлин – по «легенде»...

История эта началась осенью 1939 года на территории Западной Беларуси и продолжалась с разного рода драматическими потрясениями без малого 20 лет. Тогда, в начале октября в штаб опергруппы НКВД БССР пришел скромно одетый молодой человек, рассказ которого чекистам во главе с полковником А. Мисюревым показался поначалу довольно странным. Представившись потомком одного из известных дворянских родов, тот с места в карьер выпалил:

– Я просто удивлен, господа, почему ваши чекисты меня до сих пор не арестовали. Странно как-то, не по-советски. Уже почти все видные помещики и аристократы в округе арестованы. Я просто устал и буквально извелся. Кое-кто из наших местных уже на меня косится. Нельзя же так. Чего вы ждете?

«А он не без чувства юмора...», подумалось Мисюреву. К тому времени ему, начальнику УНКВД по Барановичской области, было кое-что известно о странном посетителе. Уже возникло и намерение поинтересоваться им, а тот взял, да и сам предвосхитил события. Мисюрев его успокоил:

– Не арестовали, говорите? И правильно сделали, товарищ Марек. Какой вы враг?! С чего вы это взяли? За вами, уж скажу по секрету, никаких враждебных действий не замечалось. Местные люди вас характеризуют положительно, даже ручаются за вас. А те, кто против нас агитирует, враждебное подполье свое создает, так те по лесам и по схронам прячутся. Их мы знаем, и народ знает. Да и вы, наверное, тоже. Давайте попьем чайку, а вы расскажете, какие проблемы у вас возникли.

С дальним прицелом затеял Мисюрев этот разговор. В неспешной беседе за чаем выяснились интереснейшие подробно-

сти, подтвердились некоторые предположения. Старинный род Марека действительно был известен русской аристократической эмиграции на Западе, а жена его, немка, имела, как оказалось, обширные связи в пронацистских кругах Германии. Образование Марек получил во Франции и Германии, однако хлеб насущный ему пришлось добывать своим тяжким трудом. Начинать телеграфистом и курьером губернского военкомата, затем рабочим авторемонтного завода в Варшаве, год стажировался в Америке, а, вернувшись в Европу, работал в сельском хозяйстве в имении своего дяди в Западной Беларуси. За доброе отношение к крестьянам и заступничество по отношению к ним его дядя, аристократ до мозга костей, не делавший никаких уступок и скидок «хамам и быдлу», обвинил его в большевизме и с треском выгнал из родового замка. Некоторое время Мареку даже пришлось жить в землянке с женой и ребенком. Трудно сказать, как бы все дальше сложилось, но помогли местные крестьяне.

— Я никогда, фактически, не принадлежал к высшему обществу русской или польской знати, не вращался в нем и считался в том кругу человеком чуждым, так как всегда симпатизировал крестьянам и батракам. На этой почве в 1935 году был лишен наследства моим ныне покойным дядей, — взволнованно рассказывал Марек, — Поляки меня на госслужбу не принимали, считая врагом польской государственности. А в начале войны с Германией конфисковали все мое личное имущество и даже охотничье оружие. Я не любил местных заносчивых шляхтичей и осадников, издевавшихся над крестьянами-белорусами, а они мне платили взаимностью. Будучи русским, я к советской власти относился все-таки сочувственно. Так вот и оказался меж двух огней...

— Эх, пропадет человек, — мелькнуло в голове у Мисюрева. Он задумался на некоторое время, затем решительно сказал:

— Вот что. Во-первых, надо вам трудоустроиться. Мы подумаем, как это лучше сделать. Во-вторых, нам с вами предстоит еще неоднократно встречаться и, разумеется, уже не здесь. Вас пригласят. А пока напишите-ка подробнейшую автобиографию. Все, как есть. А вот о том, что были у нас, никому ни слова. И не афишируйте особо свою лояльность к Советской власти. Это в ваших же интересах. Ясно?

Так для Марек начался новый этап в его жизни. И «выстраивался» он уже согласно «легенде». Безусловно, что все рассказанное им было тщательно перепроверено. После выполнения конкретных поручений Мареку было предложено сотрудничество в весьма специфической сфере, на что, движимый

прежде всего патриотическими побуждениями, он охотно и вполне искренне согласился. Так одним из приобретений внешней разведки стал агент «Фёрстер». Конечно, он до конца еще не представлял себе всю степень опасности и риска данного «предприятия», тем более, что у него пока и мыслей не было покидать родные края. Но события меж тем развивались своим чередом. А легенда Марека требовала своего постоянного подкрепления. Ведь кое-кого даже из тех, кому он некогда помогал, удивляло, что его так и не арестовали, как представителя «чуждых эксплуататорских классов». А это опасно, когда тебе завидуют или подозревают. Было решено уволить Марека с работы, лишить земли, чтобы тем самым «укрепить его авторитет» среди знакомых, как человека, «обиженного советской властью». Ведь хорошая легенда – это наиболее верная гарантия успеха.

В это время прибыла в барановичские края смешанная германо-советская комиссия по эвакуации в Германию граждан немецкой и прочих национальностей, желающих выехать из СССР. Марек начал неспешно зондировать почву в немецкой части комиссии о возможности своего выезда вместе с женой-немкой в рейх в порядке репатриации. Однако последующие события приняли настолько стремительный оборот, что пришлось ему сделать свой окончательный выбор немедленно. Немцы его «колебаний» не принимали и предложили Мареку, как патриоту нового фатерланда, срочно дать согласие на выезд с семьей в Германию. Отправиться предстояло самым первым эшелоном. Времени на доподготовку для работы за кордоном практически не оставалось, так что напутствием Мареку в его новой жизни стал лишь краткий инструктаж. Вновь на земле Беларуси он оказался 22 июня 1941 года уже вместе с наступавшими частями немецкого вермахта.

А тогда через двое суток после отъезда вновь обретенных подданных III рейха берлинский вокзал «Остбанхоф» встретил бравурными нацистскими маршами и пламенеющими стягами со свастикой. Марек жадно впитывал новые образы и впечатления. Кругом были мундиры, кокарды, эмблемы СС с черепом и костями, аксельбанты, портупей, глянцевые сапоги, штандарты, имперские орлы на фасадах, пивные кружки с символикой рейха и ранее ему незнакомый «клокочущий энтузиазм масс». Казалось, дай свисток, и вся эта берлинская толпа разом двинется строем туда, куда прикажут. За прошедшие годы немцы весьма изменились. И это вызывало тревожный холодок в груди. В голове у него промелькнули «целеполагающие» нацистские строчки: «Heute uns gehört nur Deutschland, und morgen die ganze

Welt!» (Сегодня нам принадлежит лишь Германия, а завтра весь мир!). Как все сложится в новых условиях? Согласно легенде он такой же, как они, преданный фюреру «винтик» рейха, наконец-то покинувший земли «расово неполноценных славянских орд». Но с учетом того, что предстояло выполнить серьезное задание, этого для безопасности, конечно, было маловато.

Еще хуже, как оказалось, было то, что спешный отъезд по началу отрицательно сказался на его работе с посольской резидентурой. В особенности это касалось способов выполнения заданий, соблюдения конспирации. Как-никак, а контрразведывательный режим в столице III рейха был довольно жесткий. Устранять все пробелы в подготовке приходилось на ходу. Благо, Марек был способным учеником. Вот только весьма «специфическими» оказались условия его сотрудничества с печально знаменитым советским резидентом «Захаром» – Амаяком Кобуловым, братом замнаркома НКВД СССР Богдана Кобулова. Это был тот случай, когда родственные узы в конкретной ситуации, увы, не могли заменить ни ум, ни профессиональные качества.

Тем не менее, за недолгий срок пребывания в Берлине Марек, благодаря протекции со стороны родственников жены, стал кандидатом в члены нацистской партии (НСДАП), успел восстановить старые связи и обзавестись новыми, в том числе и в кругах белогвардейской эмиграции. Правда, последнее обстоятельство особых перспектив не сулило. А «Захар» требовал все большего и большего, причем, сразу. «Но так ведь не бывает», – с досадой думалось Мареку, когда он выслушивал требования резидента. Хорошо, что пути его виртуально пересекались и с известным советским разведчиком А. Коротковым, который, как мог, старался направлять «бурную деятельность» Амаяка Кобулова в нужное для дела русло.

Оперативная обстановка, меж тем, становилась все более напряженной. Военная машина нацистской Германии форсированными темпами готовилась к войне с СССР. И «Фёрстер» сообщал: «5 сентября 1940 г. Фигнер, часто выезжающий на восток Германии и, в частности, в бывшую Польшу по делам строительства от своей фирмы (подземные ангары, бетонированные дорожки на аэродромах), рассказывает, что на границе к Советскому Союзу наблюдается усиленное строительство укреплений против Бреста.

По его словам, в Польше сосредоточено до 100 немецких дивизий. В Восточной Пруссии расквартировано 25 дивизий, такое же количество в Словакии.

Немецкая армия реорганизуется в направлении, нужном Германии для войны против Советского Союза. Учащийся офицерской школы в Берлине Хольтман рассказал, что все программы учебы преследуют подготовку германских офицеров к войне с Советским Союзом, так, занятия по топографии проводятся исключительно на местности, которая может быть только на востоке.

Так называемая Берлинская дивизия, вернувшаяся с западного фронта, реорганизуется, можно полагать, по направлению восточных устремлений Германии»...

На срочной конспиративной встрече с разведчиком «Юргеном» в берлинском районе Кройцберг в конце октября 1940 года, Марек, волнуясь, рассказывал ему о том, что считал на данный момент главным:

– По-моему, столкновение двух колоссов совершенно не за горами. Герман Зольф в разговоре со мной заявил, что месяцев через шесть Германия начнет войну против Советского Союза.

«Юрген», перебивая его, с сомнением спросил:

– А вам не кажется, что в ваши уши стараются влить то, что выгодно лишь в дезинформационном плане?

– Тогда они должны знать, кто я такой, вам не кажется? А это провал. Я думаю, что все не так. Ведь на мое высказывание о невозможности этого, Зольф заявил, что он работает в таком месте, что знает, что говорит и зря не говорит. Кроме того, Зольф сказал, что в скором времени он в качестве дипкурьера поедет в Москву с поручением к военному атташе. Все это надо скорее довести до вашего руководства...

Во всей информационной мозаике разведывательная информация «Фёрстера» получала высокую оценку в Центре, о чем свидетельствовало «Сообщение НКВД СССР в Наркомат обороны СССР о полученных из Берлина агентурных данных о подготовке Германии к нападению на СССР (октябрь 1940 года)»: «...Офицер штаба верховного командования (отдел военных атташе), сын бывшего министра колоний, заявил нашему источнику (связан с военными немецкими и русскими аристократическими кругами), что, по сведениям, полученным им в штабе верховного командования, примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза».

Однако у резидента «Захара» в отношении «Фёрстера» был свой «пунктик», и он в виде ядовитых замечаний докладывал в Центр: «Он, по-моему, немного с ленцой. И это понятно, исходя из его “благородного” происхождения. Во всяком случае, это нас

Титульный лист
гитлеровского
плана «Барбаросса»
по захвату СССР.
31 января 1941 года.

038 **Geheime Kommandoache**

Oberkommando des Heeres H. Q. OKH, den 31. Januar 1941
Gen St 3 I Op. Abt. (I K)
Nr. 050/41 g. K 102

Chef-Sache!
Nur durch Offizier!

30 Ausfertigungen
Ausfertigung.

Aufmarschanweisung Barba:

Streesgruppenkommando 1	
Sing: - 1. FEB 1941	Bearb. Abt.:
Br. No. 340/41 g. Adol.	Sachbearb.:
Am: <i>Chef</i>	

1.) Auftrag:

Für den Fall, daß Rußland seine bisherige Haltung gegen Deutschland ändern sollte, sind als Vorsichtsmaßnahme alle Vorbereitungen zu treffen, die ermöglichen, auch vor Beendigung des Krieges gegen England Sowjetrußland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen.

Die Operationen sollen so geführt werden, daß die im westlichen Rußland stehende Masse des russischen Heeres unter weitestgehender Vernichtung von Panzerkeilen vernichtet, der Abzug kampfkraftiger Teile in die Weite des russischen Raumes verhindert wird.

2.) Feindlage:

Als wahrscheinlich kann gelten, daß Rußland unter Ausnutzung der stellenweise verstärkten Feldbefestigungen an der neuen und an der alten Landesgrenze und zahlreicher für die Verteidigung günstiger Wasserläufe den Kampf im Bereich westl. Ostpreußen und der Dina mindestens mit starken Teilen annimmt. Besonderen Wert wird die russische Führung darauf legen müssen, die Erhaltung ihrer Luft- und Flottenbasis in den baltischen Provinzen und die Anlehnung ihres Südflügels an das Schwarze Meer durch Einsatz ausreichender Kräfte möglichst lange zu gewährleisten.

не устраивает. Нужно тактично на него нажимать и постепенно выбивать иждивенческие настроения».

А в это время директива фюрера № 21 от 18. 12. 1940 года о плане «Барбаросса», фрагменты которой были добыты советской внешней разведкой через другие источники, уже недвусмысленно гласила: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Приготовления к осуществлению плана следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 года.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны».

Тем временем незадачливый «Захар» все продолжал «наезжать» на «Фёрстера» по поводу его якобы малой информации

онной отдачи, отсутствия новых связей, и того, что тот еще не смог устроиться на работу в госаппарат или еще лучше – в Абвер, «прямо на Тирпицфер». «Фёрстер» на встречах, едва сдерживаясь, терпеливо растолковывал ему, что круг его связей расширяется, удалось даже познакомиться с абверовцами. Ведь работа ему нужна была еще и для того, чтобы избежать мобилизации в вермахт, что, кстати, решительно сузило бы его возможности, однако пока кроме вежливых обещаний дело никак не шло.

Между тем, поток информации продолжал нарастать. На очередную встречу «нерадивый» агент «Фёрстер» вызвал «Захара» условленным экстренным звонком по телефону. Стало уже не до субординации, поскольку необходимо было срочно передать только вчера полученные сведения: «20 декабря состоялась встреча у Фигнера, куда были приглашены начальник генерального штаба Йодль, генералы Боденшатц и Мюллер. Во время вечера, чтобы избавить гостей от ожидания тревоги, Йодль решил позвонить в штаб и спросить, как обстоят дела с тревогой на сегодняшнюю ночь. Из штаба ответили, что тревоги пока не предвидится. Йодль объявил, что можно спокойно пировать, англичане не помешают. Через 15 минут завывла сирена. Гости были неприятно поражены неосведомленностью штаба.

Во время налета я стоял вместе с Йодлем на балконе и наблюдал за стрельбой. Я заметил: «Какая страшная картина». Йодль ответил, что это еще ничто по сравнению с тем, что будет здесь твориться весной. Это было сказано так просто, что можно подумать, что Йодль уже давно смирился с мыслью о продолжительной войне.

...После разговора о Болгарии Йодль сам переключился на разговор о политике Советского Союза, о которой отзывался с большим раздражением. Заявил, что СССР пытается вести свою собственную политику, надеется что-то выиграть, но этому не бывать – Советский Союз будет делать то, что ему прикажем мы, немцы. Если же большевики будут сопротивляться и задумают с нами играть, мы разобьем эту банду быстрее, чем в две недели. Йодль уверен, что Красная Армия во много раз слабее немецкой.

Йодль рассказал гостям, что Молотов произвел приятное впечатление на Гитлера. Речь идет о визите Молотова в Берлин в 1940 году. Но его окружение – весьма отрицательное. Гитлер сопровождавших Молотова лиц назвал цепными собаками, которые делают то, что им прикажут. Такое же впечатление осталось у большинства высших лиц, имевших встречи с Молотовым.

На вопрос одного из гостей, почему Германия оказывает такую широкую техническую помощь СССР, Йодль ответил: «То, что мы даем Советскому Союзу или уже технически устарело, или нам уже не нужно. Ничего нового или того, в чем мы еще заинтересованы, мы им не дали. Наши сотрудники гестапо под видом инженеров разъезжают с русскими инженерами и зорко смотрят, чтобы фирма не показала больше, чем дозволено».

Один из моих знакомых присутствовал на вечере, посвященном выпуску молодых офицеров. Вечер состоялся 18 декабря в спорт-паласе в Берлине. Присутствовало 5000 человек. С речью выступил Гитлер, который заявил, что молодые офицеры должны проникнуться сознанием того, что Германии предстоит вести войну с очень упорным врагом и что меньше всего нужно надеяться на скорое окончание войны, следует приучить себя к мысли о том, что драться придется долго, и лишения будут тяжелыми. Тем радостнее будет победа.

В одном месте своей речи Гитлер сказал, что на земле царит беззаконие, 60 миллионов великороссов владеют 1/6 частью всей суши и что на этой одной шестой части – несправедливость и беспорядок. Призывал молодых офицеров к совершению ими их священного долга – «устранению этих вопиющих несправедливостей. 25. 12. 1940 г.»

«Фёрстер» рассказывал резиденту также и о некоторых других примечательных моментах своего визита к Вольфу в генштаб: «...Выйдя из генерального штаба, Вольф, смотря на небо, сказал: «Скорее бы потеплело, похоже, через 4 недельки начнем воевать».

– Где? – спросил я.

– Всюду, – ответил он мне.

– А как с Россией? – спросил я.

– Очень возможно, что и с ней. Все зависит от того, как она посмотрит на наши действия на Балканах.

– А может, придется воевать с англичанами в Риме?

– Кто знает, какие еще будут сюрпризы?»...

Из сообщения «Фёрстера» от 15 марта 1941 года: «С 1 по 15 марта – в разъездах по северо-восточной Германии. ... Прежде всего, о впечатлениях. Сколько бы мы ни ехали и куда бы ни ехали, мы все время встречали эшелоны моторизованных военных частей, идущих на юг. Кроме этого, по дороге в Штеттин в 15 км от города, справа от леса видели аэродром и массу войск. Разговаривая с рабочими в 2-х лагерях около Эггизинца, я вынес впечатление об огромном недовольстве рабочих тяжестью рабо-

ты. Никакого военного энтузиазма я не заметил! Все работают на оборону, строят какие-то подземные города. А в другом лагере, что в километре от Эггизинца, делают взрывчатые вещества.

В Штеттине стоят два крейсера, но не в порту, а прямо в заливе»...

В одном из документов, не имеющем прямого отношения к нашему герою, резидент «Захар» сделал весьма примечательное замечание по поводу, как оказалось, «Фёрстера»: «...с Йодлем он не виделся. Генерал Йодль по нашим данным присутствовал при беседе Гитлера с Муссолини (сводка “Лицеиста”)». Вот так, снова чисто виртуально, пересеклись два агента внешней разведки: «Фёрстер» и провокатор-двурушник «Лицеист» (Берлинкс), а также их куратор «Захар». Кобулов в одной из своих записок указывал: «Лицеист» – Орест Берлинкс родился в семье врача в сентябре 1913 года. Учился в 1-й реальной гимназии в Риге, «которую блестяще закончил в 1933 году». Держал конкурсный экзамен на химический факультет Рижского университета, но случайно получил место переводчика в редакции газеты «Бриве Земер», поскольку хорошо знал три европейских языка. “Лицеист” рассказывал мне: «Вообще я был очень энергичным работником и очень быстро стал продвигаться по службе, хотя политикой не интересовался. Предложение стать собственным корреспондентом газеты в Берлине явилось большой неожиданностью, но я принял его, не колеблясь. Сейчас я на распутье, не знаю, что делать, а денег больше нет...».

Ну, как было не помочь такому «нужному» человеку!? Не мудрствуя лукаво малоопытный, выдвинутый по протекции своего высокопоставленного брата Богдана Кобулова, «Захар» через десять дней после знакомства взял да и «завербовал» Берлинкса, намереваясь использовать его «для получения секретной политической информации о положении дел в Германии» с выплатой «агенту» в отличие от «Фёрстера» значительной суммы в рейхсмарках ежемесячно. После этого, не скупясь на радужные эпитеты, он доложил о сделанном в Москву.

Центр отреагировал на подобную скоропалительную «творческую инициативу» незамедлительно и четко. Павел Фитин, начальник 1-го управления НКВД СССР, вполне резонно указал: «Поскольку с “Лицеистом” только устанавливаются отношения и он еще не проверен в деле выполнения наших заданий, предлагаем проявлять разумную осторожность в работе с ним и ни в коем случае не передавать его на связь какому-либо другому оперработнику резидентуры».

Годы спустя, оказавшийся в советском плену офицер гестапо Зигфрид Мюллер, сотрудник реферата IV-D Главного управления имперской безопасности, на допросе 21 мая 1947 года показал, что руководивший латышским журналистом и двойным агентом сотрудник РСХА Ликус регулярно ездил к Гитлеру с донесениями о ходе дезинформационной игры. Фюрер, жадно потирая руки, интересовался мельчайшими деталями и нюансами общения Берлинкса и Амаяка Кобулова вплоть до того даже, что с пристрастием выспрашивал: с каким выражением лица воспринимал тот заявления о миролюбии Германии, с какой интонацией говорил, насколько крепким было рукопожатие и прочее, прочее.

Вот так и стал резидент «Захар» жертвой вполне незамысловатой подставы германских спецслужб. Требования конспирации при организации связи с новоиспеченным «агентом» им не соблюдались настолько, что «Лицеист» мог запросто посещать «своего шефа» на дому. И это, несмотря на то обстоятельство, что места компактного проживания советских граждан в Берлине бдительно контролировались гестапо!

Трезвоня о своих связях в высших кругах германского МИДа, Берлинкс передавал Кобулову «дезу» о том, что предметом устремлений нацистского руководства является не Россия, а регионы Ближнего и Среднего Востока, Африка. Эти материалы отправлялись в Москву как «весьма ценные». Притом как-то забывалось, что один из постулатов разведки гласил: «Недооценивать противника – это значит разоружать самого себя».

Кстати, Амаяк Кобулов зачастую передавал информацию непосредственно через наркома внутренних дел Лаврентия Берия лично Иосифу Сталину, минуя начальника 1-го управления НКГБ СССР Павла Фитина. Можно лишь чисто умозрительно представить себе состояние руководителя внешней разведки, когда вождь, сообщая ему «информацию», о которой Фитин и понятия не имел, приговаривал при этом, попыхивая своей знаменитой на весь мир трубкой: «Ничего-то вы опять не знаете, начальник разведки...». Те «сообщения» «Лицеиста» лишь подогревали недоверие Сталина к советской разведке, а у некоторых ее руководителей, не желавших попасть в опалу или получить «десять лет без права переписки», стремление смягчить содержание наиболее острых сообщений из других источников. Были иногда и попытки временно уклониться от своевременного доклада объективных данных. Ведь начальство зачастую склонно верить тому, что ему докладывают, если оно полностью совпадает с тем, что оно уже знает.

Кстати, в связи с этим Маршал Победы Г. К. Жуков вспоминал: «Информация, которая исходила от генерала Ф. И. Голикова, немедленно докладывалась нами И. В. Сталину. Однако я не знаю, что из разведывательных сведений докладывалось И. В. Сталину генералом Ф. И. Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, а такие доклады делались неоднократно.

Одно лишь могу сказать: И. В. Сталин знал значительно больше, чем военное руководство. Но даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, он должен был видеть безусловное нарастание угрозы войны, но он этого не увидел и, переоценив свои возможности, шел дальше по ложному пути».

Очередная специально подготовленная немцами «ценная информация» «Лицеиста» для доверчивого советского резидента «Захара», принятая им опять-таки на дому и направленная им лично в Центр, гласила: «Вождем латышских фашистов в Германии “Лицеист” назвал Густава Целминша. Агент якобы заходил к нему, но не застал. Обещал повторить свой визит к латышскому “фюреру” с целью разузнать подробнее о его связях и окружении... В следующий раз, заканчивал телеграмму Кобулов-“Захар”, я буду давать ему по 500 марок. Он этого заслуживает...». По сути «Лицеист» подсовывал «Захару» пустышки.

Был конец мая 1941 года, и в ответ на телеграмму «Захара» о невероятных информационных успехах «Лицеиста» раздраженный Центр едко указывал: «Информация “Лицеиста” содержит много воды и совсем мало фактов. Кроме того, информация содержит много неточностей, противоречивых и сомнительных данных, а также изобилует общими местами. “Лицеист” черпает свою информацию у лиц, предназначенных германским государственным аппаратом для “питания” прессы. Что касается поездки “Лицеиста” во Францию, которую германские власти специально организуют для иностранных журналистов, то возникает вопрос: не окажется ли поездка “Лицеиста” во Францию более полезной для Германии, нежели чем для нас?»

В то же самое время «Захар» был весьма прижимист в вопросах, касавшихся финансовой стороны дела при работе с «Фёрстером». Более того, личное неприятие «Фёрстера» и «классовый подход» к его материалам со стороны резидента зашли настолько далеко, что некоторое время он попросту отметал его сообщения, называя их мусором. Но, как оказалось, несмотря на недостаточную подготовку, упущения в его инструктаже, допускаявшиеся берлинской резидентурой, задержки

и без того мизерного денежного вознаграждения, выплачивавшегося ему, агент в своих информационных сообщениях и прогнозах был прав. Об этом на одной из встреч он с возмущением и заявил «Юргену»:

– Я давал вам сведения о возможных перемещениях в высших эшелонах власти Германии? Через месяц они полностью подтвердились! Я предупреждал, что приблизительно через два месяца Германия настолько сблизится с Болгарией, что та станет ее полной союзницей и что будет заключен договор о сотрудничестве в военной сфере? Теперь мы это реально имеем, и ни о каком сближении советских и болгарских политических позиций не может быть и речи. Не говорю уже о строительстве новых военных заводов в Германии и Генерал-губернаторстве, размещении там новых войск. Так в чем же дело? Или мне веры нет?

«Юргену» – и, соответственно, резиденту «Захару» – оставалось лишь сквозь зубы извиниться перед источником, а позже меланхолически констатировать: «Действительно в указанных вопросах агент оказался прав и нас не дезинформировал». Но от этого было не легче.

Тем временем, предчувствуя дыхание грядущей войны, уже упоминавшийся разведчик А. Коротков, анализируя совокупную тревожную агентурную разведывательную информацию, сообщал 20 марта 1941 года в Центр «товарищу Павлу» (Берии) свои соображения, обратив при этом внимание и на сведения «Фёрстера»: «...Руководитель статистического института, работавшего по заданию военного командования, Л., рассказал “Корсиканцу” (представителю “Красной капеллы” – Авт.) также о готовящемся нападении на СССР.

Как теперь сообщает “Корсиканец”, царит общее мнение, что операции против Англии отложены.

Еще в прошлом году “Фёрстер” получил данные от работника группы немецкого командования о том, что Германия начнет военные действия против СССР. Косвенные сведения поступали тогда же от “Кузнецова” и “Брайтенбаха” (сотрудника гестапо Вилли Лемана, завербованного внешней разведкой еще в 1923 году – Авт.)».

Но теперь можно только дискутировать о том, почему эта информация не была оценена должным образом. Как говорится, Господь предполагает, а вождь располагает.

В целом в рамках получаемых установок и политических реалий берлинская резидентура 1-го управления НКГБ СССР работала результативно. Она имела на связи достаточное ко-

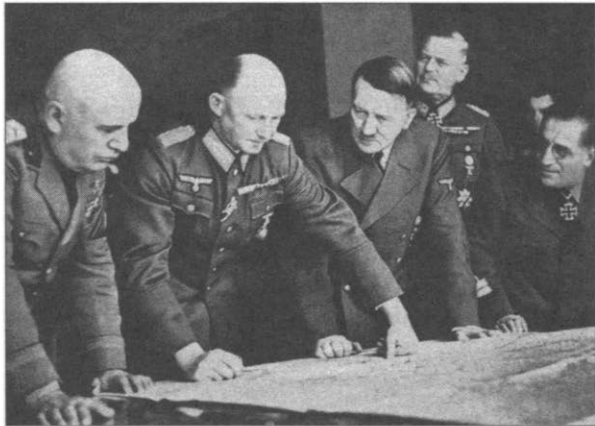
личество ценных источников, как, скажем, группа, получившая потом в материалах гестапо условное наименование «Красная капелла», от которых поступала приоритетная разведывательная информация о захватнических планах нацистского руководства и датах нападения на СССР. Однако с началом войны связь с ними была полностью утеряна, поскольку дееспособной нелегальной резидентуры в силу различных причин так и не было создано, а «легальная» была 22 июня 1941 года полностью блокирована нацистами в Берлине. Дело осложнилось еще и тем, что мобилизационный план, разработанный руководством внешней разведки СССР на случай войны тоже исходил из того, что она будет вестись, как и предполагала общая военная доктрина, исключительно на территории агрессора. Поэтому для агентуры, работавшей в стране потенциального противника – в нацистской Германии – были предусмотрены линии и способы связи через Данию, Бельгию на Стокгольм, где была создана для этого специальная резидентура, а также через белорусский Брест, который, если исходить из упомянутой доктрины, «никак не мог быть захвачен агрессором». Однако в 1940 году Дания и Бельгия были оккупированы нацистами, а новых линий связи руководство внешней разведки наладить уже не смогло.

Кроме того, результаты первых дней войны, особенно отступление войск Западного фронта в Беларуси, также самым роковым образом сказались на деятельности «Красной капеллы» и другой закордонной агентуры, снабженной радиосредствами. Все дело в том, что мощная приемо-передающая радиостанция Центра, осуществлявшая связь с источниками, находилась как раз в районе Бреста и была незамедлительно эвакуирована. Агентурная сеть внешней разведки на несколько месяцев лишилась радиосвязи с Центром. Последующие попытки 1-го управления восстановить ее через «соседей» – РУ РККА закончились провалом «Красной капеллы» и Вилли Лемана («Брайтенбаха»). В этом были и трагедия, и проклятие разведки, иногда становящейся жертвой политических установок руководства собственной страны.

Но вернемся в предвоенный Берлин. Из сообщения в Центр резидента «Захара»: «10 мая “Ф” присутствовал на вечеринке у Фигнера. Сообщил следующее:

1. Генерал Деслах назначен главнокомандующим воздушными силами на востоке.
2. Очевидно, проводится тактическая подготовка военных операций на востоке, так как генерал Деслах позвонил по теле-

А. Гитлер
и его генералы
вместе
с **Б. Муссолини**
разрабатывают
военные планы.

фону и сообщил, что не может прийти, поскольку занят разработкой плана захвата Ростова-на-Дону.

3. Немцы предполагают, что в случае войны Берлин будет жестоко бомбардироваться. Об этом говорил генерал Мюллер, находящийся при Браухиче для особых поручений.

4. Несмотря на военную подготовку, говорили о том, будто СССР уже согласился отдать Украину под контроль Германии и дело может обойтись без кровопролития».

Увы, в самый канун войны был потерян контакт с агентом «Фёрстером». В начале июня 1941 года, как и ожидалось, он все-таки был откомандирован из Берлина в одну из танковых дивизий вермахта, дислоцировавшуюся в районе Люблина, для «выполнения своего долга перед фюрером и фатерландом» в качестве переводчика. Естественно, что более-менее свободно перемещаться он уже никак не мог, потому сумел отправить всего одно условное письмо. Но посольская резидентура с началом войны свою деятельность полностью прекратила, связь с «Фёрстером» оказалась на долгие три года прерванной. Его пытались потом разыскать в танковых соединениях вермахта через «соседей» — Разведуправление Генерального Штаба РККА. Но в лапидарном ответе из «братского» ведомства было указано: «...В настоящее время это не представляется возможным».

Связаться с советской внешней разведкой «Фёрстеру» удалось первый раз письмом, переданным в 1943 году через брянских партизан. А в 1944 году «Фёрстер» был переправлен в Москву. А там он узнал, что он сам, оказывается, во всем виноват. Как говорили в таких случаях знающие дело люди, «неудачу всегда можно свалить на агента: не так понял, не то сделал, не туда поехал, не

там стоял или не так держал перчатки по условиям связи». Но это уже совсем другая история. Скажу лишь, что ему, как и некоторым другим, указавшим приблизительные сроки начала войны, довелось, не сломавшись, пройти и Гулаг и Лефортово...

На Белостокском направлении – не все в белом цвете

С присоединением западных белорусских земель, а также вхождением Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР установилась общая граница между Советским Союзом и Германией. Но одно дело – граница на карте и совсем другое – на местности. Между тем, на территории Западной Беларуси продолжали в то время действовать группы дезертиров из бывшей польской армии, банды уголовников, скрывавшихся в лесах. Они терроризировали местных жителей, активистов и совершали диверсионные акты. Примером тому являлись вооруженные вылазки с сопредельной стороны, совершаемые бандой Полубинского, которая действовала дерзко и оставляла многочисленные человеческие жертвы. И хотя к марту 1941 года Государственная граница СССР с германским Генерал-губернаторством (Польша) была в основном оборудована, поток нелегальных лазутчиков неуклонно возрастал. Особенно большую активность с той стороны в этот период развил некто «Кульгавый», он же белоэмигрант Петр Дьяченко, ранее служивший офицером в царской армии, потом у Петлюры и, наконец, в Войске Польском. В довольно пространной аттестации, некогда составленной на Дьяченко командиром 3-го кавалерийского полка Войска Польского, что квартировал в Сувалках, отмечалось: «Любит строевую службу, неутомим физически, хороший наездник, равно ему нет во всем полку, на полном карьере поднимает с земли пятизлотовую монету...». Здесь же отмечалась и другой весьма пикантный момент: «...Любит погулять, очень любит женщин и женское общество. Жена не ревнует, платит ему той же монетой...». Не знал тогда командир полка лишь главного, что уже с 1935 года Дьяченко являлся агентом Абвера, состоявшим на связи у полковника Ноцни из абверштелле «Кенигсберг». Об этом советской внешней разведке сообщил перевербованный агент Абвера «Капрал», с помощью которого и начался тайный поединок с Дьяченко и его хозяевами.

Для немецких усилий в то время было характерно то, что вербовка поляков в нацистскую разведсеть осуществлялась поначалу под «чужим флагом», то есть от имени комитета «Независимой Польши». Велась игра на патриотических чувствах. Но Абвер не гнушался, как отмечал некогда полковник Г. Пиккенброк, и обычными уголовниками. Так был вовлечен в его сети и «промышлявший» в лесах да на темных тропях Полубинский. Это сделал некто Барковский, предложивший ему сотрудничество с якобы польской националистической организацией. Потом Полубинский и сам вербовал для нее новых членов, организовывал сбор оружия.

О преступной деятельности Полубинского, еще не знавшего, кто на самом деле стоит за спиной Барковского, через закордонную агентуру стало известно НКВД Белорусской ССР, и он был привлечен к уголовной ответственности. Однако каких только фантастических случайностей и стечений обстоятельств в жизни не бывает. Через три месяца находившемуся под стражей Полубинскому удалось обмануть следователя и его начальника, дав им ложные показания о месте нахождения склада оружия, после чего он, обведя вокруг пальца своих незадачливых конвоиров, совершил дерзкий побег и перешел на нелегальное положение. Полубинский нашел прибежище в банде уголовников, скрывавшихся в лесу с осени 1939 года. Между тем уже шел 1940 год.

Через некоторое время Полубинский получил записку от жителя деревни Нетто Франтишка Высоцкого, приглашавшего навестить его для встречи с «важным лицом». Им оказался тоже находившийся на нелегальном положении бывший подофицер Войска Польского Юзеф Гроховский. Тот отрекомендовался представителем «полковника», якобы являющегося шефом националистической организации в Сувалках на территории Генерал-губернаторства, борющейся против немцев. Полубинский после разговора с ним согласился привести своего «руководителя» – главаря банды Эдварда Станкевича. Но уже на очередной встрече все они поняли, что попали не к «пану полковнику», а к резиденту германской разведки «Кульгавому», что, впрочем, их нисколько не смутило. Оказалось, что и особняк, где проходила встреча, являлся конспиративной квартирой Абвера. Вскоре там появились еще три гостя, а в числе их и некий «Доктор», он же Оскар Шimmel (кличка «Шнайдер» – начальник «Абвернеснебенштелле Летцен»), а также «Фогель», он же Конрад Спитценпфайль – зондерфюрер, выполнявший специальные поручения Абвера и эсесовских айзатцгруп. Бандитам напрямую

было предложено работать на германскую разведку, на что они без колебаний согласились. Затем под диктовку Дьяченко ими были даны подписки: «Обязуюсь работать в пользу Фогеля, беспрекословно ему подчиняться и выполнять все его приказы». Так пан Полубинский стал агентом Абвера под псевдонимом «Шнеллер № 811».

Задание, которое получили Станкевич и Полубинский от «Фогеля» и Дьяченко, было то же, что и у других агентов Абвера: собирать всеобъемлющую информацию о частях Красной Армии, расквартированных на гродненском направлении, убивать советских активистов, а их документы доставлять в Сувалки. Тем временем четко продуманные действия сотрудников НКВД по Белостокской области под руководством С. С. Бельченко и А. А. Сотикова привели к результату, которого новоиспеченные агенты не ожидали. Внезапность появления в лесу чекистской опергруппы настолько ошеломила скрывавшихся бандитов, на которых делал ставку Полубинский, что боестолкновение было весьма скоротечным, в плен попали восемьдесят из них. Арестованный там же бывший подполковник польской армии Вонсач, тоже являвшийся абверовским агентом со стажем, подтвердил принадлежность к их числу и Полубинского: «Полубинский часто в сопровождении доверенных лиц отлучался из лагеря для организации связи и передачи разведматериалов лицам, прибывавшим из-за границы, а также для совершения терактов. Он ушел, видимо, за границу, а своих людей послал “на дело” и на побывку домой».

Из докладной записки наркома НКВД БССР Л. Цанавы от 12 июля 1940 года в адрес первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. Пономаренко: «...В результате агентурных мероприятий в Августовском районе Белостокской области 10 июня нами ликвидирован штаб повстанческой контрреволюционной диверсионной организации в количестве 11 человек. Штаб был расположен в лесу в двух специально оборудованных шалашах аналогично ранее ликвидированному нами штабу по Едвабновскому району. В момент ликвидации штаба повстанческой организацией было оказано оперработникам и бойцам вооруженное сопротивление, однако, после длительной перестрелки, 80 участников организации захвачены живыми, а 3 – тяжело ранены. На основании показаний участников ликвидированной организации, якобы, штабом руководил Полубинский, который, будучи ранен во время перестрелки, сумел скрыться. Розыск и поимка его организваны. С нашей стороны жертв не было.

Захвачены две полевые сумки с оперативной точки зрения важными и интересными документами. Среди этих документов имеется: 1. Структура ликвидированной организации под названием “Польская армия освобождения”; 2. План г. Августово с указанием размещения частей гарнизона РККА, советских партийных учреждений и дислокации постов. 3. Список 36 населенных пунктов Белостокской области с обозначением числа участников банды в этих пунктах. 4. Приказ генерала Сикорского о подготовке вооруженного восстания. 5. Список партийно-советского актива, призывы к убийству путем террористических актов. 6. Устав повстанческой организации. 7. Список комендантов контрреволюционной повстанческой организации по низовым звеньям. 8. Разные контрреволюционные воззвания и другие документы. Всего изъято руководителей и участников организации – 56 человек, в том числе офицеры и подофицеры бывшей польской армии, военные осадники, еще с первых дней советизации Западной Белоруссии, скрывшиеся от репрессий и другой контрреволюционный элемент. На предварительном следствии арестованные дают признания. По показаниям участников организации устанавливается наличие еще 3-х штабов контрреволюционных повстанческих отрядов, расположенных в лесах. Местонахождение их нащупано и намечены оперативные мероприятия по их полному разгрому».

Вновь заброшенные на территорию Беларуси Станкевич и Полубинский узнали, что их ранее существовавший на советской территории в районе деревни Гнежины лагерь разгромлен чекистами. В их распоряжении, правда, еще оставалось около 20 единомышленников, и они начали петлять по лесам, делая набег на хутора и деревни. В конце октября 1940 года группа чекистов, состоявшая всего из пяти человек, настигла эту банду в районе хутора Новины. В ходе операции два бандита были убиты, а трое захвачены живыми. Однако взять живыми Полубинского и Станкевича сразу не удалось. Станкевич в перестрелке был убит, а раненому Полубинскому вновь удалось бежать. Удача пока ему улыбалась.

Захваченные во время этой операции бандиты Ясинский и Карпис сообщили, что Полубинский собирается зимой 1941 года уйти в Сувалки, а уже весной вновь вернуться для выполнения задания Абвера. Тем временем его банда снова совершила теракты – убила уполномоченного Наркомата заготовок Е. Зюраева, бросила гранату в здание клуба в местечке Райгруд. Затем Полубинскому в сопровождении внедренного в его банду закор-

Оружие,
изъятое
у участников
вооруженного
бандподполья
в Западной
Беларуси.
1940 г.

донного агента НКГБ «Яся» удастся уйти в Сувалки, как и главарю другой банды В. Внуковскому, передавшему Абверу документы о строительстве оборонительных сооружений на одном из участков советско-германской границы. И вот 15 марта 1941 года небезызвестный Дьяченко по команде абверовца «Фогеля» начал подтягивать банду Полубинского к госгранице. Бандитов он перевозил на своей машине в лесничество «Крулева Вода», действуя нагло и бесцеремонно.

Это была уже солидно экипированная разведывательно-диверсионная группа, которая имела задачу переправить Полубинского через госграницу, а затем обеспечить его последующую работу. В круг обязанностей последнего входило: расширение сети и активизация деятельности существующей на территории Белостокской области повстанческой организации, численность которой насчитывала около двух тысяч человек; физическое уничтожение лиц, симпатизирующих советской власти и препятствующих расширению сети повстанческой организации (список этих лиц находился у Полубинского); подготовка подпольной организации к вооруженной борьбе против советской власти. Но как только банда пересекла госграницу, часть ее была сразу же уничтожена, а за другой во главе с Полубинским началась погоня. На следующий день их всех удалось задержать. Но Полубинский был захвачен самым последним. Удача, казалось, вновь сопутствовала абверовскому эмиссару. Поначалу ему удалось улизнуть и скрыться в доме своей любовницы. Однако уже назавтра чекисты определили район, где он находился. Группа пограничников под командованием старше-

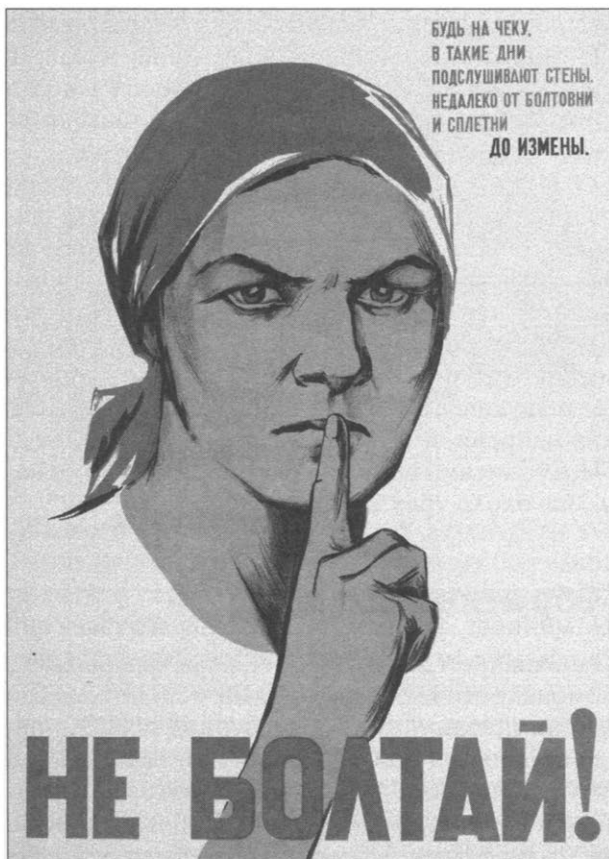
го лейтенанта Алиманова внезапно окружила дом и предложила сдать. В ответ Полубинский открыл стрельбу. Тогда младший лейтенант Яценко и старший политрук Громов ворвались в дом и обезоружили бандита. В карманах у него были обнаружены крупная сумма денег и золото. Это произошло 16 марта 1941 года.

В ходе допроса Полубинский не стал отрицать, что является резидентом германской разведки и что вся его банда финансируется Абвером. Терять ему уже было нечего. Главным же результатом допроса был личный вывод Полубинского, которым он поделился с чекистами: «Германия усиленными темпами готовится к нападению на Советский Союз. Оно произойдет в ближайшие 2-3 месяца, что будет являться сигналом к нашим действиям». Соответствующее сообщение Белостокское УНКГБ и внешняя разведка направили в Центр. Как показал дальнейший ход событий, Полубинский почти не ошибся. Реально до начала войны оставалось около трех месяцев.

«Обратный отсчет»...

Тем временем в Западной Беларуси продолжалась борьба с вооруженными националистическими бандами и подпольными террористическими организациями. В этот период погибло немало чекистов, ведь противник был коварным и безжалостным. Но многие и отличились: В. Исаев, А. Ермаков, Е. Федоров, С. Королев, К. Груздев и другие сотрудники органов госбезопасности. К декабрю 1940 года в Брестской области была ликвидирована подрывная организация «Легия Подляска», представлявшая собой по структурному построению семь округов, каждый из которых опять же делился на 5-6 районов. Во главе округов и районов стояли коменданты. Повстанческие формирования имели оружие и четко разработанные планы расстановки и действий руководителей, диверсантов, мобилизации населения, транспорта. В ходе оперативных мероприятий было изъято оружие, боеприпасы, арестовано около 100 участников организации.

В тот же период органы государственной безопасности Беларуси разоблачили большое количество агентуры и нацистской Германии. Ведь в незримый бой с гитлеровцами они вступили задолго до войны. В одном из документов НКГБ СССР весной 1941 года отмечалось: «Вся работа немцев приняла характер подготовки к военным действиям и проводилась в направлении создания диверсионных групп и банд для

«Не болтай!»

Плакат

1940 г.

действия в тылу Красной Армии; установления ориентиров для бомбардировки объектов оборонного и государственного значения; подготовки кадров сигнальщиков, облегчающих немецкой авиации бомбардировку в ночное время намеченных ими целей; подготовки террористических актов против высшего руководства РККА; создания в советском тылу радиостанций для связи на военное время... Германской агентурой ведется широкая вербовочная работа в западных областях БССР, УССР, Прибалтики...».

В конце весны и в начале лета 1941 года политическим руководством СССР безусловно осуществлялся комплекс мероприятий, направленных на укрепление обороноспособности государства. Перестраивалась и система органов, обеспечивающих безопасность страны. Однако судьба, к сожалению, отпустила

Письмо
Военного
Совета БОВО
секретарю
ЦК КПБ (б) Б
П. К. Пономаренко
о недопустимости
отключения
электроэнергии
в военных городках.
9 января 1940 г.

Горько - Варшава 25

СЕКРЕТНО
Зас. М.И.

СССР-НОО
СЕКРЕТАРИАТ
Военного Совета
Взводного особого
военного округа

ЦК КПБ (б) Б
Вс. № 11
0 - Инв. 100
14

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПБ (б) Б
ТОВ. ПОВОМАРЕНКО.

9. января 1940.
№ 038
1940. Январь.

Состояние военных городков: Красное Урочище, Антоново, Коширово, Лет-Лаборатории катастрофическое не причине систематического выключения электроэнергии. Ответственная, канализационная система замерзла и выхлудит из строя.

Тысячи людей лишены нормальных условий, а их основные части не могут выполнять плана боевой - политической учебы и партийно-политической работы.

За последние два дня электростанция выключилась дважды ПУОБРА и дозаставших отделов, это действие срывает выполнение правительственных заданий штабу Округа.

Мое обращение лично к Вам, и тов. ИСКЕЛЮ, и секретарю Минского Горкома КПБ (б) Б с просьбой запретить выключение электроэнергии для военных частей положительный результатов не дало.

Возьма того на письменное мое обращение от 14.12.39г. и 7.1.40г. секретарь Минского Горкома КПБ (б) Б не считает нужным не только принять меры, но даже сообщить свое решение.

Обращаясь к Вам еще раз прошу безотлагательно запретить выключение электроэнергии для военных частей.

С ВАМ, ПРИЛОЖ. - *Gyancius* - СТОЯНИН/

Отпечатано 2 экз.,
Лит. № 1 - адресату,
Лит. № 2 - в дело,
12/.

слишком малый срок предвоенного мирного времени, и многое не удалось завершить. Уже начался своеобразный «обратный отсчет», который закончился 22 июня 1941 года...

Из разведсводки Особого отдела погранвойск от 1 декабря 1940 года: «Имеется отделение гестапо в г. Седлец, там же его филиал, при железнодорожной станции Седлец. В Варшаве главное управление гестапо занимается разведкой на территории СССР и контрразведкой на территории Генерал-губернаторства... Бывшие белогвардейские офицеры – братья Шлыковы Михаил и Иван – являются агентами-вербовщиками, замыкаются на бывшего балаховского офицера Ломакина Петра...

Руководитель «Белорусского комитета самопомощи» в Варшаве Щорс находится на службе у разведотдела, вербует агентов из числа белорусских националистов,.. разведработу ведет и немецкая пограничная полиция».

В 1940 году сотрудниками НКВД БССР были обезврежены агенты германских спецслужб Бжезовский, Олендский, Стем-

пень, Хилюта, Каминский. Затем в ходе оперативной игры, в которой участвовал разведчик П. С. Теодорский, удалось задержать еще нескольких агентов Абвера. В частности, агентов-радистов Юзефовича, Будкевича и других. Незаурядные личные качества Теодорского помогли чекистам Беларуси парализовать накануне войны шпионскую деятельность абверовской резидентуры во главе с Конечным (Ковальским), который сначала был сотрудником польской, а затем резидентом немецкой разведки.

Из разведсводок НКВД БССР за февраль 1941 года: «Дислоцированные в пограничной полосе Германии армейские разведпункты, ведущие разведку территории СССР, по предварительным данным, называются Фербиндунгштелле (Информбюро)...

Разведшкола в г. Штеттине. Задача – подготовка квалифицированных разведывательных кадров для ведения военного шпионажа на территории СССР».

Вполне определенно говорилось о возможности германской агрессии и в донесении закордонного агента «Забытый» от 10 мая 1941 года: «Резидент немецкой разведки Конечный, направляя в СССР разведчиков, заявил последним: “Я могу теперь сообщить вам, что война Германии с СССР висит почти на волоске. Вы еще успеете вернуться, а затем вместе с армией я и вы встретим наших в СССР”. Далее Конечный дополнил: “Не позднее, как 20 июня с. г., должна начаться война с Советским Союзом. О том, что немцы победят – это точно, говорить нечего...”».

К сожалению, жизнь Петра Станиславовича Теодорского; принимавшего самое непосредственное участие в разоблачении Конечного, трагически оборвалась в 1943 году, когда он, выполняя разведзадание в Польше, был задержан гестапо и вынужден был покончить жизнь самоубийством.

В ходе той оперативной игры 1941 года с германской разведкой отличилась группа сотрудников госбезопасности в составе: С. Бельченко, Б. Ачасова, Г. Гуляева, А. Рогова, А. Панова, Н. Румянцева, Н. Кухарева, Н. Иванова, К. Лукельева, А. Антипова, А. Зайцева. Пожалуй, наиболее весомым итогом этой кропотливой работы было завязывание радиоигры с германской разведкой, в ходе которой передавались дезинформационные материалы, а также создавались условия для внедрения в нее своих людей.

В этот же период произошли и крупные оргштатные изменения. В феврале 1941 года Народный комиссариат внутренних дел Указом Президиума Верховного Совета СССР был разделен на два ведомства: НКГБ – Наркомат госбезопасности СССР и НКВД – Наркомат внутренних дел. Это обосновывалось «необ-

ходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы».

На НКГБ были возложены основные задачи по ведению разведывательной работы за кордоном, борьбе с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР. 8 февраля 1941 года органы военной контрразведки из НКВД СССР были переданы в Наркомат обороны СССР, образовались 3-е управление Наркомата и третьи отделы в военных округах. Но, как потом оказалось, мера эта была явно преждевременной...

В этот период 1-е управление (внешняя разведка) и контрразведка НКГБ БССР сообщали о массированном и интенсивном скоплении вермахта у западной границы на территории «германского Генерал-губернаторства». Разведчики с честью выполнили поставленную перед ними задачу по получению приоритетной разведывательной информации о военных приготовлениях нацистской Германии, а НКГБ БССР своевременно направлял ее в Центр.

Тем временем машина подготовки агрессии III рейха продолжала набирать обороты. 15 февраля 1941 года Гитлер издал строго секретную «Директиву по дезинформации», обязавшую главный штаб германских вооруженных сил и Абвер предпринять дополнительные меры по усилению маскировки приготовлений к операции «Барбаросса» во избежание раскрытия их советской разведкой. Эта дезинформационная кампания имела две стадии: на первой (ориентировочно с 15 февраля по 16 апреля 1941 года) предписывалось осуществить комплекс мер, призванных убедить советскую разведку в том, что перегруппировка германских сил никак не связана с сосредоточением их в восточной части Генерал-губернаторства, а является обычным планируемым «обменом» войсками в связи с предстоящей операцией «Марита» (вторжение в Югославию); на второй (с апреля 1941 г до момента агрессии против СССР) стратегическое развертывание вооруженных сил должно было изображаться как дезинформационный маневр якобы с целью усыпления бдительности англичан и отвлечения их внимания от ведущихся приготовлений по вторжению на Британские острова. Для этого был намечен перевод значительной части германских ВМФ в порты на французском и немецком побережье Северного моря, а также концентрация авиационных соединений на французских аэродромах.

Между тем, 13 марта 1941 года в «Инструкции об особых областях» к директиве № 21 (план «Барбаросса») на военное время у гитлеровцев все уже было четко расписано: «Как только район боевых действий достигнет достаточной глубины, он должен быть ограничен с тыла. На оккупированной территории, находящейся за районом боевых действий, будет организовано собственное политическое управление. Эта территория с учетом национальности ее народонаселения и в приблизительном соответствии с границами групп армий будет разделена вначале на области: Северную (Прибалтика), Центральную (Белоруссия) и Южную (Украина)».

С территории Генерал-губернаторства разведывательно-подрывную работу против СССР и войск округа активно проводила служба внешней разведки и контрразведки (Абвер), внешнеполитическая разведка Главного управления имперской безопасности (РСХА), иностранный отдел гестапо (внешнеполитический отдел национал-социалистической партии). Общую координацию деятельности спецслужб осуществлял Объединенный штаб связи (ОШС), замыкавший на Гитлера. Кроме того, на стороне нацистских спецслужб в то время было несомненное преимущество, поскольку в ходе ведения военных действий в Центральной Европе они накопили определенный опыт активной подрывной работы на чужих территориях, подготовили кадры профессиональных разведчиков и контрразведчиков.

Расширению возможностей для работы против СССР в определенной мере способствовал захват части архивов разведки польского генштаба. Это была обширная картотека польской агентурной сети за рубежом, в том числе на территории Беларуси и Германии. Как следствие, часть агентов была перевербована, а часть – казнена как предатели III рейха.

С 1940 года Абвер на плановой основе приступил к заброске агентов в СССР с территории Генерал-губернаторства для ведения шпионажа в интересах армии вторжения. Советским органам госбезопасности, несмотря на успехи, не во всех случаях удавалось своевременно выявить и пресечь такие акции. Например, один из немецких агентов в течение 1940 года трижды нелегально пересек советско-германскую границу и совершал полутора-двухмесячные рейды в районы Москвы и Центрального Урала, о чем стало известно лишь во время войны, когда советской военной контрразведкой был захвачен ряд архивов Абвера.

Во взаимодействии с Центром 1-е управление НКГБ БССР продолжало работу по приобретению источников информации в спецслужбах противника. Были в этом деле и неудачи, о чем не

без иронии писал в своих послевоенных мемуарах Оскар Райле – помощник шефа Абвера адмирала Канариса. Особым успехом стал захват ими документов Брестского УНКГБ БССР 22 июня 1941 года: «Из груды документов, представляющих интерес для Абвера, попавших мне тогда в руки, хорошо запомнилось дело, касавшееся одного офицера германской службы контршпионажа, а именно майора Фабиана, который перед войной служил в отделе Абвера в Бреслау. НКВД неоднократно подсылал к нему агентов, но он ни на одного из них не клюнул. Поэтому НКВД ставил его в пример собственным офицерам и при этом в особенности упирал на то, что на майора Фабиана не смогли повлиять ни с помощью алкоголя, ни соблазнить красивыми женщинами».

Не способствовало успеху советских спецслужб и то, что не существовало соответствующих информационно-аналитических структур именно по линии субъектов внешней разведки, которые находились в подчинении Наркомата госбезопасности и Наркомата обороны. Это отрицательно сказалось на оценке имевшихся разведданных о сроках начала войны. Данное обстоятельство не позволило своевременно и четко определить, в частности, то, что стратегия Гитлера основывается именно на теории «блицкрига». Увы, все полагались на одного человека...

Небезынтересен и такой факт, который приводила в своих воспоминаниях сотрудница 1-го управления НКГБ СССР Зоя Воскресенская–Рыбкина. Суть заключалась в том, что после воссоединения Беларуси сотрудники НКГБ БССР в мае 1941 года арестовали в Западной Беларуси одного из абверовских разведчиков, действовавшего на этой территории – бывшего капитана царской армии Нелидова. Его привезли на Лубянку и поручили Воскресенской, которая на основании показаний этого разведчика должна была проанализировать ход военных игр, проведенных Германией в последнее время.

«Отчетливо помню синие стрелы, направленные на границу Белоруссии, – вспоминала Воскресенская. – Нелидов пояснил, что во время одной из последних военных игр Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления. Я рассмеялась: как это на пятые сутки? Он смутился и принялся клясться всеми богами, что именно так было рассчитано Кейтелем...». Когда Воскресенская доложила об этом разговоре начальнику 1-го управления НКГБ СССР Павлу Фитину, тот искренне возмутился: «Ну и заливает этот подонок! На пятый день уже им и Минск». Однако, в первых числах июня 1941 года тем же 1-м управлением НКГБ СССР от советского агента, желез-

«Будь
бдительным!»
Плакат 1941 г.

нодорожного чиновника в Берлине, был получен адресованный ему пакет с надписью: «Вскрыть по объявлении мобилизации». Там уже находилось предписание Главного военного командования Германии, обязывавшее этого чиновника прибыть на станцию Минск, начальником которой он назначался, и приступить к исполнению своих обязанностей именно на пятый день после начала военных действий.

Слухи, которые так настойчиво отрицала советская пресса, несмотря ни на что, упорно разползались по приграничной полосе Беларуси, особенно с начала мая. Однако никто и представить не мог масштабов надвигающейся трагедии, а, тем более, ее темпов.

И. В. Сталин уже имел к тому времени подробнейшую информацию и о подготовке Германией нападения на СССР,

сроках его начала, да и о силах будущего агрессора. И в то же время он упорно утверждал, что Гитлер «не пойдет на нарушение договора». Сталин прямо говорил, что «разведчикам нашим верить нельзя». Прямое негативное значение имело его утверждение, сделанное 20 марта 1941 года о том, что сообщения о готовящемся нападении Германии на СССР «необходимо рассматривать как дезинформацию, исходящую от англичан и даже может быть германской разведки...». А их было уже много.

Из спецсообщения НКГБ БССР в НКГБ СССР от 19 июня 1941 года: «По данным нашей закордонной агентуры, разведывательного опроса нарушителей государственной границы и данным УПВ НКВД БССР, отмечаются продолжающиеся интенсивные военно-мобилизационные приготовления немцев на сопредельной территории...

В ночь на 15 мая с. г. на станции Тересполь выгружено 3 эшелона танковых войск...

10 мая на станцию Бяла-Подляска и станцию Хотылово прибыло 400 самолетов, часть из них находится в вагонах, не выгружается. В последних числах мая сюда стали прибывать летчики...

Сведения о прибытии на станцию Тересполь артиллерии и чешских солдат в числе немецких артиллеристов подтверждаются донесением от 10 июня (личные наблюдения наших закордонных агентов «Свистунова», «Локтионова», «Булатова»).

На белостокском направлении разведка НКГБ БССР и погранвойск НКВД имели исчерпывающие и своевременные данные о сосредоточении и развертывании германских войск вдоль всей границы. В числе задерживаемых нарушителей границы (их было около 1200 человек) разоблачалось все большее число германских агентов. Задания, дававшиеся им, показывали, что Абвер проявлял большой интерес к вопросам дислокации воинских частей, их вооружению, к местам складов и баз, к строительству аэродромов и посадочных площадок, количественному составу и типам самолетов, танков, артиллерии, наличию оборонительных сооружений. Особенный интерес для него представляли места расположения органов госбезопасности, фамилии работников, их домашние адреса. Возрастало и количество засылаемых в Западную Беларусь диверсионных групп, которые с началом войны должны были взрывать железнодорожные и автомобильные мосты в тылу советских войск, уничтожать военные склады, отравлять водные источники, разрушать линии связи. В районе Белостока военной

контрразведкой была задержана группа диверсантов, у которых были обнаружены ампулы с бациллами сибирской язвы для заражения водоемов, кавалерийских конюшен, войсковых продкладов в прифронтовой полосе.

Задачи, поставленные перед своей агентурой германскими спецслужбами, были обширны. Из следственных материалов видно, что кроме шпионажа и диверсий им поручалось совершать террористические акты в отношении командиров и политработников РККА, убивать оперсостав НКВД, оборудовать посадочные площадки для воздушных десантов, создавать вооруженные банды в тылу противника. Материально они подкреплялись оружием, взрывчаткой, фальшивыми документами, крупными суммами денег в рублях, экипировались в ряде случаев в форму военнослужащих РККА, железнодорожников, милиционеров.

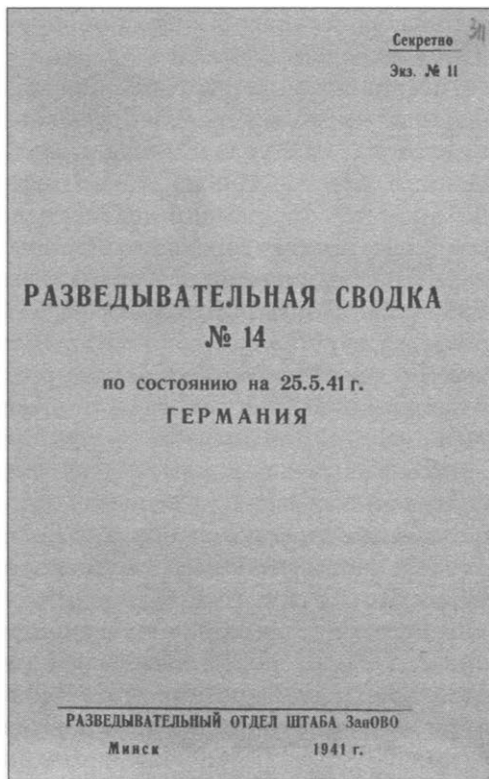
Кстати, накануне войны был отправлен в Центр один из последних и небезынтересных документов все от того же «Фёрстера»: «Об украинцах. Член организации Скоропадского – Ткаченко заявил, что организация Скоропадского осталась не у дел, так как главные ее силы находятся в Америке, и немцы сделали ставку на Мельника, организация которого (ОУН) находится под руководством германского министерства иностранных дел. На собрании украинцев 12-го мая, где был Ткаченко, присутствовал представитель МИДа Фатц. Выступив, он заявил, что хозяйственные формы будущей национальной Украины уже предрешены, и нечего украинцам строить какие-то свои планы.

По-видимому, Ткаченко недоволен тем, что немцы сделали ставку на организацию Мельника, а не Скоропадского, так как очень неодобрительно отзывался об оуновцах и скомплектованном ими правительстве».

Несколько забегаая вперед, стоит заметить, что спецслужбы III рейха с началом второй мировой войны проявляли повышенный интерес как к украинцам, так и к выходцам из Беларуси и белорусам, проживающим на захваченных территориях Западной Европы. С октября 1939 по июнь 1941 года «белорусскими делами» занимались сотрудники Абвера майор Герулис (бывший ректор университета в Кенигсберге), майор Деринг, капитан Козловски, а также представители германских властей – профессор фон Менде и его советник (эксперт по «белорусским делам») фон Энгельгардт.

Завершающим этапом этих «изысканий» стал конец февраля 1941 года, когда «белорусский» и «украинский» комитеты в городе Лодзь посетили все те же Герулис и Козловски для вер-

Титульный лист
разведсводки № 14
разведотдела
штаба ЗапОВО
по состоянию
на 25 мая 1941 г.

бовки добровольцев из белорусов и украинцев в парашютно-диверсионные подразделения. Из белорусов они набрали 32 человека, которых затем готовили в лагере возле Остроленки и сформировали три группы. Две группы по 11 человек в каждой 20 июня 1941 года были выброшены на парашютах на советской стороне границы возле Белостока. Они были вскоре выявлены органами НКГБ и уничтожены. Третья группа (10 человек) была выброшена на парашютах уже в ночь на 21 июня возле Минска и выполнила поставленную перед ней задачу.

Кроме того, в Варшаве было организовано, а затем подготовлено в Силезии другое диверсионное подразделение «белорусских парашютистов». Накануне германского нападения на СССР его перебросили на восток за Буг, где и оно и было обнаружено. После недолгого сопротивления это подразделение было захвачено и заключено в тюрьму города Ломжа (Белостокская область БССР). При захвате этого города нацисты освободили диверсантов во главе с их немецким шефом.

Задачей Абвера в этот период также являлось отслеживание изменений, происходящих в войсках ЗаОВО, на глубину пограничной зоны. В эти операции вовлекалось как можно большее число агентов, забрасывавшихся через демаркационную линию 1939 года. Это были люди, заранее прошедшие обучение в школах Абвера в Штеттине, Кенигсберге, Берлине и Вене. Время от времени целые группы германских солдат, переодетых в красноармейскую форму, под руководством офицеров-разведчиков переходили границу для рекогносцировки местности. В частности, в апреле 1941 года была осуществлена попытка переброски группы из 16 немецких солдат, переодетых в форму саперов РККА, на территорию Западной Беларуси. В завязавшейся перестрелке 11 немцев были убиты, 5 захвачены и интернированы...

Забрасывавшаяся в мае и начале июня на территорию Беларуси германская агентура не имела при себе радиостанций, так как должна была вернуться обратно не позднее 15-18 июня 1941 года. Это вновь указывало на то, что час нападения Германии на СССР был близок.

Весьма противоречивую оценку в 1990-е годы получили превентивные меры советского руководства по отселению отдельных категорий польского населения вглубь страны непосредственно перед войной согласно решению политического руководства СССР. Однако в воспоминаниях начальника УНКГБ БССР по Белостокской области майора госбезопасности С. Бельченко говорится: «Буквально за несколько дней до начала войны органы госбезопасности осуществили высылку из Белостока враждебных элементов из числа местных жителей... Арестованных поляков погрузили в вагоны и отправили на восток. И я с полной уверенностью скажу, что арестованные стреляли бы нам в спину при отступлении, как это было в Прибалтике. Эта мера была крайне необходимой. Более того, арестованным полякам вскоре предоставили возможность или вступить в Войско Польское, сражавшееся с гитлеровцами на стороне СССР, или быть переданными через Иран англичанам...». До сих пор те меры считаются в чем-то спорными, хотя многие «критики» предпочитают помалкивать по поводу интернирования на территории США сотен тысяч этнических японцев, которое было осуществлено после вспыхнувшей в декабре 1941 года войны между Соединенными Штатами и Японией. Между тем, демократичность США никто не ставит под сомнение.

Надо признать, что прилагавшиеся вермахтом и германскими спецслужбами усилия по дезинформации руководства СССР, спецслужб и командования РККА относительно истинных целей, связанных, в частности, с сосредоточением немецких войск на западных рубежах Советского Союза, в определенной мере увенчались успехом. Например, в конце доклада начальника Разведуправления ГШ РККА генерала Голикова высшему руководству страны от 20 марта 1941 года, в котором использовались и материалы внешней разведки НКГБ СССР, констатировалось: «Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки...». Есть примеры и более позднего времени. Война уже стояла на пороге, а известное Заявление ТАСС от 15 июня 1941 года, опубликованное в газете «Правда», опровергало сообщения иностранной печати о «якобы возникших между СССР и Германией разногласиях». Заявление расценивало слухи о сосредоточении на границе немецких и наших войск «как неуклюжую пропаганду враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в развязывании войны...». А передвижения войск РККА и предстоящие в приграничных округах маневры, как указывалось в Заявлении ТАСС, «имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата...».

В том, что это заявление многих дезориентировало, сомнений нет. Бытует мнение, что Сталин таким образом хотел то ли получить от Гитлера очередные уверения в верности заключенному договору, то ли даже усыпить его бдительность, выиграть время, а затем якобы нанести «превентивный удар» по группировке вермахта. Но тогда Гитлер промолчал. Поэтому предоставим слово его генералам. Так, начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментрит уже после войны вспоминал: «Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были бы понять, что происходит, но на другом берегу Буга, перед фронтом 4-й армии и 2-й танковой группы, то есть между Брестом и Ломжей, все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя как обычно. Вскоре после полуночи международный поезд Москва–Берлин беспрепятственно проследовал через Брест». Гудериан, чьи танковые клинья огненным смерчем прошли по Беларуси, писал: «Тщательное наблюдение 21 июня за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе Брестской крепости, который просматривался с на-

Диктор
белорусского радио
В. Юевич
ведет репортаж
о первомайском
военном
параде в Минске
на площади имени
В. И. Ленина.
1941 г.

блюдательного пункта, под звуки оркестра производился развод караулов. Береговые укрепления вдоль реки Буг не были заняты русскими войсками...». Как говорится, без комментариев, ибо о каком упреждающем ударе можно вести речь, если на советской стороне фиксировалась полная беспечность.

Отчасти этим обстоятельством может быть объяснено то ощущение «внезапности», которое возникло после нападения нацистской Германии на СССР ранним утром 22 июня 1941 года и о котором говорится до сих пор. Ведь только 21 июня 1941 года вечером согласно Директиве наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генштаба Г. К. Жукова командующим приграничных округов предписывалось привести войска в боевую готовность, но, вместе с тем, не поддаваться ни на какие провокационные действия, которые могут вызвать крупные осложнения. Армия и органы военной контрразведки были оповещены о необходимых действиях лишь за полтора-два часа до начала войны, когда никакими решительными мерами уже ничего нельзя было исправить. Тем более, что директива не была доведена до всех, так как многие линии связи в Западной Беларуси уже были выведены из строя германскими диверсантами из абверовского полка «Бранденбург-800».

ВСМОТРИСЬ В ЭТОТ ПОРТРЕТ

ЭТО ПРОВАРЫЙ ГИТЛЕР Смерть Гитлеру и его работорговцам

Вторая глава

03/ Beheime Kommandos
Geheimstandort des Beheime
Gen. St. 1. 1. 1941 (11K)
Nr. 030/41 g. 434a

30 Ausfertigungen
Anfertigung:
Date: - 1. FEB. 1941
No. No. 240/41 g. 434a
Bet.: 11/11

Chief-Sache!
Nur durch Glaszart!

und seine bisherige Haltung gegen
auf als Vorrichtungsnahme alle
die ermittelten, auch

Партизаны!

Бессовестные враги, руководимые советской агентурой, стараются как можно скорее овладеть этой важной коммуникационной линией, которая является для нас основным источником снабжения.
Официально объявляется, что это — наглый донос! Все пакеты содержатся в надежном месте, а партизаны и командиры доблестной армии от 21.4.43. содержатся как доблестными Русской Освободительной Армии.
Противостояние в коммунистической партии как и в целом у народа является врагом.
Эту партию за № 13 является также вас, партизаны, как и в целом коммунистической партии.
ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНИИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
ВИБИМС

В ГОДИНУ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ

Нападению на СССР основных сил вермахта предшествовала серия спецопераций Абвера. Так, 22 июня 1941 года, около полуночи на участке 123-й немецкой пехотной дивизии переодетые в униформу германских таможенников диверсанты все того же «Бранденбурга-800» безжалостно расстреляли наряд советских пограничников, обеспечивая прорыв пограничных укреплений. На рассвете диверсионные группы Абвера нанесли удар в районе Августов–Гродно–Голынка–Рудевка–Сувалки и захватили десять стратегических мостов на линиях Вейсейя–Поречье–Сопоткин–Гродно–Лунно–Мосты. Кроме непосредственного урона эти акции оказали и деморализующее воздействие на советские органы управления.

В это же время спецподразделения «фронтальной разведки» – Абвер-3 – безуспешно препятствовали эвакуации и уничтожению секретной документации советских военных и гражданских учреждений в Бресте. Диверсантами в ночь на 22 июня были также перерезаны и выведены из строя проводные линии связи, что нарушило управляемость штабов и соединений, в частности 4-й армии, со штабом ЗапОВО и Брестской крепостью. В некоторых районах Бреста и на железнодорожной станции в ту же ночь было выведено из строя электроосвещение, испорчен водопровод, организована авария на электростанции в г. Кобрине. Группы террористов были переодеты в форму РККА, НКГБ, милиции. На железных дорогах Беларуси за три дня было совершено восемь диверсионных актов.

24–25 июня диверсанты из того же «Бранденбурга-800» под командованием лейтенанта Лекса совершили ночное десантирование со сверхмалой высоты (50 метров) в полосе наступления группы армии «Центр» между Лидой и Первомайским с заданием перерезать железнодорожную линию Лида–Молодечно, захватить и удерживать до подхода главных сил переправы через Березину. Первые потери эта группа понесла еще в воздухе от огня ПВО Западного фронта. Но 35 «коммандос»

Германский
«Пропуск для
перебежчиков».

все же соединились в районе станции и вышли к реке. Охрана мостов была уничтожена в ходе внезапной атаки, а сами мосты, подготовленные к взрыву, разминированы. Ожидавшиеся танки вермахта не смогли вовремя выйти к месту высадки диверсантов. В ходе ожесточенных боев в течение суток они понесли большие потери, но выполняли задачу до конца. К сожалению, им это удалось, и подошедший авангард вермахта затем прочно «оседлал» переправы.

Сообщения о действиях гитлеровских диверсантов и террористов постоянно фигурировали в оперативных сводках первых дней войны, но все-таки нацистским спецслужбам не удалось провести на Западном фронте и в его тылу сколько-нибудь крупных диверсионно-подрывных акций, которые серьезно бы повлияли на исход развернувшихся ожесточенных сражений. Все в конечном итоге решал исход боевых столкновений войск. А к ним вермахт был подготовлен лучше. Кроме того, у него уже был двухлетний опыт боевых действий в Западной и Центральной Европе. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, в предвоенное время семнадцать лет отдавший службе в Белорусском особом военном округе, вполне справедливо отмечал: «...Немецкая армия была намного лучше оснащена, лучше отмобилизована, имела военный опыт, была опьянена победами. Боеспособность немецких солдат, их воспитание и выучка во всех родах войск были высокими, но особенно хорошо были подготовлены к войне танковые и авиационные части. Все это важно знать, чтобы иметь представление, с какой силой столкнулась наша армия...».

Увы, с началом войны почти вся оперативная документация органов разведки и контрразведки НКГБ БССР, выдвинутых Л. Ф. Цанавой по указанию Центра на самый передний край (Брест, Гродно, Ломжа), была захвачена спецгруппами Абвера-3 (силами специальных операций в современном понимании). Это нанесло урон всем оперативным силам и средствам органов госбезопасности Беларуси, в том числе и на последующие годы.

Первые дни войны вызвали чувство растерянности даже в высшем государственном и военном руководстве. Были случаи нерешительных действий, а порой и бегства партийных и со-

ветских руководителей. Используя эти моменты, абвергруппы, которым придавались подразделения охранных дивизий вермахта и автоколонны, как скажем «Абверкоманда-305», захватывали во время наступления германских войск документы, представлявшие интерес для германских спецслужб, и вывозили их из Беларуси. В Минске в руки специальных отрядов, двигавшихся в составе наступающих немецких частей, попало немало документов и картотек в Доме Правительства, архивных и иных дел агентуры НКГБ и НКВД БССР. Из-за этого был потерян один из ценных агентов советской разведки 1930-х годов С. Н. Третьяков. Его дед, С. М. Третьяков, основал всемирно известную Третьяковскую галерею. В 1917 году С. Н. Третьяков занимал пост председателя Высшего экономического совета в правительстве А. Ф. Керенского. В период Гражданской войны он был министром торговли и промышленности в Сибирском правительстве адмирала А. В. Колчака. А в эмиграции в 1929 году Третьяков стал агентом Иностранного отдела ОГПУ, активно участвовал в работе против Российского Общевоинского Союза в Париже (РОВС).

Захватив в Минске часть архивов НКГБ БССР, которую чекисты не успели эвакуировать или уничтожить, немцы обнаружили дело, в котором имелись упоминания о некоем источнике НКВД в Париже. Дальнейшее было делом техники. В результате 14 июня 1942 года Сергей Третьяков был установлен и арестован гестапо, а 16 июня 1944 года расстрелян в концлагере под Берлином. К сожалению, подобные провалы не были единичными фактами, тем более, что архивы попадали в немецкие руки не только в Минске, который находится от границы в 350 километрах. Куда хуже обстояло дело в Бресте. Вот что говорится в воспоминаниях того же Оскара Райле – помощника шефа Абвера В. Канариса: «...Группы фронтовой разведки (Абвер – 3) старались, как можно скорей добраться до учреждений секретных служб противника. В некоторых случаях это удавалось сразу в первые часы кампании, поскольку НКВД (имеется ввиду НКГБ – *Авт.*), главная ветвь советской секретной службы, выдвинул свои органы вплотную к германо-советской демаркационной линии».

Так, например, было в Брест-Литовске. Непосредственно после воздушного налета сотрудники команды III фронтовой разведки под командованием майора Т. вошли в город в передовых порядках наступающих войск и заняли здание НКВД. Капитан Д. участвовавший при этом, так описывает этот эпизод:

«Когда мы вошли в здание НКВД и произвели осмотр, то нашли все так, как если бы служащие только что покинули свою контору. Письменные столы, сейфы, стулья – все стояло на своих местах. Телефонные штекеры еще воткнуты в коммутационные гнезда, и коммутаторные лампочки продолжали гореть. Служащие учреждения, видимо, бежали сломя голову.

Поэтому в сейфах, вскрытых автогенном, мы, сверх ожидания, обнаружили множество секретного материала. Наше командо работало почти неделю, чтобы изъять и просмотреть все документы, найденные в НКВД... Подавляющее большинство материалов для анализа было отправлено в главное управление "Восток III" по фронтовой разведке, в так называемый "Штаб Валли". Но уже на месте мы смогли выудить много информации из советских секретных документов.

...Из изъятых секретной документации выяснились имена и адреса ведомых брест-литовским органом НКВД информаторов и агентов. Разумеется, мы сразу же стали их разыскивать, ибо из дел было также ясно, какие шпионские задания против Германии они выполняли, и какие им еще предстояло выполнять. В некоторых случаях розыск привел к успеху.

Впрочем, не только органы НКВД, но и весь советский гарнизон Брест-Литовска был полностью захвачен врасплох германским наступлением...

Эти свидетельства представляются мне по-настоящему примечательными. Из них совершенно однозначно следует: нападение 22 июня 1941 года для советского руководства оказалось полной неожиданностью.

Еще примечательнее тот факт, что крупные отделы советской разведки располагались в Брест-Литовске и других местах непосредственно у германо-советской демаркационной линии... Они были укомплектованы, как и органы НКВД в глубине страны, и работали, словно повсюду царил глубокий мир. Сами списки и дела по своим информаторам и агентам они держали в сейфах, находившихся не далее километра от ближайшего немецкого поста.

И у командо, и групп фронтовой разведки в первый день войны с Советским Союзом были свои успехи. В покинутых полевых укреплениях и в зданиях, в которых располагались подразделения, они в изобилии находили секретные документы, ценные для германского командования, в которых содержались сведения о частях, противостоящих германским войскам...».

Конечно же, правда о первых днях войны состоит не только в отступлении, поражении, панике, дезертирстве, утратах важ-

ных документов, но и в героизме, патриотизме, стойкости, самопожертвовании войск действующей армии, оперсостава органов госбезопасности, внутренних дел и милиции. Именно на белорусской земле стал пробуксовывать немецкий блицкриг. Жесточайшие бои в Брестской крепости, под Минском, Витебском, Оршей, Гомелем, героическая оборона Могилева привели к значительным потерям в головной группировке вермахта – группе армий «Центр» и замедлили темпы ее наступления на Москву, что дало возможность советскому Главному командованию развернуть войска второго стратегического эшелона на рубеже рек Западная Двина и Днепр и выиграть драгоценное время для обороны Смоленска и Москвы.

Спустя три года агент «Фёрстер», связь с которым была потеряна в июне 1941 года, так описывал в своем отчете события начальной фазы нацистской агрессии в Беларуси: «...21 июня 1941 год. В 5 часов вечера 21 июня майор Помпоф вскрыл пакет, хранившийся с апреля, с пометкой “Вскрыть по особому приказу”, в котором содержалось воззвание Гитлера к войскам.

Все офицеры штаба и солдаты были выстроены перед штабом, и майор прочел воззвание, в котором говорилось, что против Советского Союза Германия выступает с войной и начинает военные действия после ноля часов в час “Икс” 22 июня 1941 года.

Настроение у солдат было скорее подавленное. Каждый в глубине души осознавал, что “Мы” нападаем несправедливо, да и Россия довольно велика, это не Бельгия. Конечно, виду никто не подал. Но, похоже, офицеры были действительно довольны. Каждый из них мечтал получить после войны имение в России. Кроме того, им снились почести, ордена и т. д. Я лично надеялся, что мои сообщения из Берлина были приняты во внимание, а Красная Армия настолько подготовлена, что с честью отобьет коварный удар врага. Нужно было быть на моем месте, чтобы понять, что творилось у меня на душе, когда на следующий день мы перешли Буг, и я насчитал до двухсот женщин и детей, убитых артогнем в деревне Кодена.

В 3 часа 15 минут 22 июня 1941 года загремели орудия всех калибров, а через 15 минут был получен приказ двигаться вперед и приблизиться вплотную к Бугу. Через час мы узнали, что мост цел, большая часть дивизии уже перешла Буг и штаб может двигаться вперед. Переходя через мост, я был удивлен, что он обстреливается артиллерией. Значит, советское сопротивление не было ликвидировано.

К удивлению немцев, привыкших, что все до сих пор сразу же сдаются, русские батареи одного батальона пограничников выдержали напор дивизии и ни один не сдался в плен – стреляли по мосту до последнего снаряда. А те, кто не пал при своих орудиях, отступили за станцию Коден.

Получалось, что той концентрации советских вооруженных сил на германской границе, о которой столько кричалось, не было. Взяв Коден, по плану наша дивизия должна была идти прямо на Малориту, что южнее шоссе, но по дорогам среди болот немецкие танки не могли продвигаться, и мы пошли на Брест. В Бресте дивизия была 23 июня утром в 3 часа и, не останавливаясь, двинулась по шоссе на Кобрин.

В Кобрине произошел бой. Было истреблено 16 советских танков типа Т-26. Дивизия за эти 30-35 часов имела очень небольшие потери; человек 10 убитых и раненых и один сгоревший танк от прямого попадания снаряда еще на мосту через Буг. В Кобрине мы остановились на 2 часа. Генерал Модель предполагал, что первая линия защиты будет на старой польско-советской границе, но ее тут тоже не оказалось, и мы с очень малыми боями дошли до Слуцка числа 25 июня. Город был взят в 9 часов утра. Здесь мне впервые пришлось увидеть как «гуляют» немцы.

Было позволено грабить для поддержания хорошего духа среди солдат. Грабили абсолютно все и всё. Впервые я увидел, что немецкие офицеры также грабят, как и солдаты. Грабили не только магазины, но и гражданское население. В Слуцке мы пробыли 3-4 часа и двинулись дальше. С боем был взят Бобруйск, и тут повторилась та же картина – грабеж, пьянство, насилие. Из Бобруйска мы, переночевав, двинулись на Рогачев и тут впервые встретили серьезное сопротивление. Еще в Бобруйске нас начала бомбить советская авиация, и дивизия имела большие потери среди личного состава, а также и в материальной части.

Рогачев все же был взят, при этом мы потеряли много людей. Перейдя Днепр, пошли на Могилев через Кричев. Здесь тоже пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением, советская артиллерия нас основательно обстреливала, что привело к большим потерям.

11 июля 1941 года дивизия подошла к Могилеву с намерением взять его штурмом, но советские войска, истребив у нас 15 танков, отбросили нас от города, и Модель решил города не брать, а двинуться обратно на Бобруйск. На следующий день мы перешли Днепр в Старом Быхове, который был уже занят 4-й танковой дивизией. Перейдя Днепр, мы вышли в тыл к Могилеву.

ву на дорогу Могилев–Чаусы и заняли Чаусы 13 числа. Из Чаус, где произошли также серьезные бои, части дивизии двинулись на Рославль за 4-й танковой дивизией. Не доходя 15 км до Рославля, мы расположились в лесу, недалеко от Климовичей. Здесь было объявлено, что дивизия будет оправляться от боев».

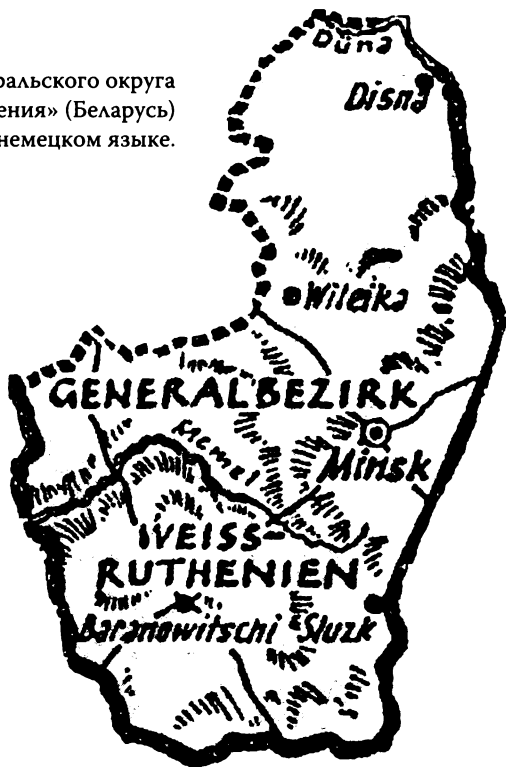
Территория Беларуси была оккупирована в первые же месяцы войны. Но борьба не прекратилась. Просто она вступила в новую фазу и велась уже в новых условиях. Вот чем, в первую очередь, они определялись. Во-первых, протицируем «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». Наряду с другими нацистскими директивами, они были настольной книгой оккупантов на территории нашей республики. Ее шестая заповедь, в частности, гласила: «Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство...». Комментариев эта установка не требует.

Во-вторых, оккупанты перекроили всю Беларусь на свой лад. Административно-территориальная единица «Генеральный округ Белоруссия (Вайсрутения)», созданная немецко-фашистскими властями, включала 68 районов Минской, Вилейской, Брестской и Пинской областей. Ее возглавил гауляйтер В. Кубе. Часть Брестской области была включена в рейхскомиссариат «Украина». Ошмянский, Свирский и Видзовский районы присоединены к «Генеральному округу Литва». Белостокская область выделялась в отдельную административную единицу «Бецирк Белосток», которая вошла в состав Восточной Пруссии.

Восточная часть территории Беларуси – Витебская и Могилевская области, восточные районы Минской области, Гомельская область (без южных районов), северные районы Полесской области – подчинялась командованию тыла группы армий «Центр» и находилась под управлением военной администрации.

Такое «переформатирование» было продуманным шагом со стороны оккупационных властей. Оно способствовало разжиганию национальной розни. Карательные отряды из уроженцев рейхскомиссариата «Украина», а также из Литвы, Латвии, посылавшиеся немцами в «Вайсрутению», оставили много кровавых

Схема Генеральского округа
«Вайсрутения» (Беларусь)
на немецком языке.

следов на белорусской земле. Да и после освобождения Беларуси в 1944 году чекистам еще несколько лет пришлось воевать с бандами «оуновцев», «аковцев», националистов прочих мастей, скрывавшихся в лесах да на хуторах.

Серьезные коррективы в свою деятельность уже на первом этапе войны пришлось вносить и советским спецслужбам. Ведь в начальный период боевых действий НКГБ БССР и военная контрразведка подчинялись разным ведомствам. В результате дававшиеся им Центром указания нередко носили не совсем скоординированный характер. Стремительность и ожесточенность борьбы потребовали быстро расставить все точки над «i». Дело осложнялось тем, что разведывательную и контрразведывательную деятельность в тылу врага НКГБ БССР и военной контрразведке по существу пришлось начинать с нуля. Со всей остротой встали и вопросы, связанные с содействием в организации и формировании войны партизанских отрядов.

17 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны вновь преобразовал органы военной контрразведки – 3-е управление в Наркомате обороны СССР – в Особые отделы НКВД СССР во главе с Управлением особых отделов. Их главной задачей являлась борьба со шпионажем и предательством в частях РККА и ликвидация дезертирства в прифронтовой полосе.

Далее последовал указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года об объединении НКГБ и НКВД вновь в единый НКВД. В указе говорилось, что это решение вызвано «переходом от мирного времени на военные условия работы». Соответствующей реорганизации был подвергнут и чекистский аппарат в Беларуси. После полной оккупации республики врагом НКВД БССР был ликвидирован. Вместо него была создана оперативно-чекистская группа (ОЧГ) НКВД СССР по БССР. Основная часть сотрудников НКВД БССР использовалась при формировании переданных в НКВД СССР особых отделов Западного фронта или же направлялась на захваченную врагом территорию республики. Незначительная их часть пополнила территориальные органы в РСФСР. Нарком НКГБ Л. Ф. Цанава был назначен начальником Особого отдела Западного фронта, продолжая «курировать» оккупированную территорию Беларуси в опоре на систему органов военной контрразведки.

Заниматься им было чем. Заместитель начальника Особого отдела НКВД Западного фронта майор госбезопасности С. С. Бельченко вспоминал: «Надо сказать, что германская разведка работала очень активно, и в нашей прифронтовой полосе было достаточно ее агентов, и даже действовали целые агентурные группы.

Вербовали их из пленных бойцов и командиров Красной Армии. В первый период войны из окружения выходило много красноармейцев, и нам приходилось заниматься фильтрационной работой, выискивая агентуру противника. Среди завербованных было немало количество из офицерского корпуса.

Приходится констатировать, что иногда бывали и перегибы со стороны оперативных работников в отношении вышедших из плена. Но со всей ответственностью хочу сказать, что мной подобные случаи пресекались, а виновные наказывались...

Часто завербованные немцами красноармейцы и командиры нашей армии сами приходили к нам с повинной. Они объясняли, что пошли на сотрудничество с гитлеровцами из-за безысходности своего положения, т. е. или сотрудничество, или смерть. К каждому из таких людей был индивидуальный подход.

В большинстве случаев это были искренние, готовые драться за свою Родину бойцы.

Однако были и такие, которые по заданию немецких спецслужб целенаправленно приходили к нам “с повинной”. Против таких “патриотов” мы проводили соответствующие оперативные мероприятия и часто ловили их с поличным.

Хочется отметить и такую деталь, что в начальный период войны к разоблаченной агентуре противника применялись самые жесткие меры. Ввиду отступления нашей армии и тяжелейшего положения на фронтах оперативные игры с использованием перевербованных вражеских агентов практически не проводились...».

Несмотря на все сложности, разведка работала упорно и добивалась серьезных результатов. Летом и осенью 1941 года она получила данные о 35 аэродромах и посадочных площадках противника, в частности, в Минске, Борисове, Слуцке, Толочине, Бяла-Подляске; о 12 штабах германских частей в районах Речицы, Петрикова, на станции Красный Берег, в деревнях Радуши и Короткевичи; о военных сооружениях немцев на Слуцком, Старобинском и других направлениях. Эта информация незамедлительно передавалась командованию Западного и Калининского фронтов.

В тот же во многом переломный период восстанавливалась связь с довоенной агентурой, оставшейся на оккупированной территории Беларуси, для чего через линию фронта были переброшены 16 оперативных работников НКВД БССР. Белорусскими чекистами для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника в 1941 году были завербованы 1350 агентов. Из них: агентов-разведчиков – 445; агентов-диверсантов – 366; содержателей конспиративных и явочных квартир – 62; курьеров и связников – 63; агентов-сигнальщиков – 414. Из числа этой агентуры были также созданы 133 резидентуры с общим числом в 589 агентов. В то же самое время из чекистов и милиции организовано шесть партизанских отрядов, в состав которых вошли и люди из спецрезерва, готовившегося из числа местных жителей до 1937 года.

Кроме разведывательно-диверсионной деятельности и работы по развитию партизанского движения чекистским спецгруппам поручалось: разложение националистических организаций и воинских формирований из военнопленных и местных граждан, ограждение партизанских отрядов и соединений от проникновения в них агентуры противника. В своей деятельно-

«Партизаны!
Записывайтесь
в добровольцы
Русской
освободительной
армии».

Плакат времен
нацистской
оккупации.

сти эти группы опирались на белорусских патриотов, с их помощью внедрялись в оккупационные учреждения, националистические организации с целью проведения диверсионных акций и получения разведывательной информации.

Документы свидетельствуют о том, что с самого начала войны уютно оккупанты себя на белорусской земле не чувствовали. Всенародное партизанское движение и подпольная борьба получали все более широкий размах. Чекисты вносили в нее вклад в соответствии со своей компетенцией. У гитлеровцев все ощутимее начинала гореть земля под ногами. Вот что говорилось в оперативной сводке германского коменданта в Беларуси от 10 сентября 1941 года: «...По сообщению бургомистра, появление партизан наблюдается в Логойске... и в Смолевичах... Операция против партизан, проведенная полевой жандармерией, оказалась безуспешной... 812 полевая комендатура докладывает о появлении банд севернее и южнее Уши... численностью примерно в 100 человек под командованием майора Красной Армии. Население окружающих Ушу деревень на 95 процентов настроено враждебно к немцам...

Вести успешную борьбу против этих партизан без моторизованных частей невозможно, так как последние при нападении патрулей и команд отходят пешком далеко вглубь непроходимых лесов и там бесследно исчезают...

Потом, разведав места расположения немецких гарнизонов, они снова исчезают, чтобы на следующий день снова появиться в совершенно других населенных пунктах. Агентура и разведка

*П. А. Червинский
и Я. И. Шпилевой.*

партизан, кажется, работают очень хорошо, так как они заранее узнают обо всех акциях против них...».

Из других немецких сводок того времени:

«7. 10. 41 г. две роты были выделены для поддержки Минского филиала рижского Абвера при проведении им обысков в госпитале для военнопленных в Минске...

8. 10. 41 г. в поисках партизан, евреев, бандитов... были обысканы деревни Дукора, Узляны, Есиоры... В ходе акции были захвачены 618 человек, из которых 617 расстреляны».

Уже тогда органы госбезопасности БССР начали собирать материалы и свидетельства о массовых злодеяниях нацистских оккупантов на белорусской земле.

Тем временем в Особом отделе НКВД Западного фронта от оперсостава на имя руководства постоянно поступали рапорты, подобные этому: «Я не могу дальше сидеть в штабе и оставаться рассматривать дела трусов, я прошу вас разрешить мне организовать партизанский отряд и действовать в тылу врага. Надеюсь, что мои общие знания и преданность Родине облегчат успех действий отряда. Особоуполномоченный Особого отдела НКВД Западного фронта лейтенант госбезопасности Червинский. 20 августа 1941 года». В архивном деле отряда подшита и копия удостоверения, дававшего право комиссару особого назначения Западного фронта Червинскому проводить набор добровольцев в свой отряд во всех частях, подчиненных непосредственно штабу и управлению контрразведки Западного фронта. Командиром отряда был назначен старший оперуполномоченный капитан Х. Кусов, в его ряды были зачислены и сотрудники особых отде-

лов В. Жуков, Я. Шпилевой, а также пограничники. Они стали первыми – 125 добровольцев-чекистов.

Радиограмма отряда, направленная в штаб и Особый отдел фронта из вражеского тыла, сообщала: «26. 09. 41 г. в 19.00 в районе Емлене севернее урочища Пелецкий Мох перешли линию фронта. Благополучно перешли минные поля. Двигаемся болотами, находимся в районе озера Высочерт. Подходим к району резервных частей противника. Тщательно разведываем участок возможного прохода между ними. Отставших нет, все здоровы. Червинский».

Х. Д. Кусов.

Успешным переходом через боевые порядки противника отряд был обязан не только фронтовой разведке, но и его оперативному и командному составу, скрупулезно изучившему маршрут движения отряда в обход огневых точек противника, его постов и застав.

В радиограмме отряда № 2 уже сообщалось: «...30. 09. снят мотоциклист Геберт. В ночь на 2 октября проведен налет на штаб в селе Прудок на реке Межа... Находимся в районе м. Ильино». На следующую ночь, 3 октября, отряд уничтожил транспортную роту немцев. Затем в боевые будни отряда вошли разведка и налеты на немецкие гарнизоны, в ходе которых его командир Х. Кусов действовал дерзко, оперативно грамотно. Однако во время боя 7 октября 1941 года, прикрывая отход товарищей, он героически погиб. Его заменил Я. Шпилевой (позднее он действовал уже в составе спецгрупп НКВД БССР). В последующие 35 дней своих действий в тылу врага «отряд Шпилевого» – так он стал неофициально называться – совершил рейд и прошел свыше 750 километров по территории Смоленской, Витебской и Калининской областей. Было проведено в общей сложности более 20 боевых операций, передана в штаб фронта важная раз-

ведывательная информация о противнике, уничтожено несколько сотен захватчиков, немало боевой техники, совершено девять диверсий на железнодорожных магистралях. Два с половиной десятка бойцов отряда были удостоены высоких государственных наград, а Я. А. Шпилевой, О. С. Бычек, П. А. Червинский получили ордена Ленина.

Этот рейд показал, что за линию фронта целесообразней посылать отряды с меньшей численностью, так как они маневренней, ими легче руководить, обеспечивать питанием и вооружением. Многие командиры этого отряда, получив боевое крещение, возглавили потом чекистские отряды и группы, действовавшие в тылу противника. В целом эти группы оказывали большую помощь Красной Армии, разведотделам штабов фронтов, Центральному и Белорусскому штабам партизанского движения, Разведуправлению Генштаба РККА, Ставке Верховного Главнокомандования.

В то же время было бы ошибочным утверждать, что партизанское движение в тылу оккупантов начиналось только усилиями чекистов. Во многих местах, без всяких команд сверху, стали создаваться партизанские отряды, не входившие в структуры НКГБ и НКВД. Одним из таких добровольных формирований был отряд «Комарова» – В. З. Коржа.

Василий Корж – всегда за правду...

Герой Советского Союза Василий Захарович Корж за отмеренные ему судьбой 68 лет жизни имел в силу самых разных обстоятельств и оперативной необходимости несколько псевдонимов – фамилий. В родной деревне звали его – Василь Мудрый. На территории, оккупированной Польшей Западной Беларуси, и позже в ходе подготовки партизанских резервов по линии Спецбюро НКВД БССР – боец Семенов. Во время войны на стороне республиканской Испании – камарадо Пабло. В Великую Отечественную войну – партизанский командир Комаров.

Боевой товарищ Василия Захаровича еще по Испании, один из легендарных создателей советского спецназа полковник Илья Старинов в беседе со мной отмечал: «Вы не представляете себе всю глубину и масштаб личности этого человека! Когда мы говорим о трагическом июне 1941 года, то обычно вспоминаем таких организаторов партизанской борьбы и специальных операций на

Командир Пинского партизанского соединения **В. З. Корж**.
Декабрь 1942 года.

Генерал-майор **В. З. Корж** в
победном 1944 году.

территории Белоруссии, как Орловский, Ваупшасов, Рабцевич, Озмитель, Неклюдов и многих других. И это верно. Но если за спиной перечисленных мной чекистов стояла страна и могучее ведомство, то за спиной Коржа в тот критический момент никого, кроме земляков его, не было! Почувствуйте разницу!».

Именно Василий Захарович Корж открыл первую страницу славной трехлетней истории партизанского движения в Беларуси. Это он был из когорты белорусских «партизан первого часа». Притом Василий Захарович имел свою, выстраданную им же, точку зрения на судьбоносные военные события, в гущу которых он сам находился. Она у него строилась на правде реальной жизни и отнюдь не всегда совпадала с официальным мнением. Но в этом и был весь Корж. А сама его жизнь – история партизанской борьбы, взявшей свое начало в народных глубинах.

В одной из публикаций довелось прочитать такие строки: «Первый партизанский бой на белорусской земле состоялся 28 июня 1941 года на тракте Пинск–Логишин в Брестской области (заметим, что тогда это была Пинская область)». Все верно, именно там! Но вот дальше, видимо «из благих побуждений»,

автор написал следующее: «...Этот бой также считается первой партизанской акцией второй мировой и Великой Отечественной войн, проведенной с участием сотрудников органов государственной безопасности Беларуси». Теперь уже всем известно, что тот бой дал врагу отряд под командованием В. З. Коржа. Но слова о том, что в нем участвовали сотрудники органов госбезопасности, Василий Захарович не подтвердил бы и расценил бы их как стремление погреться у огонька чужой славы. Да и оставшиеся после него документы беспристрастно свидетельствуют о том, что Корж всегда стремился к правде жизни, какой бы она ни была, всегда боролся за нее и не терпел, как он говорил, «пустопорожних утверждений», даже если они исходили из уст высокого начальства. В своем теперь уже небезызвестном письме председателю Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлову по поводу его книги «Люди особого склада» он нелицеприятно спрашивал: «Вас захлестывает стремление к славе? Так берите ее, свою, заслуженную славу!.. Берите свое, вами по праву завоеванное, не приписывайте себе чужое, не вами свершенное!».

Сам Корж на чужое не зарился. Да и не было в этом нужды. Ему хватало собственных заслуг, вполне реальных и весьма значимых. На предыдущих страницах этой книги уже приводилась выдержка из его автобиографии, в которой говорилось, что с 1931 года был отозван «в НКВД по специальной работе», где он «секретно числился командиром партизанского отряда с постоянным жительство в г. Слуцке...». Если говорить точнее, то Корж являлся тогда начальником целого партизанского направления, и в его оперативном ведении находились шесть пограничных районов и более двухсот спецрезервистов.

Там же, в Слуцке, по возвращении Василия Захаровича из Испании, он был незаконно арестован в 1938 году тем же местным отделом НКВД БССР. К тому времени его «партизанское направление» было полностью разгромлено, ряд спецрезервистов репрессирован, все тайники с «НЗ» ликвидированы. После освобождения из тюрьмы в том же недобром для него 1938-м Корж написал свой рапорт с просьбой уволить его из органов НКВД, что и было сделано. И работал он вплоть до возвращения в Беларусь в 1940 году директором зерносовхоза «Кропоткинский» в Краснодарском крае. После освобождения Западной Беларуси Василий Захарович вернулся на родину и стал заведующим финансовым сектором Пинского обкома партии. В то трагическое утро 22 июня 1941 года, не глядя на то, что «указаний сверху» не было, В. З. Корж сразу же оценил обстановку вполне

определенно: «Эта война надолго! Надо организовывать партизанские отряды!». И приступил к делу, не оглядываясь на перестраховщиков. Борьба его сочеталась с мучительной ломкой многих стереотипов и иллюзий, губительных для партизанской борьбы, бытовавших среди партфункционеров, военных и даже сотрудников органов госбезопасности.

Из дневника Коржа: «...К вечеру 22 июня 1941 года был организован Пинский партизанский отряд из 60 человек. Его разбили на три группы – по 20 бойцов в каждой. Первую возглавлял я, командиром второй назначил Карасева, третьей – Корнилова. Отряд занялся охраной города, разведкой, эвакуацией граждан-восточников и учреждений».

А вот цитата из отчета В. З. Коржа в Белорусский штаб партизанского движения о работе в тылу врага в 1941–1942 годах: «Отряд был организован из 60 человек, в него входило несколько старых партизан, коммунистов, комсомольцев и беспартийных товарищей города Пинска. Вооружен был отряд только винтовками, и у некоторых, более знакомых с военным делом, были гранаты. Вооружиться пулеметами и автоматами не удалось, поскольку нам не оказали в этом никакого содействия ни военные части, которые там находились, ни НКВД». Главная сложность в первые месяцы войны, как оказалось, проистекала из нехитрого призыва: «Партизан! Сам добывай себе оружие в бою!». А это зачастую приводило к весьма драматическим последствиям.

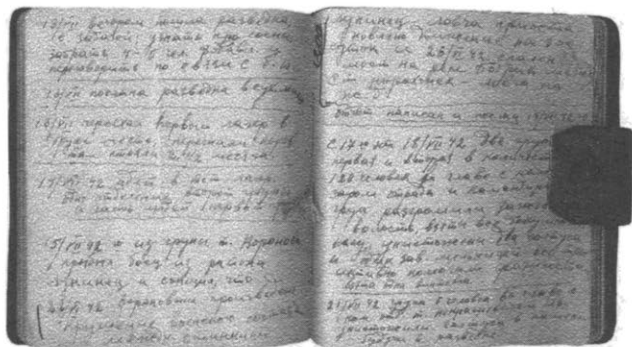
Срочные меры, которые в начале войны осуществлялись в соответствии с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, суть которой изложил И. В. Сталин в речи по радио 3 июля 1941 года, были довольно запоздалой реакцией на сложившуюся ситуацию. Ее стоило предвидеть заблаговременно и осуществить конкретные организационно-мобилизационные мероприятия. На следующий день – 30 июня 1941 года ЦК КП(б)Б – принял директиву «Об переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом», а 1 июля – «О развертывании партизанской войны в тылу врага». Более детальные указания по организации борьбы на оккупированной врагом территории давались в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «О развертывании борьбы в тылу германских войск». В ней, в частности, указывалось: «Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию, конных и пеших

партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов...».

Но к этому времени В. З. Корж, ставший Комаровым, свою войну уже вел. Еще 28 июня 1941 года, группа партизан во главе с Григорием Карасевым (он воевал в отряде К. П. Орловского в 1921–1925 годах в Западной Беларуси), проинструктированная Коржом–Комаровым, была послана на тракт Пинск–Логишин. Двадцать человек, вооруженных лишь винтовками и гранатами. Среди них был и будущий генерал-майор КГБ Эдуард Болеславович Нордман – тогда заведующий отделом Пинского райкома комсомола. Чекистов, как в этой группе, так и во всем отряде не числилось. В районе деревни Подболотье, что находилась в тринадцати километрах на северо-запад от Пинска, комаровцы заметили движущиеся в их направлении легкие немецкие танки. По команде Карасева партизаны залегли в канавы по обеим сторонам дороги и, подпустив вражеские машины поближе, открыли интенсивный огонь по их смотровым щелям. Инструктор Пинского горкома партии Солохин бросил первую связку гранат под головной танк. Тот закрутился на одной гусенице, задымил и остановился. Второй танк тут же повернул обратно. Партизаны мгновенно окружили подбитую машину, вытащили из нее двух гитлеровцев. Это были первые партизанские пленные, которых они потом отправили в военную комендатуру Пинска. Кстати, у одного из пленных была изъята довольно объемная, в кожаной обложке, записная книжка, в которой Корж с июля 1941 по декабрь 1942 года вел своеобразный дневник отряда и его боевой жизни. Иван Чуклай вместе с другими бойцами группы сняли с бронемшины пулемет, который потом использовался в отряде, забрали карты, боеприпасы, другие трофеи, а танк подожгли. Подробно об этом бое Э. Б. Нордман написал в своей книге «Не стреляйте в партизан», которая вышла в Минске несколько лет назад.

Так отряд «Комарова» первым в истории партизанского движения в Беларуси тактически грамотно вступил в бой с оккупантами, одержав в нем победу. Тому есть необходимые документальные свидетельства, в чем несложно убедиться, заглянув в архивы. Более того, Э. Б. Нордман с фактами в руках доказал, что это был первый партизанский бой во всей второй мировой войне. Но в последнее время появились авторы, которые пишут о партизанском движении, как говорится, не заглядывая в

Личный
партизанский
дневник
В. З Коржа –
«Комаровка»
1941–1942 годов.

святцы, то есть в документы. На вооружение берется метод так называемого «глумливого сомнения». Так случилось и с приведенным эпизодом у российского «историка» Б. В. Соколова, уже давно набившего руку на «сентенциях» по поводу «кровявого сталинского мясника» маршала Г. К. Жукова и не только. В своей книге «Фронт за линией фронта» он допустил такой «пассаж», о котором и о его авторе, можно сказать словами Сталина: «Врет, как очевидец». Вот цитата: «...Насчет книжки Эдуард Болеславович (имеется в виду Нордман), наверное, не соврал. А вот насчет остального... Читателям остается только гадать, откуда в немецкой пехотной дивизии в июне 1941 года взялись танки, если по штату им даже бронетранспортеров не полагалось». Вот только зачем гадать автору? Не лучше ли было бы на самом деле поинтересоваться структурой немецких пехотных дивизий того времени – теми же штатами. Тогда бы и выяснил, что в их состав входили не только солдаты, вооруженные автоматами и винтовками. Как и в артиллерийских формированиях были не только пушкари. Так почему не заглянул в соответствующие источники автор, который позиционирует себя в качестве «маститого» историка? Скорее всего, потому, что у большинства читателей тоже нет под рукой документов той военной поры, а значит, можно бросить тень на достойное событие. Это же так модно в последнее время. А Эдуард Болеславович Нордман не может ему ответить, поскольку ушел из жизни в 2006 году. И Василия Захаровича Коржа, который тоже не смолчал бы, нет уже более сорока лет. Он ведь не скрывал своего мнения и перед лицом куда более грозных оппонентов. В том числе и во время войны, чем нередко вызывал начальственное неудовольствие, сказывавшееся на его личной судьбе. Если командирам партизанских отрядов Т. П. Бумажкову и Ф. И. Павловскому уже 6 августа 1941 года было присвое-

но звание Героя Советского Союза, то Василий Захарович Корж, создавший многотысячное Пинское партизанское соединение, получил это высокое звание последним – 15 августа 1944 года. Уже после освобождения Беларуси. Справедливость хоть и запоздало, но восторжествовала.

Надо признать, что по сути лишь почти через неделю после начала войны органы НКГБ и НКВД БССР, военная разведка в более-менее полном объеме приступили к организации разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работы в тылу агрессора. В докладной записке НКГБ БССР об организации партизанских отрядов и групп от 5 июля 1941 года направленной в Центр Л. Ф. Цанавой говорилось: «После захвата некоторой части территории Белорусской ССР противником для нанесения поражения немецким войскам в тылу ЦК КП (б) Белоруссии совместно с работниками НКГБ и НКВД, центрального аппарата и курсантов межкраевых школ 26 июня 1941 года... было организовано 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека, в составе оперативных и руководящих работников НКГБ – 539 человек, работников НКВД и милиции – 623 человека. Личный состав этих отрядов вооружен пистолетами «ТТ», винтовками, гранатами и 2-3 пулеметами в отряде...».

Что касается органов УНКГБ–УНКВД Пинской области, то они также внесли свой достойный вклад в дело организации партизанского движения. Однако здесь имелись и свои сложности в организации взаимодействия с войсками. Согласно спецсообщению начальника УНКГБ М. Д. Горбачевского от 14 июля 1941 года на имя наркома Л. Ф. Цанавы, в тот момент, когда войска вермахта находились еще в 30 километрах от Пинска, Пинская военная флотилия в соответствии с поступившей ей директивой отошла из города в Лунинец. А в ночь на 3 июля Пинск оставили части 75-й стрелковой дивизии. Характерно, что о подобном отходе не были уведомлены ни обком, ни УНКГБ с УНКВД. Днем же 3 июля, когда были получены разведанные о приближении к Пинску немецких войск, органы НКГБ и НКВД совместно с обкомом начали организовывать оборону города своими силами. Из их состава был также организован сводный партизанский отряд, занявший оборону на подступах к Пинску по Брестскому шоссе и Логишинскому тракту. Был в составе тех сил и созданный из местных жителей отряд «Комарова».

В своих партизанских дневниках Василий Захарович и отмечал: «После первого боя (28 июня) я подумал: хорошо, что мы немедленно создали партизанский отряд... Я предложил выдвинуть

его севернее, на тракт Телеханы–Логишин. Расчет был такой: если появится противник, обстрелять его и заставить развернуться не у самого города, а на подступах к нему, и этим выиграть время для ухода последних машин на Столин. Товарищи из обкома согласились, создали группу из работников НКВД, которая вместе с моряками Днепровской флотилии должна была сжечь мост на реке Пине после переправы всех отъезжавших и отходивших из города.

В ночь с 3 на 4 июля 1941 года наш отряд вышел за город Пинск по Логишинскому тракту и занял оборону ближе к деревне Галево, т. е. отряд был разбит на три группы по 20 человек в каждой. Передо мной были немолодые люди, в основном члены партии, работники обкома, облисполкома, горсовета и других областных организаций...

В полдень, 4 июля, кавалерия противника в количестве двух эскадронов показала из леса и двигалась на Пинск. Они ехали, как у себя дома, по двое, весело переговаривались и смеялись. Третья группа, в составе которой находился и я, должна была после моего выстрела из карабина по головному офицеру начать бой. Хотя и испытывал я некоторое волнение, однако, нажав на спусковой крючок, поразил фрица наповал с первого же выстрела...

Моя группа на близком расстоянии начала в упор расстреливать фашистскую кавалерию, завязался бой. Слева нам помогли первая и вторая группы. У врага было полное замешательство. Фашисты все спешили и начали вести сильный пулеметный огонь. В этом бою мы потеряли командира группы Корнилова (мужа Веры Захаровны Хоружей), а три товарища были ранены. Фашистов, как мы узнали потом от жителей, было убито 20 человек. После этого боя мы отступили по ржи в город».

В своей книге «Не стреляйте в партизан» боец-комаровец, а спустя годы начальник УКГБ по Минской области Э. Б. Нордман вспоминал о решениях партийного совещания, которое 6 июля прошло в Столине: «Первые партизанские отряды создавались из партийного, хозяйственного, комсомольского актива, включавшего местных жителей, работников НКГБ и НКВД. Милиционерам, чекистам предлагалось немедленно переодеться в гражданскую одежду... Многие сделали это прямо в парке. Тогда в кустах можно было найти немало добротных офицерских галифе, гимнастерок.... Я выбрал себе гимнастерку из хорошего английского шевита по росту. И носил ее до 43 года, пока она не истлела на моих плечах».

Отряд В. З. Коржа к этому времени уже провел два боя. Корж и его партизаны действовали внезапно, расчетливо и дерзко. Сам он был великолепным мастером ближнего партизанского боя. Ему приходилось продумывать каждый свой шаг, вспоминая науку Спецбюро НКВД и Испанию, маневрировать, держать себя и людей в боевой готовности. Помогали знание местности, людей, их менталитета, хорошая оперативная подготовка. Особенно эффективно ему содействовали старые партизаны 20-х годов. Сильной стороной Коржа являлись также постоянная информационно-пропагандистская работа среди местного населения, опора на него, усилия по разложению созданных оккупантами полицейских формирований, спасению местных жителей от уничтожения или же угона в германское рабство. Василий Захарович всегда подчеркивал: «Мы воюем за народ. Никогда не обижайте мужика... Обидишь мужика – конец твоей партизанской карьере... Под землей обидчика найдут». Корж ввел в партизанских зонах комендатуры, обеспечивавшие порядок в деревнях, без разрешения которых никто из партизан не имел права заготавливать продукты, брать какое-либо имущество.

Василий Захарович был и опытным разведчиком-агентуристом. И источники имел, и связь с ними как личную, так и через посредников поддерживал, на явки сам ходил, ценную информацию получал. Были у него информаторы и в немецких гарнизонах, что позволяло предупредить противника. Ведь война на невидимом фронте дилетантизма никогда не прощала. Потому даже в самые тяжелые времена выжили и эффективно действовали в тылу противника, наряду с отрядом В. З. Коржа, все те отряды, которыми командовали люди, прошедшие до войны оперативно-боевую школу Спецбюро ОГПУ–НКВД и боев в Испании. Они были подготовлены к партизанской борьбе.

Примечательно, что к 1944 году из отряда Василия Захаровича насчитывавшего поначалу 60, а в октябре 1941 года – менее двадцати, ибо не всем по силам оказалась партизанская ноша, выросло соединение в почти 15 000 партизан. Народные мстители под руководством опытного командира наносили ощутимые удары по немецким гарнизонам, действовали на коммуникациях оккупантов. В восьми районах Пинской области ими была восстановлена советская власть, и немцы соваться туда не рисковали. Партизанами контролировался большой участок железной дороги Брест–Гомель, были налажены активное взаимодействие и обмен развединформацией с частями Красной Армии в ходе

Совместный парад советских войск и партизан после освобождения Пинска в июле 1944 года.

В тылу врага. Справа налево стоят: *И. Баранов, Р. Капуста, М. Зимянин, В. Корж, А. Клещев, П. Котович*, сидят: *Н. Федотов, Д. Удовиков, М. Глазырин, Х. Севостьянич, Э. Нордман, В. Воронов, П. Томилов (лежит), И. Худяков, А. Ковалев, неизвестный.*

наступательной операции «Багратион». Почти полностью была парализована «комаровцами» и работа Днепро-Бугского канала. О чем, кстати, все тот же российский «историк» Б. В. Соколов пишет, что немцы якобы использовали канал «минимально» и существенного значения для них он не имел. Хотя даже не только документы, а и кадры трофейной нацистской кинохроники свидетельствуют, как раз-таки, об обратном. И если уж касаться итогов, как говорится, «по гамбургскому счету», то партизаны-«комаровцы» каких-либо существенных наград за их подвиг так и не удостоились. Основные ордена и медали за «парализацию работы и взятие Днепро-Бугского канала» достались-таки войскам действующей армии, которых в предшествующий период там, естественно, «не наблюдалось»...

Соединением Василия Захаровича за все время в боях уничтожено 60 крупных германско-полицейских гарнизонов, пущено под откос 468 эшелонов с живой силой и техникой врага, уничтожено 719 километров линий связи, 62 железнодорожных моста. Можно представить, сколько бы понадобилось регулярных

сил РККА (сухопутных войск, танков, авиации), чтобы вывести все это из строя?

И в послевоенное время не раз возвращался Василий Захарович к вопросам тактики борьбы с врагом в его тылу, к тому, о чем он в перерывах между боями горячо спорил с Ковпаком, Вершигорой и другими прославленными партизанскими командирами. Он переживал, если кто-то в своих послевоенных мемуарах, искажал факты, преувеличивал свою роль. Анализируя в ходе послевоенной учебы в Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР суровые уроки действий в тылу противника, Корж с болью в сердце констатировал неподготовленность командиров и бойцов РККА, оказавшихся на оккупированной врагом территории, к ведению тактически грамотной вооруженной борьбы с врагом партизанскими методами. Все эти выстраданные им мысли, а также конкретные предложения Василий Захарович изложил в 1946 году в своем рапорте И. В. Сталину, что само по себе в те годы было мужественным, нетривиальным поступком. Он не хотел повторения 1941 года. В этом документе, в частности, говорилось: «...Три года и 28 дней находясь в глубоком тылу врага, во главе... крупного соединения, которое пережило всевозможные периоды, этапы своего развития, приходилось очень много мыслить и думать так, что в обыденное время мысль так правильно работать не будет...

И вот все это я видел, знал, переживал вместе со своим тогда еще небольшим партизанским отрядом, который был тогда почти один, как я знаю на три области – Брестскую, Пинскую и Минскую. Но благодаря тому, что я знал тактику партизанской

В. З. Корж после присвоения ему звания генерал-майора. Москва. 1943 год.

Дорогой Иосиф ВИСОЦНИКОВИЧ!

Прочту внимательно, что выفرасчитали и Вам пишу, что такой вопрос, что только Вы его можете решить правильно.

Герой Советского Союза
Генерал-майор

Коржа И. В. /Имя В.З.

4. 01. 46г.

МОСКВА,
Короветское шоссе
д.№ 3, квартира № 4.

Репорт генерал-майора
В. З. Коржа
на имя И. В. Сталина
(фрагмент).

ПРЕДСЕДАТЕЛЕВ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ОБЩА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

от бывшего командира партизанского соединения Псковской области, Белоруссия, ныне служащего владимирской кн. И. В. ВОФЕ ЯКОБА - Героя Советского Союза генерал-майора ЮРИЯ Василия Захаровича.

Р А П О Р Т.

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИСОЦНИКОВИЧ!

Эта мысль, которую я Вам излагаю в настоящем репорте, зародилась у меня десять лет тому назад, и думал, что она правильная, если я ошибался, то прошу Вас меня извинить за беспочвенность.

Несколько слов о себе, чтобы видно было откуда у меня зародилась эта мысль: с июня месяца 1922 года по январь июля 1925 года я воевал на территории Западной Белоруссии, против белополяков бойцом и младшим командиром в краснопартизанском отряде, который командовал товарищ ОРИЛОВСКИЙ Кирилл Прокофьевич, член партии с 1918 года, ныне Герой Советского Союза, кавалер Отечественной войны, работает в Вербужском районе, Белоруссия, председателем колхоза.

За эти три года беспорывной, всегда неравной борьбы с издателями капиталистами, помещиками, барскими и

борьбы, что я был подготовлен к этому, я маневрировал с этими людьми в разных местах, мы всегда били немцев там, где они нас не ожидали, появлялись всегда в новых местах и были всегда новыми партизанскими отрядами среди населения.

...В это тяжелое для партизан время, особенно 1941 года, когда нужны были люди, организаторы, руководители, командиры, специалисты, знающие свое партизанское дело хотя бы из литературы, из лекций, которые преподавались в наших специальных школах, из советов старших товарищей партизан, к большому сожалению, этих людей не было.

Если и были кое-где оставшиеся партийные товарищи, которые были посланы после Ваших указаний для организации партизанского движения, то эти люди были не подготовлены к партизанской борьбе в тылу врага, они боялись своей тени, они не знали, куда им притулиться, откуда что начать и, зачастую, если они показывались кое-где, то в большинстве своем погибали, а то совсем попрятались и сидели, никакой деятельности среди народа не ведя. Этим самым был упущен нужный момент. С одной стороны мы не встретили врага так, чтобы на каждой

дорожке, из-за каждого куста, из-за каждого дома ему угрожала смерть. С другой стороны народ, который не успели мобилизовать, остался под оккупацией врага, поколебался, он не чувствовал организаторов, руководителей, которые бы звали его на борьбу с врагом, он не знал, что ему делать...

...Мне кажется, что держать в нашей стране несколько тысяч людей, подготовленных партизанских кадров, это не так уж тяжело, и что эти кадры нужно держать при Генеральном штабе Красной Армии. Но ценными партизанскими кадрами, из которых бы вышли настоящие командиры партизанских отрядов, бригад, соединений, их можно сделать только тогда, когда ими будут заниматься и руководить люди, которые имели богатый опыт партизанской борьбы в тылу врага.

Это специфика своего рода, ее может хорошо знать только тот, кто сам непосредственно прошел все этапы развития партизанской борьбы. Для создания этих кадров необходимо поднять всю литературу по истории партизанской борьбы, создать новую литературу из опыта Отечественной войны, а также написать тактику партизанской борьбы (и держать ее в секрете), которой можно было бы пользоваться только в школах специального назначения...».

Не остался равнодушным Корж и тогда, когда через несколько лет прочитал книгу оставного полковника ГРУ ГШ ВС СССР Героя Советского Союза Г. М. Линькова «Война в тылу врага»: «Тема книги нужная, полезная для советского читателя... Но общий ее недостаток в том, что автор во главу партизанского движения ставит только диверсионную работу. А ведь эта работа – только один из элементов партизанской борьбы. Вместе с тем, автор явно недооценивает значение других элементов партизанской борьбы, как-то: разгром гарнизонов врага, создание освобожденных районов, защита населения от уничтожения, разграбления, от угона в немецкое рабство, срыв экономических мероприятий фашистов, систематическая массово-политическая работа среди населения оккупированных районов, отвоевывание этих районов у врага, отвлечение войск противника от действий на фронте, организация всенародной борьбы в тылу врага и т. п.

...Но вместо открытой борьбы с гитлеровцами, вместо отвоевывания у них целых районов у Линькова появляется "сверхконспирация". К чему понадобилась Линькову эта "сверхконспирация", если он подошел к Ленинскому району Пинской области тогда, когда 4/5 территории этого района уже были отвоеваны

В. З. Корж во время учебы в Академии Генерального штаба. Москва. 1946 г.

пинскими партизанами и немцами не контролировались?

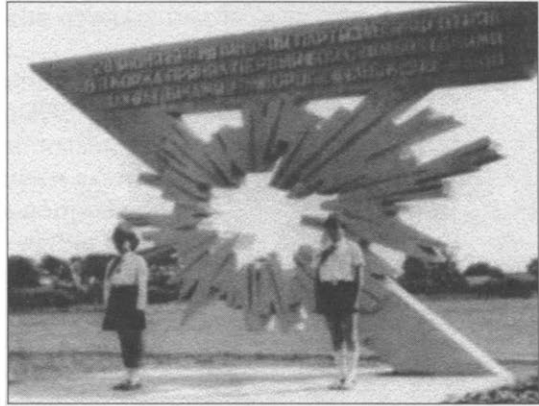
Но все в этих отрядах, по Линькову, плохо – и дисциплина, и то, что партизаны на день выходят в поля на работу, пашут, сеют, выставляют заставы, а в случае появления немцев снова уходят в лес... А кто бы стал тогда кормить отряд Линькова и его самого? Ведь отряд Линькова питался исключительно за счет местного населения. Для того, чтобы питаться за счет врага, необходимо было громить вражеские гарнизоны и имения, брать оттуда продовольственные трофеи (хлеб, скот), что и делали народные мстители Белоруссии. Отряд же Линькова этого не делал, что

видно из книги, если исключить лишь 500 литров спирта, захваченного его группой...

Он охаивает отряды вместе с их командирами и комиссарами и, что хуже всего, причину "расхлябанности" отрядов он ищет в том, что группа десантников-диверсантов, прибывшая из Москвы в конце 1941 года, "растворилась" в многотысячной массе народных мстителей и ее влияние стало незаметным. А вот прибыл тов. Линьков (он же "Батя" и полковник Льдов), расстрелял командира отряда Щенкова, и все пошло, как в сказке. По мановению волшебной палочки Линькова отряды стали расти и под его руководством враз, в один день, стали сверхбоевыми... Но ведь не расстрелы, а кропотливая воспитательная работа с партизанами, повседневное руководство Центром партизанским движением укрепляло отряды народных мстителей и повышало их боеспособность. Не слишком ли много берет на себя автор книги, он же герой произведения!».

Корж так никогда и не узнал, к счастью, какую разгромную «аттестацию» давал ему «товарищ» Линьков в своей шифровке-доносе на имя П. К. Пономаренко в конце 1942 года: «...Когда я познакомился ближе с его работой (Коржа), то убедился в том, что он не понимает основных положений приказа тов. Сталина о задачах партизанского движения. Массовое партизанское дви-

Пинск. Памятный
знак на месте первого
партизанского боя
28 июня 1941 года.

жение он понимает чисто механически. Он просто собирает массы из деревни в лес и получается просто деревня, перенесенная на другое место. У него совершенно нет работы по превращению партизан в боеспособное подразделение, нет никакой борьбы за насаждение дисциплины. Если не считать Щорсовский отряд, полностью разложившийся из-за женщин, то отряд т. Коржа является самым слабым»... И далее, еще на двух страницах, «сигнализировал» бдительный Линьков об «антипартизанской деятельности» В. З. Коржа, подводя его фигурально под «растительную статью». Однако беспристрастное время, отсеивая зерна от плевел, показало, чьи генеральские мундиры матушка-история, несмотря ни на какие сиюминутные «волевые решения», подлость, ложь, беспамятство или, как говаривал Корж, «дурь», оставляла и оставляет в памяти народной и на стендах музейных, а чьи испытания временем и правды жизни не выдержали, пылясь в ее «запасниках».

Эдуард Болеславович Нордман задал как-то бывшему начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко вопрос «на засыпку»: «Почему в Центре к Коржу относились несправедливо?». И Пантелеймон Кондратьевич перед уходом в вечность ответил: «Знаю, что жить мне осталось недолго. Уношу в могилу свою вину перед Коржом. Если бы ты почитал, что писали в шифровках о нем известные тебе партийные товарищи... Выставляли, чуть ли не анархистом, белорусским батькой Махно. Моя вина – поверил наветам высокопоставленных клеветников... Понадобилось время, чтобы разобраться, кто же такой Корж на самом деле. Он был законопослушным, но садиться себе на шею никому не позволял. Очень

*В. З. Корж
и Э. Б. Нордман
1944 г.*

*В. З. Корж
на партизанском
параде в Пинске.
Июль 1944 года.*

сожалею, что так поздно в этом разобрался. Увы, прошлое не вернуть и не исправить».

Весьма прискорбно, что этого покаяния Пономаренко так и не дождался сам белорусский партизан первого часа и герой земли нашей Василий Захарович Корж...

Боевые братьимы

В докладной записке НКГБ БССР «Об организации партизанских отрядов и групп» от 5 июля 1941 года направленной в Центр наркомом Л. Ф. Цановой, говорилось: «После захвата некоторой части территории Белорусской ССР противником для нанесения поражения немецким войскам в тылу ЦК КП(б) Белоруссии совместно с работниками НКГБ и НКВД, центрального аппарата и курсантов межкраевых школ 26 июня 1941 года было приступлено к организации партизанских отрядов в районах, частично занятых противником и прилегающих к фронтовой полосе, с целью поднятия на борьбу с врагом всего

населения. В партизанские отряды подбирались работники из числа храбрых и смелых.

Перед организованными партизанскими отрядами была поставлена задача до занятия территории противником в контакте с местными партийными, советскими, комсомольскими организациями и колхозным активом, использовав все людские возможности и средства вооружения в районах, создать базы и очаги партизанского движения с последующим развертыванием активных действий по разгрому врага в случае занятия данной территории противником. Подготовить явочные квартиры и курьеров для связи с руководством наркомата.

С занятием территории противником перед организованными партизанскими отрядами поставлена задача в первую очередь физически уничтожить людской состав немецкой армии и ее технику. Учинять диверсионные акты путем взрыва мостов, железнодорожных узлов, обрыва связи, поджога наиболее важных объектов, которые могут быть использованы противником против нас...

...Слуцкий район – организован партизанский отряд в составе 100 человек, начальник отряда – начальник УНКГБ Минской области капитан госбезопасности тов. Василевский...».

В связи с этой цитатой стоит вспомнить, что по планам партизанской войны, которые разрабатывались и осуществлялись в предвоенные годы, этот отряд должен был возглавить старший оперуполномоченный Спецбюро НКВД БССР Василий Захарович Корж. Жизнь, к сожалению, распорядилась по-другому. А судьба Артемия Евгеньевича Василевского, кстати, коллеги В. З. Коржа по работе в Спецбюро, оказалась трагичной. Лишь спустя почти 60 лет после войны, в результате длительной и кропотливой оперативно-розыскной работы, проведенной сотрудниками Управления КГБ Республики Беларусь по Минску и Минской области, удалось установить истинные обстоятельства гибели А. Василевского и его адъютанта В. Лявошко, ставших, в конечном итоге, невольными жертвами предвоенного «благодушия» политических вождей.

В первые дни войны только что сформированный отряд УНКГБ Минской области, насчитывавший до 100 человек, по просьбе командира 20-го механизированного корпуса генерала А. Никитина совместно с Червенской оперативной группой прикрывал переправу частей РККА через реку Березину. Вооруженные лишь винтовками, револьверами и пистолетами сотрудники НКГБ, конечно, не могли долго противостоять регулярным частям группы армий «Центр». Понеся большие потери, отряд был вы-

СПИСОК

Оперативного состава НКГБ БССР и личного состава НКВД БССР, привлеченного на выполнение оперативных мероприятий в районе БССР.

Имя и отчество и звание	Партизанность	Место работы и занимаемая должность	Город
2	3	4	5
СЛУЦКИЙ РАЙОН			
АКИМОВСКИЙ Артемий Евгеньевич инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Нач. УНКГБ Минской области.	Рудковск.
1926 г.			
МЯКИН Андрей Иванович инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Опер. Уполном. УНКГБ Баранович. обл.	
1940 г.			
ПРИНЧЕВ Андрей Сергеевич инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Опер. Уполном. УНКГБ Баранович. обл.	
1937 г.			
ТИШКОВ Луиза Нестеровна		Опер. Уполном. УНКГБ Баранович. обл.	
1932 г.			
ПЕТРИН Павел Петрович инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Сл. часть УНКГБ Баранович. обл.	
1940 г.			
ПРИСОВ Николай Михайлович инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Опер. Уполном. УНКГБ Баранович. обл.	
1940 г.			
ВЕНЦЛОВ Константин Митрофанович инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Сл. часть УНКГБ Баранович. обл.	
1938 г.			
БРОВ Тимофей Ильич инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	-	
1940 г.			
СОНОВ Павел Михайлович инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Нач. Баранович. обл.	
1937 г.			
МАРОВ Владимир Михайлович	Чл. ВКП/с	-	
1939 г.			
ЛЯК Павел Федорович инспектор Гос. безопасности	Чл. ВКП/с	Сл. часть УНКГБ Баранович. обл.	
1939 г.			

Список отряда А. Е. Василевского.

Начальник УНКГБ БССР по Минской области

Чл. ВКП/с

Служебная записка

Удостоверения

Виза на удостоверение

Нач. Сл. части

С тем что он следует с 3. июля по вызову в УНКГБ. Совмещен с командиром по евр. выполнению задания

В. М. Василевский

нужен отойти в поселок Бельничичи, что в Могилевской области. А уже 3 июля 1941 года доукомплектованный отряд А. Василевского получил от А. Цанавы задание развернуть подпольное антифашистское движение на оккупированной территории. О том, имеются ли у А. Василевского и его бойцов нужные для такого дела навыки, речь просто не шла. Потому свое задание командир вынужден был выполнять чисто военными методами.

На двух грузовиках отряд добрался до деревни Ухвала Крупского района, где под массированным перекрестным огнем перешел линию фронта. Местом его дислокации Артемий Евгеньевич избрал болотистые леса на стыке Крупского, Березинского и Бельничичского районов. Рядом проходили важнейшие магистрали Минск-Орша-Москва и Минск-Могилев. Здесь сотрудники НКГБ БССР привлекали к подпольной работе оставшихся на ок-

*А. Е. Василевский.**В. З. Лявошко.*

купированной территории руководящих работников, формировали партизанские группы, собирали оружие и боеприпасы.

Увы, стереотипы оказавшейся несостоятельной предвоенной доктрины о «незамедлительном решительном контрнаступлении» Красной Армии еще продолжали довлеть над Л. Цанавой, в соответствии с которыми он и инструктировал отправлявшиеся в тыл противника отряды. А это определяло их последующие, не всегда адекватные оперативной обстановке действия. Активная боевая деятельность отряда А. Василевского, бойцы которого были одеты в форму сотрудников НКГБ, плюс заметное пренебрежение правилами конспирации, в том числе открытая агитация за Советскую власть и всенародное сопротивление врагу вызвали незамедлительную ответную реакцию германских спецслужб. Они сразу же начали активные розыскные мероприятия.

Не способствовало успеху отряда и то, что он состоял в основном из уроженцев России – москвичей ленинградцев, уральцев и сибиряков. Незнание местности, людей, их менталитета, отсутствие родственных и иных связей и, конечно же, только русская речь оперработников не позволяли им в большинстве своем раствориться среди местных жителей, вызывали у них настороженность. К такой настороженности подталкивали население и жесткие действия «новой» власти, назначенной оккупантами.

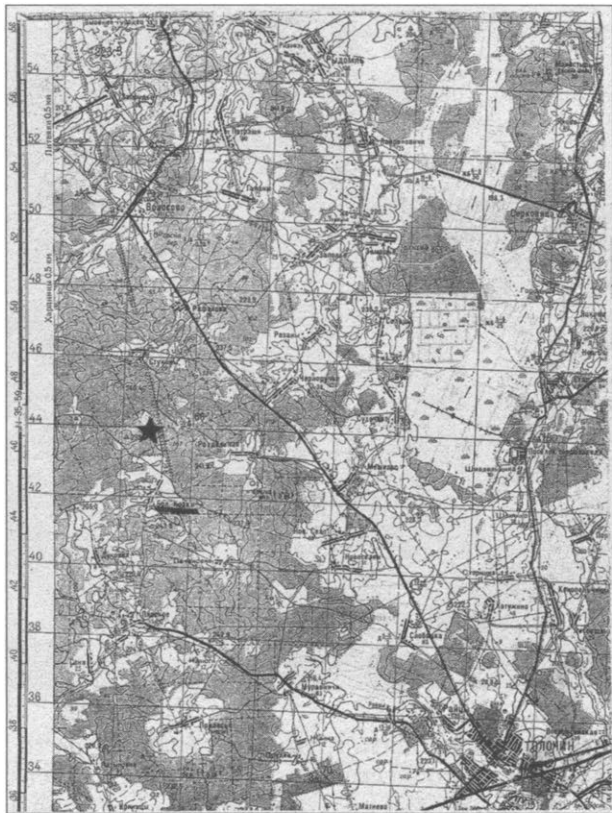
Естественно, что А. Василевский не афишировал свою истинную биографию и принадлежность к органам НКГБ–НКВД. А местные жители, по характерному говору почувствовав в нем своего, предположили, что он является важным представителем военной власти. Через некоторое время и немецкому СД стало известно о существовании крупного отряда и нахождении в лесу «каких-то больших начальников». Поначалу нацисты приняли Василевского за небезызвестного «стратега войны малой кровью на территории противника» маршала Кулика, вышедшего летом 1941 года из окружения в крестьянской свитке и соломенной шляпе и позже разжалованного И. В. Сталиным до генерал-майора. Естественно, немцы загорелись желанием захватить столь «колоритного» представителя высшего советского военного руководства и рассылали ориентировки с приметами именно Кулика, на которого, как оказалось, был похож и Василевский.

Наконец, 8 сентября 1941 года около двухсот карателей с собаками попытались окружить базу. Оторвавшись от преследователей, Артемий Евгеньевич с группой оперработников и партизан добрался до урочища Пуховщина, что возле деревни Гибайловичи Крупского района. Однако и здесь уже начала себя проявлять «новая» власть. И в начале ноября место расположения группы было выдано нацистам бургомистрами Дмитровичской и Высокогорской волостей Гоцманом и Мурашко и старостой деревни Девеница Губичем, которые, выслуживаясь перед новыми хозяевами, лично привели гитлеровцев к партизанскому лагерю. Отряду пришлось с боем прорывать кольцо окружения.

В конце концов, 15 ноября А. Василевскому с товарищами удалось добраться до деревни Козки Толочинского района Витебской области. К этому времени он был уже серьезно болен и дальше идти не мог. Дабы не подвергать риску жизнь партизан, Артемий Евгеньевич принял решение разделить отряд на группы. Владимир Лявошко, начальник секретариата и адъютант, остался со своим командиром, а остальные продолжили движение к фронту.

Будучи уроженцем Витебской области, В. Лявошко предложил командиру перезимовать в его родной деревне. Однако тот был уже настолько слаб, что просто не выдержал бы даже небольшого перехода. Поэтому небольшая землянка была обустроена в лесном массиве около деревни Козки. Доверились местному кузнецу Филиппу Нарчуку, назначенному перед войной председателем колхоза. С приходом оккупантов он стал старостой общины и, как позже оказалось, решил доказать свою преданность нацистам. Снабдив в очередной раз В. Лявошко

Карта с указанием
места гибели
А. Е. Василевского
и В. З. Лявошко (★).

продуктами, Нарчук проследил его путь к землянке и незамедлительно донес об этом в немецкий гарнизон. Он же 29 ноября и привел карательный отряд к укрытию чекистов.

Оккупанты, решив, что имеют дело с двумя изможденными, не способными к сопротивлению окруженцами, послали к ним предавшего их Нарчука с предложением сдаться. Однако Василевский и Лявошко приняли неравный бой, хотя и располагали-то всего двумя винтовками и наганом. Они отбивались до последнего, пока гитлеровцы не забросали их гранатами...

Уже после войны в ходе следствия, осужденный военным трибуналом войск МГБ Витебской области предатель Нарчук, «доросший» к 1944 году до бургомистра, сознался в содеянном. На допросе он показал: «Что в лесу находятся два военнослужащих Красной Армии, я знал. Я привел немцев к месту расположения землянки... Винтовки убитых немцы оставили мне. На второй день я взял людей и отправился в лес с целью зарыть

Поисковая группа на месте героической гибели чекистов.

землянку и закопать трупы, но ввиду того, что земля была мерзлая, мы ничего не смогли сделать и вернулись обратно...».

Место гибели двух чекистов-побратимов в лесном буреломе постепенно заросло. После войны предпринимались неоднократные попытки найти останки А. Василевского и В. Лявшко, чтобы отдать им необходимые почести. И лишь 4 августа 1999 года в ходе поисковых работ место их последнего боя все-таки было обнаружено. Они были торжественно погребены в июле 2000 года на Восточном кладбище Минска. А на месте землянки, где погибли А. Василевский и В. Лявшко установлен памятный знак...

Планка ответственности

Известный военный контрразведчик Иван Лаврентьевич Устинов, сполна познавший горечь отступления из-под Минска, освобождавший потом Беларусь от оккупантов, подчеркивал, что успех в этой кровопролитной, ожесточенной войне был бы малореален, не будь четкой координации боевых действий

Красной Армии с активными мероприятиями разведки и военной контрразведки.

Спустя десятилетия, будучи уже начальником 3-го управления КГБ СССР (военная контрразведка), результативно поработавший до этого и в разведке, генерал-лейтенант И. Л. Устинов вспоминал: «Через полтора года курсантской учебы в Камышловском пехотном училище, после досрочного выпуска 10 июня 1941 года я уже в звании лейтенанта прибыл в Минск, в штаб Западного ОВО. Там обстановка была напряженной, предгрозовой. Меня тут же отправили учиться в Могилев на курсы военных разведчиков. Они были созданы лишь накануне войны и квартировали на улице Почтовой... Инструкторско-преподавательский состав состоял в основном из откомандированных туда работников НКВД–НКГБ. В течение двух-четырех недель эти ускоренные курсы готовили офицеров фронтовой разведки».

В Могилеве Иван Устинов успел прослушать лекции о некоторых аспектах организации и ведения разведки и контрразведки в боевых условиях, об обострении оперативной и военно-политической обстановки на госгранице, о провокационных действиях противостоящих ЗапОВО (охватывавшего тогда территорию БССР и Смоленской области) сил германских войск и возможных мерах противодействия им с советской стороны. Всего-то четыре дня успели поучиться молодые офицеры, как грянула война, которая неожиданностью для них отнюдь не стала, несмотря на известное успокоительное заявление ТАСС.

В тот же день лейтенант Устинов получил приказ немедленно выехать в Белосток в 6-ю кавдивизию. Но не судьба была стать конником. События развивались столь стремительно, что Иван смог доехать лишь до Осиповичей, где его эшелон был безжалостно уничтожен самолетами «Люфтваффе». Здесь он впервые познал и горечь потерь, и горечь бессилия, когда нечем было ответить пикирующим «юнкерсам».

Но приказ есть приказ. На «перекладных», под бомбежками и обстрелами смелый и смекалистый лейтенант умудрился добраться до восточной окраины уже горевшего Минска. Войска Западного фронта с ожесточенными боями откатывались на восток. Вместе с остатками отступавшей артиллерийской части Ивану Устинову пришлось вступить в схватку с диверсионно-разведывательным отрядом абверовского полка «Бранденбург-800». К соперничеству со специально подготовленными подразделениями в пехотном училище его, конечно же, не готовили, но тогда им удалось прорваться, хотя временами они

Советские
военнопленные
на дорожных
работах. 1942 г.

не знали, где фронт, где тыл. Враг, казалось, был всюду. Ведь на территории Беларуси к тому времени сложилось крайне тяжелое положение. Гитлеровское командование сосредоточило против войск Западного фронта 35 процентов пехотных дивизий, почти 60 процентов танков, более трети артиллерии и авиации, задействованных на восточном фронте. И к концу июня 1941 года в войсках Западного фронта, сопротивлявшихся этой армаде, безвозвратные потери составили 341 073 человека, плюс было 76 712 раненых, а всего – 417 790 человек. В среднем 23 100 человек ежедневно. В эти цифры входили и сотрудники военной контрразведки. Пожалуй, это наибольшие ежедневные потери в войсках действующей армии за весь период Великой Отечественной войны.

Вместе с отступавшими, зачастую совсем разрозненными воинскими частями, Иван Устинов снова оказался в Могилеве, где штабом фронта создавалась новая полоса оборонительных сооружений. На пункте сбора офицеров, отставших от своих подразделений, в его судьбе произошел новый, крутой и непредсказуемый поворот. Понюхавший первого пороха лейтенант получил приказ убыть в Смоленск – в штаб переброшенной туда с Украины 16-й армии. Едва он, опять побывав под бомбежкой, явился на новое место службы, как его встретили, поначалу даже не представившись, два офицера с маузерами:

– Мы забираем вас на службу в особый отдел НКВД.

При этом усмехнулись вроде бы по-доброму. Вскоре с Иваном Устиновым уже беседовал начальник особого отдела 16-й армии полковник В. С. Шилин. Получив окончательное согласие на продолжение службы в новом качестве, он сказал лейтенанту:

– По здравому разумению вас надо было бы отправить на учебу в тыл, – подчеркнул Шилин. – Но обстановка не позволяет. У нас колоссальная убыль оперсостава. Вы назначаетесь на должность оперуполномоченного. Желаю успеха!

Так и началась для Ивана Устинова служба в органах военной контрразведки на Западном фронте. В одной из бесед с нами, молодыми офицерами, Иван Лаврентьевич вспоминал: «После первых боев меня определили в особый отдел НКВД 16-й армии Западного фронта, которая еще только разворачивалась. Учиться всему пришлось на ходу. Прикрепили меня к капитану Харитонову, старшему оперуполномоченному, и начал он “таскать” меня по боевым командировкам. Показывал, как в боевых условиях организовывать работу, как вербовать агентов в полевой обстановке и все это документально оформлять. А командование все давало поручения: тут разберись, там наведи порядок. Объяснялся такой подход еще и тем, что прав у военной контрразведки было побольше, чем у строевых командиров, но и спрос с ее представителей был соответственный.

В боях участвовать приходилось постоянно. Сначала под Смоленском. Днепр форсировали вплавь. В районе Соловьевской переправы попали в окружение. Сражения были страшными, на пределе человеческих возможностей. И невероятные потери. Поскольку командование погибло, мне пришлось с оставшимися военнослужащими организовывать оборону. Не скрываю, нередко поступал с большим нажимом, вплоть до угрозы применения оружия. Ситуация колебаний не позволяла. И тут появились пять офицеров, один из них – бригадный комиссар. Он представился: Лебедев. Спросил, что мы намерены делать? Ответил, что планируем организовывать прорыв из окружения. Лебедев немедленно предложил сформировать боевой отряд, определить командиров, проверить оружие, боеприпасы. Меня он назначил своим заместителем и одновременно начальником штаба отряда. На прорыв мы пошли тем же вечером. В той атаке Лебедев погиб.

Мы потом вышли к знаменитому еще с Отечественной войны 1812 года селу Бородино. Только расположились – немецкие танки! Я приказал готовиться к бою. В это время подошла колонна наших автомашин. Полковник, командир, спрашивает, кто мы такие? Я доложил. Посмотрел он, сколько нас осталось, в каком неважнецком состоянии бойцы находятся, и сказал, чтобы мы шли на сборный пункт в Дорохово, а они займут оборону. Это был полк, прибывший с Урала. Когда я привел свой отряд в

И. А. Устинов.
Западный фронт. 1942 г.

Сотрудники Особого отдела.
Второй слева в нижнем ряду *И. А. Устинов.*
Западный фронт. 1942 г.

Дорохово, нас оказалось всего 72 человека: десяток рядовых и сержантов, остальные – офицеры. Были среди них и полковники, и майоры, но подчинялись мне – лейтенанту. Почему? Во многом это обуславливалось тем, что высок был авторитет военной контрразведки. Ко мне все относились с уважением. Прощались мы чуть ли не со слезами. И это тоже – правда жизни.

Выполнять тогда Ивану Устинову, конечно, пришлось не только исключительно командирские обязанности. Немцы ведь под видом выходящих из окружения советских военнослужащих забрасывали своих разведчиков, диверсантов. Приходилось буквально на ходу «просеивать» пополнение. К счастью, агентов врага не оказалось. Но об обязанностях контрразведчика он не забывал. Кстати, весьма поднимавшим «планку ответствен-

ности» за порученное дело в те дни было указание начальника особого отдела 16-й армии от 20. 08. 1941 года: «Предупреждаю всех работников особых отделов, что при повторении случаев измены Родине, оперативник, на объекте оперативного обслуживания которого этот случай произойдет, а также начальник и заместитель особого органа будут привлечены к судебной ответственности». В суровое время звучали суровые приказы. В особых отделах они, случалось, были особо жесткими, как и это процитированное предупреждение.

Но особые отделы НКВД не только выявляли агентов. В начальный период Великой Отечественной войны, когда управление войсками Западного фронта было нарушено, перед ними была поставлена задача содействовать командованию в локализации негативных последствий отступления, возвращению в войска отставших от своих частей и в панике бежавших с передовой бойцов. Крайне важно было вернуть в строй всю эту огромную массу военнослужащих, ибо людей катастрофически не хватало. Красноречива статистика тех времен, представленная в докладе Управления Особых отделов НКВД СССР: «...С начала войны по 10-е октября с. г. Особыми отделами НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и ВНОВЬ НАПРАВЛЕНЫ НА ФРОНТ (выделено мною – *Авт.*). В числе арестованных Особыми отделами: шпионов – 1505; диверсантов – 308; изменников – 2621; трусов и паникеров – 2643; дезертиров – 8772; распространителей провокационных слухов – 3987; самострельщиков – 1671; других – 4371. Всего – 25878.

По постановлениям Особых отделов, по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек. По фронтам эти данные распределяются: Западный: арестовано – 4013, расстреляно – 2136, расстреляно перед строем – 556. Центральный: арестовано – 686, расстреляно – 346, расстреляно перед строем – 234».

Согласно отчету особого отдела 16-й армии, в которой служил Иван Устинов, только в период с 15 июля по 5 августа 1941 года с помощью заградотряда было задержано и вновь направлено в войска Западного фронта 9735 человек. Эти по-своему

трагичные цифры нынешним поколениям тоже надо бы знать. Знать хотя бы для тех случаев, когда они имеют дело с публикациями, в которых безапелляционно утверждается, что контрразведчики и заградотрядовцы знали только один способ действий по отношению к задержанным: «К стенке!».

И. А. Устинов подчеркивал, что в ходе боевых действий для контрразведчиков существенно усложнилась организация личной и безличной связи с негласным аппаратом в частях и соединениях фронта, говоря другими словами, с теми военнослужащими, которые негласно помогали особым отделам. Рассказывая об этом, Иван Лаврентьевич признавал, что после войны ему не раз приходилось слышать вопросы с подтекстом:

– А каким было у солдат отношение к «нашим агентам»?

И отвечал:

– А каким оно могло быть? Во-первых, их же никто не знал, и знать был не должен. Во-вторых, если же какой-то прокол случался, мы сразу прекращали связь и ликвидировали все документы. Но очень часто мы обращались к помощи тех, кому доверяли, и без оформления так называемой подписки. Люди помогали нам на чисто патриотической основе. Подсказывали, информировали. Подавляющее большинство воинов было преданно Отечеству. Они понимали и видели, что все, что мы делаем – это в интересах страны, все для того, чтобы приблизить Победу над жестоким врагом. Материальной же заинтересованности у потенциальных кандидатов в наши агенты не наблюдалось. Да и не было у нас денег. Солдаты к особому отделу (потом «СМЕРШ») относились нормально. Боязни, могу заверить, не было. Тем более, что мы все время находились в боевых порядках. А там за чужую спину не спрячешься. И с какой стати солдату бояться своего оперуполномоченного, если он готовится к бою, в котором они на одной стороне и в котором должны суметь убить врага раньше, чем тот убьет их?

Случалось и так, что контрразведчики ходили в атаку в составе подразделений, сформированных только из особистов. Один из таких случаев произошел во время взятия Городка в Витебской области. Тогда в прорыв вместе с наступающими армейскими частями пошел и небольшой отряд, созданный только из военных разведчиков и контрразведчиков. «Это было необходимо, – рассказывал Иван Лаврентьевич, – для захвата разведывательных и карательных органов врага. Мы знали, где именно они находятся. Мне тогда пришлось сразу же участвовать и в расследовании злодеяний гитлеровцев. Страшная была картина. Сотни людей были

закопаны во рвы живыми вместе с детьми. Эти материалы мы передали потом правительственной комиссии».

Известное теперь выражение о том, что мужала молодость в боях, в полной мере относится к судьбе Ивана Лаврентьевича. Он не только мужал в боях, но и набирался профессионального опыта в борьбе с агентами противника. В одно время, вспоминая он, в расположении наших войск они зачастую разгуливали в нашей же форме. Порядок был наведен одной специальной мерой. В документы солдат и офицеров начали ставить особые шифрованные обозначения. Меняли их каждый месяц. Если такого знака у кого-то не оказывалось, задерживали и проверяли.

На втором этапе войны Абвер очень серьезно использовал в своих активных мероприятиях такое прикрытие, как раненные бойцы и командиры. Немцы специально «подстреливали» своих агентов, чтобы они затем попадали в медсанбаты, оттуда в госпитали, а после излечения – в наши подразделения. Тогда и было принято решение сформировать в «СМЕРШе» армии специальный отдел по выявлению агентуры и разведчиков противника, засылаемых через госпитали, медпункты и эвакуационные пункты. Ивана Лаврентьевича назначили начальником этого отдела, и он заработал вполне успешно.

Но война – это не только храбрость, смекалка и чрезвычайное напряжение физических сил. Она зачастую давала уроки высокого достоинства. На всю жизнь Устинов запомнил подобный урок, который преподавал своим подчиненным тогда еще генерал К. К. Рокоссовский. Это случилось во время битвы за Москву в 1941 году. Иван Лаврентьевич в то время получил назначение в штаб 16-й армии, которой командовал Константин Константинович. Подъезжал Устинов к штабу во время сильной бомбежки, от которой все в буквальном смысле ходило ходуном. У домика, где размещался штаб армии, стоял часовой с винтовкой. А рядом с ним – Рокоссовский и его адъютант. Адъютант настойчиво уговаривал своего командующего уйти в укрытие – специально для этого вырытую щель. Командующий упорно молчал. Затем, не выдержав настырности адъютанта, спокойно сказал ему: «Да как же я, генерал, пойду в укрытие, если здесь солдат стоит!».

– Потом я неоднократно встречался с Рокоссовским, – рассказывал И. А. Устинов. – Последняя моя встреча с ним в бытность его командующим нашей армией произошла так. Когда в освобожденных уже Сухиничах Рокоссовский работал в кабинете, рядом с домом вдруг разорвался немецкий снаряд. Осколок, влетев в окно, ранил генерала в грудь, пробив легкое...

Начальник особого отдела Шилин тогда приказал Устинову:

– Из Москвы вызван санитарный самолет. Организуйте эвакуацию и обеспечьте безопасность командующего!

Вот тогда-то и произошел казус, который лучше пересказать словами самого Ивана Лаврентьевича: «Поехал я к указанному месту, куда вскоре привезли Константина Константиновича. Прилетел самолет. Я решил проверить его. Ведь шел 1941 год, мы уже знали случай, когда абверовцы перехватили информацию и захватили одного командующего. В самолете мне сразу в глаза бросилось в глаза то, что три прилетевших врача – какие-то “не совсем белые” и по-русски с иностранным акцентом говорят. Докладываю тут же по телефону об этой непонятной для меня ситуации. Самолет, конечно, задержали. Стали разбираться. Через полчаса звонят:

– Это испанцы, эмигранты, они создали санитарный отряд.

– Так предупреждать же надо вовремя! – чертыхнулся я в сердцах и отправил самолет. – После излечения Рокоссовского назначили командующим Сталинградским фронтом. А к нам прибыл Иван Христофорович Баграмян. С ним у нас тоже установились хорошие, деловые отношения. Он к нам часто приходил, все специфические вопросы мы с ним обязательно обсуждали. А в 1942 году меня назначили старшим оперуполномоченным отдела контрразведки армии. Считали, что я опыт оперативный уже приобрел. Но у меня, если честно сказать, больше военного опыта тогда было».

Была у Ивана Лаврентьевича в первые годы войны встреча и еще с одним человеком, имя которого до сих пор на слуху. Это предвоенный нарком внутренних дел БССР, с именем которого связывают массовые репрессии в нашей республике, а затем начальник Особого отдела Западного фронта Лаврентий Цанава. Ввиду отсутствия проводной связи с этим отделом полковник Шилин направил в район Вязьмы с докладом к Цанаве именно Устинова. Потом Иван Лаврентьевич вспоминал:

– Во времена хрущевских разоблачений культа личности и бериевских преступлений Цанава как их соучастник был репрессирован и умер в тюрьме. Однако тогда, в первый год войны, он произвел на меня только положительное впечатление как вдумчивый, спокойный руководитель, со знанием тонкостей, профессионально исполняющий порученное ему дело, к тому же обладающий качествами неподдельного внимания и человечности. И это тоже – правда жизни, в которой я имел возможность убедиться лично. Уверен, не надо все валить в одну кучу

и мазать только черной краской. Уж если на то пошло, хотел бы я посмотреть, как бы повели себя в тех конкретных ситуациях некоторые нынешние, пороку не нюхавшие «разоблачители» и «летописцы». Да и разве правильно то, что у нас гораздо больше знают буквально о каждом шаге, вздохе и даже «чихе» Гитлера, Гимmlера, Мюллера, Шелленберга, Скорцени и прочих нацистов вкупе с поступившими к ним на службу предателями, нежели о тех, кто их в той войне переиграл и победил?..

16-я армия, в составе которой воевал Устинов с начала войны, летом 1943 года получила звание 11-й гвардейской. Ее боевой путь пролегал через Брянск, Великие Луки, жестокие бои под Орлом, затем она участвовала в победной стратегической операции «Багратион», сражалась за освобождение Литвы, первой вошла в Восточную Пруссию. К концу войны Иван Лаврентьевич был уже начальником отдела контрразведки этой армии. За эти годы он увидел войну в разных ее ипостасях и ракурсах. И впоследствии со знанием дела говорил, что враг был не только жестоким и коварным, но и весьма умелым, настойчивым в достижении поставленных целей. Тот же Абвер до последнего дня не снижал свою разведывательную активность:

– Мы уже за Кенигсберг бои вели, а в это самое время мой отдел выловил парашютиста. Агент прошел хорошую абверовскую школу, имел документы советского офицера, рацию и связь к литовским националистическим бандформированиям. Короче говоря, он был подготовлен, как у нас было принято говорить, на длительное оседание. И борьба с подобной абверовской агентурой велась вплоть до самой Победы. Да и после нее. Складывать оружие гитлеровцы не торопились. А работала германская разведка на высшем уровне. Кстати, у них все было не так, как у нас. У нас старались расписать все до мелочей, указать, что можно делать, что нельзя. У них же вообще не было понятия «нельзя». Только «целесообразность». Немецкие агенты применяли любые методы без всяких ограничений! Шпионам, диверсантам и террористам разрешалось действовать, как заблагорассудится, не брезгуя ничем, лишь бы это способствовало достижению цели. Так что поединок был жесточайший. Но победили мы.

В наше время иногда возникает и муссируется вопрос: а все ли было так «благополучно» в боевой деятельности военной контрразведки в то страшное, противоречивое и судьбоносное военное и первые годы послевоенного времени? Вероятно, нет, как это нередко и случается в живой, тем более опасной практической работе. Бывали, как и в иных сферах, ошибки, бывали и провалы,

Захваченный
советскими
войсками
форт
Кенигсберга.
1945 г.

«чрезвычайщина», кончавшиеся кровью, которой не должно было проливать. Но отнюдь не этими единичными фактами определялось тогда главное. Оно, скорее, состояло в том, что та великая, долгая и кровопролитная народная война расставляла по своим местам друзей и врагов, патриотов и предателей, героев и трусов, ведущих и ведомых, слабых и сильных духом. Правильно расставляла. Потому и нацизм был разгромлен.

Рассуждая о том, как во время «перестройки» и последующие годы в прессе, книгах, многих фильмах стали показывать действия военных контрразведчиков, Иван Лаврентьевич с сожалением отмечал:

– Сейчас в мемуарах, художественной литературе о Великой Отечественной войне все реже раскрывается истинный характер взаимоотношений сотрудников военной контрразведки с командованием и политорганами при решении служебных вопросов и в повседневной жизни на войне. А в тех немногих произведениях, в которых эти взаимоотношения затрагиваются, они порой показываются сугубо отрицательно. С подобным подходом согласиться нельзя, ибо создает превратное мнение у непосвященных в эти дела людей, особенно у молодежи. Пройдя всю войну от ее начала до победы, могу заверить, что наша работа снизу доверху – не берусь судить лишь о центральном аппарате – осуществлялась в постоянном взаимодействии с командованием. В отделе контрразведки армии мы часто видели своих командующих: Лукина, Рокоссовского, Баграмяна. Если же случались шероховатости в отношениях, которые кое-где действительно имели место, то они носили субъективный и эпизодический характер. Их нельзя брать за основу при оценке повседневных контактов командиров и политработников с во-

енными контрразведчиками. В целом они были нормальными рабочими отношениями. Каждый занимался своим делом или, как говорят, каждый «нес свой чемодан».

Военная контрразведка, уверен Иван Лаврентьевич, составляла единое целое с действующей армией. Да были и штрафные батальоны, как, кстати, и в вермахте, были и заградотряды, и многое другое, диктовавшееся сложившимися условиями и логикой той войны, о которой, зачастую, так поверхностно, высокомерно и предвзято кое-кому хочется судить с высоты нынешнего беззаботно, сытого, коммерческого, а нередко и конъюнктурного сегодня. Но были и подвиги, и высокий боевой дух, и патриотический порыв народа, стремившегося изгнать оккупантов, сокрушить нацизм. Военная контрразведка действовала теми специфическими методами, которые использовались и используются спецслужбами любого государства мира и в наши дни. Иного не дано. Основой всегда являлись и являются профессионализм и компетентность, которые невозможно заменить никакими «заклинаниями» и досужими рассуждениями вдогонку событиям. И пусть история не имеет сослагательного наклонения, уроки из нее надо извлекать всегда.

Эти и многие другие суждения Ивана Лаврентьевича Устинова – «опера» от Бога, в чем многие из имевших с ним отношения по службе и прошедшие его жесткую школу, могли убедиться на практике, – выражают quintэссенцию оперативно-боевого опыта фронтовиков-контрразведчиков. Они были людьми, непоколебимо стоявшими в едином армейском строю, твердо верившими в правоту своего дела. Эту веру питала их любовь к Родине, ради которой они готовы были отдать все свои силы, опыт, знания и саму жизнь. Они сами поднимали планку своей ответственности на максимально высокий уровень.

Сталин информировал Черчилля...

В отличие от Ивана Лаврентьевича Устинова, для оперуполномоченного военной контрразведки 407-го полка 108-й стрелковой дивизии Западного фронта В. И. Гуриновича Великая Отечественная началась еще более драматично. Тогда он тоже оказался под Минском. Пытаясь прорваться из кольца окружения, Гуринович собрал оставшихся в живых бойцов и командиров и повел их в штыковую атаку. В том бою Виктор Иванович был серьезно контужен, и потерял сознание. Может, это и спасло от плена. Гит-

В. И. Гуринович.

леровцы, добывая раненых, не обратили внимания на его неподвижное тело.

Придя в себя, офицер, преодолевая боль и слабость, лесами и незаметными тропами подался на Слутчину, в свою родную деревню Рабаки. Здесь Гуринович воочию столкнулся с «новым порядком». Расстреливались и угонялись в рабство сотни людей, пострадали и его земляки. С этим он мириться не мог, хотя тогда еще Виктор Иванович не знал, что судьба его – как военного контрразведчика – была уже predeterminedена в одном из документов для высшего командного состава вермахта еще 12 мая

1941 года. В нем говорилось: «1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться. 2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания... 3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее, в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются». Офицерам же советских спецслужб, причислявшимся к той же категории, предстояло мучиться гораздо дольше, ибо тут за «работу» уже принимались вездесущий Абвер и СД. Но трагический финал для них – за исключением немногих фактов прямого предательства – предусматривался тот же.

Оказавшись волею судьбы на оккупированной нацистами территории Беларуси, Виктор Иванович вместе со своими четырьмя братьями подался в лес. Собирали оружие, встречались с приютившимися в деревнях бойцами и командирами РККА. Вокруг братьев Гуриновичей постепенно начали группироваться и местные жители. Эти люди и стали костяком небольшого партизанского отряда. В то же время, Виктор Иванович, хорошо ориентируясь в родных местах, постоянно искал и в конце кон-

цов установил контакты с отрядами Минского партизанского соединения – Н. Н. Розова и А. И. Далидовича. К Далидовичу он и примкнул со своими партизанами. Поначалу рядовым бойцом. А через некоторое время стал помощником командира по разведке и контрразведке. Постепенно у отряда появились «глаза» и «уши» во вражеских гарнизонах.

Очень скоро оккупанты почувствовали, что удары нового партизанского формирования нарастают. Опираясь на точную информацию о силах нацистов и полицаяв-пособников в местах их дислокации, отряд уничтожил в августе–сентябре 1942 года четырнадцать мостов на шоссе Варшава–Москва, Осиповичи–Бобовня, а также через реки Случь и Виляя. Эффективными были разведывательная и диверсионная деятельность отряда в Слуцке, а также его противодействие карательным акциям оккупантов.

О том, насколько цинично проводили в жизнь свою политику геноцида в отношении поднявшегося на партизанскую борьбу народа Беларуси нацистские военные преступники, правомерно казненные по приговору Нюрнбергского международного трибунала, свидетельствует приказ от 16 декабря 1942 года, изданный отнюдь не шефами СС, СД или ГФП (аналога гестапо на «восточных территориях»), а «безупречным рыцарем» вермахта фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем: «...Эта борьба не имеет ничего общего с рыцарским поведением солдата или Женевской конвенцией... Если эта борьба против банд – как на Востоке, так и на Балканах – не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющихся в распоряжении сил окажется недостаточно, чтобы справиться с этой чумой.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения, также против женщин и детей, если это только ведет к успеху».

Вот такое «незатейливое» понимание «рыцарства» демонстрировали нацисты. Но уже ничто не могло остановить подъем массового партизанского движения в Беларуси. Виктор Иванович поначалу сожалел о том, что часть поступающей разведывательной информации, остается невостребованной ввиду отсутствия радиации. И посему, являясь уже начальником, особого отдела партизанской бригады, Гуринович налаживал взаимодействие со спецгруппой, заброшенной в немецкий тыл разведотделом Западного фронта. Так появилась радиосвязь с Центром. Вскоре от партизан стала поступать информация о дислокации и составе немецких войск, разведывательно-диверсионных органах противника в Гресском, Слуцком, Стародорожском, Осиповичском районах, о

выявленных в этом регионе более чем 90 агентах немецких спецслужб. От своего человека, внедренного Гуриновичем в Бобруйскую школу разведки «Зондерштаб – Р», стали известны фамилии и приметы еще 28 изменников, засланных в партизанские отряды Минской и Могилевской областей...

Однако Виктор Иванович никак не мог предположить, что одна из полученных им разведывательных информации станет предметом переписки между Иосифом Сталиным и Уинстоном Черчиллем. Ее источником был перешедший на сторону партизан солдат вермахта австриец Рудольф Муцак, биография которого напоминала авантюрный роман, вызывая массу закономерных вопросов, сомнений и подозрений в дезинформации.

Судите сами: до 1934 года юный Руди живет в Вене, откуда затем выезжает в СССР, в Москву, к своей тетке Гильде Мясниковой, муж которой работал в советском «Экспортхлебе» бухгалтером. Далее Муцак продолжал свою учебу сначала в московской немецкой школе (были в те времена и такие), а к 1939 году закончил и русскую. Затем по германскому паспорту он намеревался выехать к своей матери, жившей в Лондоне, поскольку к тому времени Гитлер уже аннексировал Австрию. Но Германия с Англией находилась в состоянии войны. Муцак вынужден был ехать сначала в Вену. А пока – до января 1941 года – он работает электриком в германском посольстве. Затем состоялся переезд в Вену, где поначалу к нему было множество вопросов со стороны гестапо. Но, по его словам, Господь миловал.

С началом войны Муцак оказывается в Беларуси и работает гражданским переводчиком в немецкой управе Слуцка, а с 1942 года служит уже в вермахте во Франции, потом на Украине. Затем судьба его делает неожиданный зигзаг, и Рудольф Муцак, сам того не предполагая, оказывается причастным к тайнам III рейха, связанным с новым немецким «чудо-оружием» – Wunderwaffe – ракетами «ФАУ». Именно ими нацисты собирались обстреливать Лондон. Имея на руках отпускное удостоверение, Руди Муцак однажды появился в оккупированном Минске. А дальше предоставим слово документам – протоколу допроса Р. Р. Муцака в партизанском отряде:

«Я, начальник особого отдела бригады им. Фрунзе сержант госбезопасности Гуринович допросил Муцака Рудольфа Рудольфовича – 1923 года рождения, австрийца, образование среднее, уроженца г. Вены...

Вопрос: Расскажите подробно, что из себя представляет вновь изобретенное орудие, его технические свойства, назначение.

Ответ: ...Находясь в Берлине, я написал заявление командиру батареи, в котором просил, чтобы меня отправили на восточный фронт. Но вместо этого меня направили на побережье немецкого Восточного моря в м. Брустеродт, куда я прибыл 31 октября 1943 года в 14-ю батарею 155-го полка...

Для м. Брустеродт было установлено секретное название Визенгрунд. Название части, в которой я служил, сохранялось в строгом секрете. Условное наименование полка (секретное) – Цугфогель. В этой части всех солдат обучали новоизобретенному оружию...

Вновь изобретенное орудие, только один ствол, имеет длину 42 метра и состоит из 7 частей... Это то орудие, как нам говорили, при помощи которого немцы будут расплачиваться с Англией... Снаряд, имеющий форму самолета, скользит по рельсам, которые проложены по обеим сторонам окна, проложенного вдоль ствола...

Снаряд летит от 270 до 300 км. Начальная скорость такого реактивного снаряда – 400 км, дальнейшая достигает 700 км в час... Снаряд уничтожает все в радиусе 4 км. Вес снаряда... 2,5 тонны. Мне самому лично пришлось принимать участие в учебных стрельбах... на побережье Восточного немецкого моря у м. Брустеродт и видеть этот снаряд...

За последнее время, как мне известно, набирали солдат по счету в 25 батарей. В каждой батарее насчитывалось до 180 человек. Предполагалось увеличение личного состава в батарее до 400 человек...».

Отмечу также, что Рудольф Муцак, обладая прекрасной памятью, смог описать в деталях не только принцип действия «ФАУ», но и очень существенные технические подробности. О важности данной информации, доставленной из белорусских лесов, говорило то, что австриец немедленно был переброшен самолетом в Москву, а Иосиф Сталин информировал Уинстона Черчилля – союзника по антигитлеровской коалиции – о сведениях, полученных разведкой и касающихся гитлеровского «оружия возмездия» – реактивных снарядах «ФАУ»...

Финал этой истории известен – Wunderwaffe нацистам не помогло и на общий ход боевых действий в Европе существенно не повлияло, хотя и принесло много бед жителям столицы туманного Альбиона. Рудольф Муцак после пребывания в советском плену возвратился в нейтральную Австрию, где следы его впоследствии затерялись. А Виктор Иванович Гуринович за проявленные в годы партизанской борьбы мужество и героизм был удостоен орденов боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени и медали «Партизан Отечественной войны» I степени...

Не щадя живота своего...

Учиться бороться с врагом на оккупированной им территории чекистам пришлось по ходу самой войны. Поначалу, как уже отмечалось, главное, на чем сосредоточились усилия НКГБ (НКВД), было формирование партизанских отрядов и оперативных групп. Уже в июле–августе 1941 года удалось создать 15 отрядов (758 человек) и 45 таких групп (1259 человек). Они комплектовались в основном оперсоставом НКГБ, а также сотрудниками НКВД, партийно-советским активом и направлялись в восточные регионы республики, а также в Пинскую область. И хотя в их отчетах все было довольно гладко, результативность деятельности этих отрядов и групп поначалу была невысокой. Учеба давалась нелегко, методом проб и ошибок, тем более, что нацистские спецслужбы тоже не дремали.

Всего же, начиная с июня и по ноябрь 1941 года, органами госбезопасности БССР было заброшено за линию фронта 317 спецгрупп общей численностью 2605 человек. В этот период только личным составом этих опергрупп было проведено 40 боевых операций, в ходе которых разгромлено три штаба противника, пущено под откос два немецких эшелона, уничтожено пять танков, семь железнодорожных и 72 шоссейных моста, убито и ранено 669 военнослужащих оккупационной армии, расстреляно 95 предателей и изменников Родины. Тогда же было организовано 42 партизанских отряда, объединивших 636 человек, освобождено 450 советских военнопленных и гражданских лиц, которым грозил угон в германское рабство. К сожалению, многие из оперработников героически погибли в ходе выполнения зафронтовых заданий в эти трудные месяцы войны.

В этот же период НКГБ (НКВД) БССР активно организовывал истребительные батальоны. Они стали одним из серьезных звеньев в системе обеспечения государственной безопасности. С их помощью решались задачи по борьбе с забрасывавшимся противником, диверсионно-террористическими группами, осуществлялся розыск и захват шпионов, обеспечивалась охрана предприятий, поддержание общественного порядка в населенных пунктах, особенно в тех, которые находились в угрожаемых районах. Истребительные батальоны участвовали в боях с парашютными десантами противника. При отступлении войск Западного фронта они присоединялись к воинским частям или же оставались в тылу противника и нередко составляли основу для формирования партизанских отрядов. Героически погибли,

выполняя оперативные задачи в этот период, входившие в состав батальонов оперработники С. П. Ильюшин, М. И. Зверев, Н. Г. Абрашкин и другие.

Из сообщения УНКВД БССР по Витебской области от 4 июля 1941 года: «По области организовано 26 истребительных батальонов, в которых состоит 3528 человек, из них 3029 человек вооружены винтовками, 15 – пулеметами и 137 – револьверами.

Включительно по 3 июля 1941 года истребительными батальонами по области всего задержаны 143 человека, из них немецких летчиков – 4, дезертиров из частей РККА – 4, бежавших из-под конвоирования заключенных – 42, беженцев из областей, занятых противником, – 82, по подозрению в светосигнализации – 1, в разрушении телефонной сети – 5».

Однако затяжной характер войны и оккупация немецко-фашистскими захватчиками значительных территорий в европейской части СССР потребовали от советских органов госбезопасности новых мер для осуществления разведывательных и контрразведывательных мероприятий в более широких масштабах, а также развертывания диверсионной работы за линией фронта. В связи с этим 3 октября 1941 года в составе НКВД СССР вместо Особой группы при наркоме создан самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР, а позднее – 4-е управление НКВД (НКГБ) СССР, которое возглавил П. А. Судоплатов. По линии этих подразделений формировались и забрасывались в тыл противника оперативные группы и отряды спецназначения, которые вели работу на оккупированной территории Беларуси. Многие из них стали ядром партизанских отрядов, во главе которых стояли чекисты – руководители оперативных групп и отрядов спецназначения. Разумеется, велась и работа по проникновению в разведывательные и контрразведывательные, полицейские и другие карательные органы противника и учреждения оккупационной администрации.

Уже в течение 1942 года чекисты Беларуси создали и направили на оккупированную территорию республики 39 спецгрупп общей численностью свыше 700 человек. Непосредственно в тылу врага было организовано еще 11 спецгрупп с общей численностью более 120 человек. Тогда же из бойцов спецотряда «Смерть фашизму», пришедшего в конце 1941 года из-за линии фронта, были созданы четыре спецгруппы под командованием Я. И. Шпилевого, П. П. Кочуевского (а после его гибели – Н. В. Зебницкого), О. С. Бычека, А. В. Метелкина. В свою очередь эти группы служили базой для создания в последующем новых бое-

вых единиц. В частности, в августе 1943 года спецгруппа Н. В. Зебницкого разделилась на четыре самостоятельные группы.

Много славных дел записала на свой счет Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) 4-го управления НКВД. Она подготовила немало бойцов «невидимого фронта» – участников чекистско-войсковых и оперативных групп, забрасывавшихся с разведывательными, контрразведывательными и диверсионными заданиями в тыл противника. В ОМСБОНе получил нужные навыки для работы в тылу врага и один из наших белорусских чекистов Б. В. Калашников, который дважды забрасывался за линию фронта. При этом он всюду действовал вместе со своим братом-близнецом, воевавшим столь же самоотверженно.

И все же без героизма и самоотверженности добровольных негласных помощников белорусских чекистов успехи в разведывательной работе были бы невозможны. Всего 17 лет было М. В. Кулаковой, когда она начала свою борьбу с оккупантами. На минской бирже труда она доставала так необходимые партизанским разведчикам спецгруппы «Четвертые» бланки для документов, осуществляла сбор развединформации. Но 24 марта 1944 года при возвращении с задания она была схвачена и в течение трех месяцев мужественно переносила допросы и пытки, никого не выдав. После этого Кулакова была казнена гитлеровцами. Посмертно она награждена орденом Отечественной войны I степени.

Ценную информацию о противнике давал спецотряд НКГБ БССР «Дружба» под командованием И. А. Жолобова. В этой боевой работе отличились Е. И. Матвиевич, М. М. Ломовцев, М. М. Лашин, Б. А. Зубкевич. Молодежную группу, созданную отрядом, возглавлял А. Г. Буренков. Группа добывала и передавала развединформацию и оружие. Связь с ней отряд поддерживал через разведчицу «Каренину» – Г. В. Пеньковскую. К сожалению, 12 ноября 1943 года она и еще шесть человек из группы Буренкова были схвачены нацистами. Спасти их помогло чудо. Членам группы в тюрьме удалось склонить на свою сторону гитлеровского солдата-охранника, серба по национальности, И. А. Верховчака. Обезоружив охрану, И. А. Верховчак освободил разведчиков и вместе с ними прибыл в отряд. Затем он героически сражался в рядах партизан, был награжден.

В июле 1942 года учительница из Полоцка В. Н. Смирнова добровольно изъявила желание вести разведывательную работу. По заданию группы «Неуловимые» под руководством

М. С. Прудникова она добывала ценную разведывательную информацию о гарнизонах противника в Полоцке, Боровухе. Однако по доносу предателя Смирнова была арестована. Несмотря на бесчеловечные зверства, пытки и издевательства, во время которых ей выкололи глаза и переломали все пальцы, она ни слова не сказала об участниках группы.

О героизме чекистов и их добровольных помощников свидетельствуют выдержки из доклада командира отряда «Славные» А. П. Шестакова: «... Спортсмены Фролов В. и Газаев Б., будучи ранеными, находились в окружении, не сдались гитлеровцам, а застрелились».

«...Разведчицы Пульгуева А. и Кузовкова Е. в г. Клешне были схвачены фашистами. Несмотря на суровые пытки, они ничего врагу не сказали. Публично гитлеровцами были повешены».

В спецотряде «Боевой», сформированном из спортсменов-добровольцев, отличились в годы войны начальник разведки С. М. Автухов, опытный минер-подрывник В. П. Куксенюк, активные бойцы Н. М. Прокопьева (Гриневич) и ее муж А. А. Прокопьев. Не отставали от них мастера спорта из «Боевого» М. А. Андреев, Л. М. Егоров, Н. П. Румак, Б. Е. Чудковский и другие. Они направили обращение ко всем спортсменам СССР, в котором рассказали о зверствах гитлеровцев в Беларуси, о боевых делах отряда, призвали мобилизовать все силы на скорейший разгром врага.

В одном из отчетов отряда сообщалось: «Все бойцы и командиры дрались храбро. Даже тогда, когда создавалась безвыходная обстановка, в плен не сдавались. Умирали смертью героев».

Мужественно сражались с врагом и погибли смертью героев, подорвав себя гранатами, партизаны отряда «Боевой» Фарьев и Голынский. До последнего вздоха беззаветно выполняли свой долг Мартыянов, Рябов, Рождественский, Хартулари, Чудновский, Бочаров, Семенов, Садовский, Вогульский, Григорьев, медсестра Казаченок и ее брат, а также пионеры-разведчики отряда Дима Потапенко, Петя Жук, Коля Бабиц. Четырнадцатилетними пареньками вступили в партизанские отряды Беларуси А. А. Матусевич, И. И. Василевский, Д. М. Дворяченко, А. И. Карнач и В. Т. Корсик ставшие в послевоенные годы опытными сотрудниками КГБ Белорусской ССР.

Отряду «Боевой», как и другим партизанским формированиям, неоценимую помощь оказывали местные жители. Один из них, П. А. Вистунов, в ноябре 1942 года по заданию командования отряда поступил на «службу» в полицию. Во время этой «службы» он информировал партизан об обстановке в районе и намерениях

полицей. Вистунов спас жизни многим патриотам. Кроме того, он передал в отряд два станковых пулемета, восемь винтовок, 300 килограммов тола и около 10 000 патронов. В 1943 году он возвратился в отряд, где руководил группой разведчиков.

Весьма успешно и самоотверженно действовал в Глубокском районе еще один разведчик «Боевого» – М. С. Игнатовский, систематически сообщавший отряду сведения о фашистском гарнизоне в г. Глубокое. Он провел также несколько диверсий в городе. В частности, в октябре 1943 года взрывом, заложенной им в легковую автомашину мины, были уничтожены четыре сотрудника гебитскомиссариата г. Глубокое. Им также были уничтожены канцелярия гебитскомиссариата вместе с документами, немецкие продовольственные склады.

Впоследствии ему было поручено взорвать офицерский зал вокзала в Глубоком. Все шло поначалу по плану, но когда Игнатовский вошел в зал, чтобы заложить мину, гитлеровцы поставили часовых у дверей, приказав им никого не выпускать. Поняв, что на его след напали, Игнатовский решил пожертвовать собой, но не сдаться врагу. Подбежав к горячей печи, он бросил в нее мину. От взрыва патриот погиб, но и шесть гитлеровцев расстались жизнью.

Отважно действовал в тылу противника чекист В. И. Пудин. Еще в первых числах июля 1941 года группа сотрудников госбезопасности, руководителем которой он был назначен, получила задание осесть в г. Могилеве для последующего ведения разведывательной работы.

Могилевский «орешек»...

Из справки ПГУ КГБ СССР: «Пудин Василий Иванович. Полковник внешней разведки КГБ СССР. Во время Великой Отечественной войны – руководитель разведывательно-диверсионной группы в Белоруссии, был ранен, после лечения остался на подпольной работе, снабжал партизан разведанными о планах гитлеровцев и карателей».

Легендарной личностью был чекист Пудин. Имя его связано с весьма значимыми эпизодами тайной войны в оккупированном нацистами белорусском Могилеве. А в начале 1920-х годов участвовал Василий Иванович в ныне широко известной чекистской операции «Синдикат-2» и задержании совместно с разведчиком Г. С. Сыроежкиным полковника Павловского – зарубежного эмиссара

главы «Союза защиты родины и свободы» и небезызвестного террориста Бориса Савинкова, чуть позже арестованного в Минске. Пудин при этом мастерски сыграл роль боевика подпольной организации «Либеральные демократы». Потом у него были годы нелегальной и легальной работы по линии внешней разведки в Китае, Монголии, Болгарии. И, наконец, вновь Беларусь. Сказать, что трагическое утро 22 июня 1941 года было для него неожиданностью – погрешить против истины. Как аналитик он давно был готов к такому исходу, прекрасно понимая, что разведку придется вести уже на собственной, оказавшейся под пятой врага, территории.

В. И. Пудин. 1920-е годы.

Внешней разведке НКВД СССР были определены такие функции, как: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против нацистской Германии и ее сателитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство радиоиграми с германской разведкой с целью дезинформации противника. Возглавил это важное направление, как уже отмечалось, легендарный разведчик Павел Анатольевич Судоплатов. Он и поставил соответствующую задачу оперативной группе В. И. Пудина. Действовать ей предстояло в Могилеве, который мог быть оккупирован врагом. И если Брест стал образцом беспримерного мужества на первом рубеже, пограничном, то на втором – стратегическом рубеже на реке Днепр – очагом еще более упорного сопротивления был Могилев. Его оборона сыграла значительную роль в мобилизации сил на отпор врагу. Героические защитники города приковали к себе четыре пехотные дивизии, третью танковую, часть сил 10-й моторизованной дивизии СС «Дас Райх», полк «Великая Германия». Под стенами Могилева они понесли весьма чувствительные потери, что не могло не сказаться на общем темпе наступления нацистских орд. Недаром автор бессмертного романа «Живые и мертвые»

Константин Симонов, завещавший развеять свой прах над Буйничским полем, в своем военном дневнике отмечал: «Мне остается перешагнуть из июля в декабрь, из-под Могилева в бои под Москвой. Тем более что, по моему глубокому убеждению, сложившемуся тогда, к концу сорок первого года, начало будущего разгрома немцев под Москвой было положено именно в тех кровавых июльских боях».

Еще в конце июня 1941 года в городе был сформирован полк НКВД–НКГБ под командованием начальника Могилевской межкраевой школы оперсостава НКГБ майора госбезопасности Н. И. Калугина. Личный состав этого полка вместе с частями Красной Армии принимал активное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками в ходе героической обороны Могилева.

С началом войны, а именно 23 июня 1941 года, Николаем Ивановичем Калугиным в обком партии был направлен секретарь парткома школы А. И. Удальцов, который проинформировал руководство обкома КП(б) о решении собрания курсантов и преподавателей создать полк народного ополчения. В обкоме Удальцов встретился с первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым и командующим Западным фронтом Д. Г. Павловым. И уже 25 июня 1941 года весь личный состав школы был выведен за город, а на следующий день начал действовать в составе истребительных батальонов, ведущими борьбу с вражескими парашютистами. Совместными действиями чекистов и курсантов за время обороны города были выявлены свыше 180 диверсантов, шпионов и вражеских сигнальщиков, которых постигла заслуженная кара по законам военного времени.

12 июля штаб народного ополчения назначил Н. И. Калугина командиром полка народного ополчения города. В полк вошли оперативные работники НКВД–НКГБ, милиции и противовоздушной обороны города. Это формирование имело в своем составе три батальона. В 1-й батальон входили работники НКВД западных областей БССР и часть работников постоянного состава школы, 2-й батальон был создан из курсантов школы милиции. Все они были направлены на передовую линию обороны города. 3-й батальон состоял из работников местной противовоздушной обороны города и использовался для борьбы с вражескими диверсантами. Комиссаром полка стал начальник областного управления НКВД Я. И. Пилипенко, его заместитель А. П. Бачурин являлся помощником Калугина по хозяйственной части, а Исаев – начальником штаба полка.

15 июля из Москвы был получен приказ командиру 61-го корпуса, который гласил: «Бакунину. Приказ Верховного Главнокомандующего: Могилев сделать неприступной крепостью». Фактически руководивший обороной города командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов собрал совещание командиров частей и разъяснил им непростую задачу. Общее мнение было единодушным: город в любом случае не сдавать.

Однако силы стойко оборонявшихся в течение десяти дней воинов неуклонно таяли. А контрудар с востока уже не ожидалось. 25 июля командиром 172-й дивизии генералом М. Т. Романовым Н. И. Калугину и Я. И. Пилипенко была поставлена последняя боевая задача – прикрыть отход дивизии. И это задание чекистами было выполнено. Однако большинство из них пало в том неравном бою.

Отважно действовал в сложнейших условиях и капитан госбезопасности (по общеармейским стандартам – полковник) Василий Иванович Пудин. Еще в первых числах июля 1941 года группа из шести сотрудников НКГБ СССР во главе с Пудиным получила от Павла Судоплатова задание осесть в Могилеве для последующего ведения разведывательной работы. Когда 12 июля оперативная группа прибыла в город, то на его окраинах уже шли ожесточенные бои. Позже Василий Иванович Пудин вспоминал: «Окруженный немцами со всех сторон город горел. На улицы Могилева сыпались вражеские бомбы и снаряды. Атаки гитлеровской пехоты сменялись танковыми атаками, а потом вновь на защитников города ползли вражеские цепи».

В это время окруженный нацистами город лишился и связи с «Большой землей». В распоряжении отражавших круглосуточ-

Подбитый
немецкий танк.

В. И. Пудин.

Предвоенный снимок.

ные атаки гитлеровцев защитников Могилева оставалась лишь небольшая портативная радиостанция оперативной группы Пудина. Шестеро чекистов опергруппы во главе с Василием Ивановичем также плечом к плечу сражались в рядах защитников. Около полумесяца их радиостанция информировала Центр о трагедии, которая разыгралась у стен древнего города. И только когда сопротивление потеряло всякий стратегический смысл, и положение стало попросту безвыходным, защитники цитадели на Днепре пошли на последний прорыв.

Это произошло в ночь с 26 на 27 июля 1941 года. Оперативная группа Пудина также находилась в рядах бойцов, прорывавших вражеское кольцо. Потом планировалось разворачивать подпольную борьбу уже с территории Могилевского района...

И тут случилось непредвиденное. Взрывом снаряда Пудин был тяжело ранен, ему оторвало стопу ноги. Несколько часов, истекая кровью, пролежал он без сознания на поле боя, потом попытался уползти. В беде его не оставили, местная жительница Шура Ананьева с риском для своей жизни в течение нескольких дней ухаживала за ним. А когда началась гангрена, устроила в больницу, где Василию Ивановичу пришлось ампутировать ногу. Здесь, придя в себя, и сразу же уничтожив все, что могло бы свидетельствовать о его принадлежности к органам госбезопасности, он пролежал почти пять месяцев. Легенду, перешагивая сквозь невероятные физические муки, пришлось отработать заново, ведь все связи были утрачены. Так и стал он «мобилизованным шофером подмосковного леспромхоза Василием Ивановичем Поповым». Положение однако усугубилось тем, что на руках у нацистов оказался залитый кровью партбилет его «однофамильца» – генерала Василия Дмитриевича Попова. И эсэсовцам непременно хотелось «разоблачить» якобы скрывавшегося от них в больнице советского генерала...

Древний Могилев был оккупирован нацистами 27 июля 1941 года и вместе с областью включен в зону армейского тыла группы армий «Центр». Оккупанты сразу же показали себя в зверствах и устрашении местных жителей. Ведь немецкие коменданты обладали неограниченными полномочиями. В Могилеве дислоцировались многочисленные карательные органы нацистов. Это зондеркоманда СД-8, зондеркоманда СД 7-Б, команда тайной полевой полиции (ГФП) от группы ГФП 723. Кроме того на территории Могилевской области действовал 570-й отряд ГФП, позже переместившийся в Брестскую область. Отряд этот возглавлял комиссар полевой полиции Ридцель, его заместителем был Ганзен, следователем по особо важным делам Михоэлес. В подчинении 570-го отряда находилась еще и так называемая «Восточная рота», состоявшая из предателей и перебежчиков. Она «подкрепляла» местных полицейских и карателей. Для выявления агентуры партизан и связанных с ними патриотов тайная полиция насаждала свою агентуру среди гражданского населения. При ГФП имелись группы штатных агентов, а также небольшие воинские формирования из изменников Родины для карательных действий, проведения облав в населенных пунктах, охраны и конвоирования арестованных.

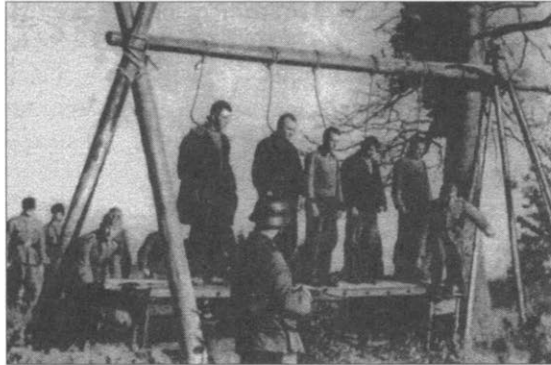
Отсутствие у могилевских подпольщиков опыта нередко вело к провалам. Уже 27 ноября 1941 года нацистами были схвачены организаторы подполья на железнодорожном узле Горбачев и Г. С. Матвеев. По доносу резидента нацистской контрразведки, изменника Родины Степанова в ноябре 1941 года была раскрыта подпольная группа во главе с В. П. Кузнецовым в военном госпитале, и 17 ноября все врачи-подпольщики, ранее участвовавшие в героической обороне Могилева, были публично повешены на городской площади.

В Могилеве, как и повсеместно, на оккупированной территории Беларуси, нацисты применяли массовый террор: виселицы и расстрелы, умерщвление в машинах-душегубках, садистские пытки. Десятки тысяч жителей города и окрестностей, военнопленных были зверски убиты нацистами, угнаны ими на каторжные работы в III рейх. Осенью 1941 года нацисты под командованием капитана Прибба удушили отработанным газом в машинах-душегубках около 1200 больных Могилевской психиатрической лечебницы. Всего же ими в районе Могилева было уничтожено более 100 000 человек. К моменту освобождения города в нем оставалось не более чем 10 000 жителей.

Надо сказать, что нацисты не обходили своим вниманием и Василия Ивановича Пудина. Они упорно продолжали искать

Патриоты,
повешенные
нацистами.
1941 г.

Массовая
казнь.
1942 г.

генерала Попова и неоднократно посещали палату, где он лежал, учиняя изнурительные, провокационные допросы. Но так ничего и не смогли добиться от разведчика. Он оказался крепким орешком. Своей новой легенды Василий Иванович держался твердо, и сбить его, несмотря на адскую боль и потерю иногда сознания, было невозможно. Этот «расово неполноценный и не блиставший интеллектом», круглолицый увальень-шоферюга, к тому же инвалид, сыпал байками и собирался неплохо, как он твердил, устроиться при «новом порядке».

Чисто по-человечески ощущения у него были самые пакудные. Тем более, что в «больнице» практически не кормили. Скромные передачи под видом родственницы изредка приносила все та же Шура Ананьева. Но Василий Иванович духом отнюдь не пал и, хотя потерял связь со своей группой, все равно продолжал искать надежных помощников среди белорусов для борьбы с врагом и выполнения своей основной задачи. И нашел. В районе около станции Могилев-1 ими стали бывшие железнодорожные служащие О. Н. Живописцева и Г. С. Трактатова. Пудин старался обучить этих мужественных женщин азам конспирации. Они же были и содержательницами явочных квартир могилевского подполья, поддерживали связь с подпольным Комитетом содействия Красной Армии. Позже группа Трактатовой участвовала в уничтожении склада с бензином на улице Первомайской.

Немного окрепнув, Василий Иванович решил заняться сапожным ремеслом, используя эту профессию для прикрытия своей разведывательной деятельности. К тому времени оккупанты «милостиво» разрешили ему жить под полицейским надзором в районном центре Краснополье, что под Могилевом. Там никому и в голову не могло прийти, что тихий, скромный инвалид-са-

пожник с помощью приютившего его местного учителя Михаила Волчкова смог установить надежную связь с партизанами, действовавшими за Днепром, а затем организовал разведывательно-диверсионную группу в составе 22 человек, которая совершала диверсии на могилевском железнодорожном узле. С августа 1942 года Василий Иванович поддерживал связь с активно действовавшим в окрестностях Могилева партизанским отрядом Османа Касаева и снабжал его разведывательной информацией.

В середине 1942 года разведчики Пудина обратили внимание на то, что в одном из уцелевших трехэтажных зданий бывшего медучилища появились гитлеровцы. Это здание незамедлительно стало усиленно охраняться, доступ в него для посторонних был закрыт. Пудин весьма заинтересовался этим «таинственным учреждением», которая для всех была лишь некой «офицерской школой». Однако вскоре чекисту П. А. Анисимову, оставленному для оперативной работы в тылу противника НКВД Белорусской ССР, через подпольщиков Бирюкова и Шарового удалось установить контакт с работавшим в этом учреждении бывшим военнопленным Валентином Готвальдом. Тот, убедившись, что имеет дело со своими, сообщил Анисимову, что в здании функционирует германская разведывательно-диверсионная школа, готовящая агентов и диверсантов для заброски в тыл Красной Армии и партизанские отряды. Это была весьма важная информация.

За неимением других возможностей Пудин принял решение с помощью Готвальда эту самую школу взорвать. Валентину Готвальду удалось проникнуть на склад, вынести оттуда несколько килограммов взрывчатки и заложить ее в специальный шкаф, которым пользовались начальник школы и его заместитель. Фугас он заложил так, что достаточно было лишь потянуть на себя дверцу, чтобы неизбежно произошло то, что и предполагалось. Когда ноябрьским морозным утром шеф школы вошел к себе в кабинет и открыл шкаф, последовал мощный взрыв. Здание рухнуло подобно картонному домику. Так одним «осиным гнездом» в Могилеве стало меньше, школа свою «деятельность» более не возобновляла. Гитлеровцы пытались напасть на след разведчиков, но все их усилия были тщетны. О каком-либо участии в этой операции Пудина, естественно, никто, кроме Анисимова, не знал, да и знать был не должен.

Тем не менее, действовали нацистские спецслужбы методично, активно и изобретательно. И им, в конечном итоге, удалось выйти на след многих могилевских подпольщиков. Но сил зондеркоманды СД-8 явно не хватало. Потому в июне 1942 года нацисты сформировали специальный орган для борьбы с под-

польем – управление государственной уголовно-розыскной полицией и СД во главе с изменниками Родины Лазаренко и Чернявским. А для выявления и ликвидации Комитета содействия Красной Армии была даже создана специальная группа. От СД в нее вошли некто Кульман, Елена Босс и следователь Костин.

Спустя некоторое время этой группой в числе других подпольщиков была схвачена и помощница Пудина О. Н. Живописцева вместе со своей 13-летней дочерью Диной и 65-летней матерью. Но никакие изощренные пытки не могли сломить эту отважную женщину. Ольга Николаевна Живописцева так никого и не выдала. Могилевский подпольщик П. С. Бирюков позднее вспоминал: «...Живописцева и ее семья были зверски расстреляны в застенках гестапо. Ольга Николаевна погибла как герой... как славная патриотка своей Родины». Эта смерть болью отозвалась в душе Василия Ивановича Пудина. Увы, трагические потери на этом не закончились. От руки предателя погиб Михаил Волчков. Чуть позже в Германию была угнана Шура Ананьева.

Но полная смертельного риска и опасностей борьба продолжалась. Лишь почти через полтора года В. И. Пудину удалось установить связь с Центром. Летом 1943 года с помощью радиостанции группы заброшенных в тыл врага с «Большой земли» десантников он передал в Москву первую весть о себе и своих товарищах, а также ценную разведывательную информацию. Вскоре Центр перебросил к нему связника. И разведывательно-боевая эффективность группы Пудина заметно повысилась. Все вроде бы для Пудина налажилось, но состояние раненой ноги Василия Ивановича ухудшалось, могла начаться гангрена. И по указанию Центра 17 июля 1943 года его самолетом перебросили в Москву, где Пудину была сделана сложнейшая операция. На этом его деятельность в тылу врага завершилась. За активную боевую деятельность в тылу врага Василий Иванович Пудин был награжден орденом Ленина.

За что боролись предатели рода белорусского...

Почти за три месяца до начала Великой Отечественной войны Адольф Гитлер в своей директиве от 30 марта 1941 года прямо указывал: «Эта борьба будет резко отличаться от борьбы на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего...

Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы консервировать противника».

Эта и подобные ей директивы фюреров рангом поменьше предопределили ту степень беды, которая обрушилась на нашу землю. Белорусскому народу, нашей республике предстояло исчезнуть. Уже в инструкции рейхсминистра А. Розенберга от 24 июня 1941 года цинично указывалось: «...Цель рейхскомиссариата Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии заключается в формировании здесь протектората, а затем в превращении этой территории в часть великогерманского рейха путем привлечения к сотрудничеству полноценных с расовой точки зрения элементов и мер по переселению...

...В любом случае Белоруссии придется взять на себя нелегкую задачу по приему вначале той части населения, которая будет переселена из Эстонии, Латвии и Литвы, и из польской части Вартского округа... Необходимо также разжигать неприязненное отношение белорусов к России...

В задачи немецкой полиции входит формирование надежной эстонской, латышской, литовской и белорусской полиции...».

Вот так-то. Нацистам нужна была «надежная белорусская полиция», которая бы помогала им ликвидировать живший на территории Беларуси народ. И пусть никого не вводят в заблуждение слова о «мерах по переселению». О том, каким было «переселение», красноречиво говорят почти семь сотен белорусских Хатыней, судьба многочисленных гетто, Тростенец и другие концентрационные лагеря. Вот для этих целей оккупанты и создавали «надежную полицию». И она им помогала. Потому теперь полным и подлым фарисейством звучат слова тех, кто пытается утверждать, что полицаи, получившие в народе несмываемое прозвище «бобики», а также члены других формирований, создававшихся оккупантами, якобы боролись за «белорусскую государственность». Сказано ведь было яснее ясного: речь шла о «превращении этой территории в часть великогерманского рейха». С этим к нам приходили нацисты, этому служили те, кто позарился на иудин паек. Напомним, что согласно плану «Ост» в Беларуси подлежало уничтожению 75 процентов «нежелательных в расовом отношении жителей». Какое уж тут «самостоятельное государство»?

Сама идея использования коллаборационизма в войне против Советского Союза у главарей нацистской Германии

Служащие минской
полиции порядка
(Орданунгсдинст).

начала реализовываться задолго до начала Великой Отечественной войны при активном пособничестве лидеров Белорусской Центральной Рады (БЦР). Именно тогда они привлекли к сотрудничеству Ф. Акинчица, В. Козловского, А. Калошу, Б. Букатко, Н. Щорса, Н. Шкеленка и других белорусских националистов. Вся их «светлая просветительская деятельность» началась под полным контролем германских спецслужб и персонал, заслуживших их доверие.

В годы второй мировой войны коллаборационизм во всей Европе стал синонимом предательства и пособничества гитлеровским оккупантам. Именно в странах Европы, захваченных Германией еще до ее нападения на СССР, этот термин начали применять для характеристики активного сотрудничества с пришельцами со свастикой. Спецслужбы III рейха использовали коллаборационизм при формировании своих «пятых колонн».

Наряду с прибывшими в лагерь оккупантов белорусскими националистами-эмигрантами, среди которых были Р. Островский, И. Ермаченко, В. Ивановский, А. Демидович-Демидецкий, В. Лазаревич и многие другие, нацистам удалось привлечь к «небескорыстному» сотрудничеству и многих других пособников из числа местных жителей. В целях наведения и укрепления «нового порядка» уже с 22 сентября 1941 года во всех округах Беларуси они создали так называемую Белорусскую самопомощь. Стараясь набирать все больше сторонников среди белорусского населения, она являлась верной опорой оккупационной администрации.

А весной 1942 года у гитлеровцев возникла идея создать и «Белорусский корпус самоохраны» («БКС»). Речь шла опять же об организации «пятой колонны», подчиненной войскам СС, для

Расстрелы заложников практиковались нацистскими оккупантами с первых дней войны.

борьбы с партизанским движением. Их главным рупором в этом деле стали все те же белорусские националисты И. Ермаченко, Р. Островский, Ф. Кушель и им подобные. В одном из июльских номеров «Беларуской газеты» было опубликовано «обращение» гауляйтера В. Кубе к председателю «Белорусской народной самопомощи» («БНС») Ермаченко, в котором тот призывал своего ставленника создать «Белорусский корпус самоохраны». В августе Ермаченко уже приступил к формированию «БКС», во главе которого нацисты поставили, как и следовало ожидать, его самого. Начальником штаба стал бывший полковник Войска Польского Святополк–Мирский (однофамилец представителей известного княжеского рода). Ф. Кушель, занявший скромную должность начальника канцелярии, фактически был одним из главарей этой «самаховы», правой рукой Ермаченко. Предполагалось, что будет создано десять батальонов – по одному в каждом из округов «Генерального округа «Вайсрутения». В Минске были даже организованы курсы по подготовке офицерского состава, на которых подвизались все те же Святополк–Мирский, Кушель и им подобные.

Однако нацисты просчитались. Белорусы не хотели и не шли в БКС, а когда их к этому принуждали, уходили в партизаны. В тех же случаях, когда оккупантам все же удавалось сколотить где-либо роту, многие «мобилизованные» бежали из БКС с оружием в руках и вливались в ряды сопротивления.

Безусловно, в срыве этой нацистской провокации важную роль сыграли подпольщики и партизаны, в том числе и чекисты, находившиеся в тылу врага. Они разъясняли населению опасность подобной затеи, призывали честных людей к борьбе и с оккупантами, и с теми, кто пошел к ним в услужение. В конечном

Поощрение «отличившихся».
Группенфюрер СС *К. Готтберг*
и *Н. Абрамова*.
На очереди шеф СБМ *М. Ганько*.
Минск, 1944 г.

итоге нацисты поняли свое поражение в этом деле и в апреле 1943 года издали приказ о роспуске корпуса «самаховы».

Но были попытки и другого рода. Чтобы привлечь на свою сторону молодежь, установить контроль над ней, гауляйтер В. Кубе в июне 1943 года инициирует создание под эгидой все тех же эмигрантов-коллаборационистов пронацистской организации «Союз Белорусской Молодежи» (СБМ) и разрешает существование других общественных организаций аналогичного характера среди интеллигенции. В этой связи и по форме, и по содержанию интересен сам документ вермахта о создании СБМ:

*«Командующий генерал охранных войск
и командующий в Центральном армейском районе
Отдел УП / Военное управление. 240,*

С е к р е т н о

Относительно: образования организаций молодежи.

Для того, чтобы избежать дальнейшего одичания молодежи, особенно ушедших из школ подростков, а также действий во враждебном немцам направлении, запрошено согласие Главного командования Центральной армейской группы на образование молодежных организаций. Эта организация под мест-

«Немецкий солдат охраняет и тебя». Плакат времен нацистской оккупации.

ным руководством и немецким контролем должна объединить молодежь и, проводя спортивные и культурно-массовые мероприятия, ... дать содержание ее жизни, и, в особенности, оказывать на молодежь систематическое влияние в нужном для немцев духе. Лица, выдвинутые в качестве руководителей местных молодежных организаций, предлагается вначале послать на несколько недель в Империю, чтобы показать им картину новой Германии... Преследуемая этим цель должна держаться в строгом секрете. Составление списков пока не требуется.

За командующего Начальник Генерального штаба генерал Хильшер».

Не секрет, что в ходе разведывательной и контрразведывательной работы за линией фронта органы госбезопасности, в частности, военной контрразведки, осуществляли целенаправленные усилия по выявлению, сбору, анализу и документированию фактов, предательской деятельности коллаборационистов на земле Беларуси. И многое зафиксировали. Так, в указании ГУКР «СМЕРШ» от 14.08.1944 года говорилось: «...На территории Белорусской ССР, освобожденной от противника, органы «СМЕРШ» 1, 2 и 3 Белорусских фронтов выявили созданную

Президент Белорусской Центральной Рады *Р. Островский*; командир белорусского эскадрона *Б. Рогуля*, *Ф. Кушель*, *Д. Космович* (слева–направо).

немцами фашистскую молодежную организацию, именованную «Союз белорусской молодежи» (СБМ)».

Следствием по делу, а также из содержания захваченных документов установлено, что СБМ был создан в Минске в июне 1943 года германским генеральным комиссаром Белоруссии Вильгельмом Кубе в целях объединения белорусской молодежи для борьбы с Советской властью.

Кубе осуществлял непосредственное руководство «Союзом белорусской молодежи» и для этого имел специальный аппарат, в который входили немцы: баннфюрер Шульц – руководитель отдела молодежи, Грогземан – руководительница отдела девушек СБМ, зондерфюрер Штильмарк – руководитель отдела сельского хозяйства, Нэбелинг – руководитель спорта, Рудольф – руководитель ремесленного дела, баннфюрер Кюмель и другие.

По заданию Кубе штаб СБМ возглавил белорусский националист Михаил Ганько – бывший учитель, прошедший специальную подготовку в Германии и проводивший директивы немцев по воспитанию белорусской молодежи в антисоветском духе (бежал с немцами).

Среди арестованных участников СБМ разоблачено несколько резидентов и агентов германской разведки, которые получили задание от немцев осесть на жительство в тылу Красной Армии и собирать шпионские сведения...

Ориентируя об изложенном, предлагаю:

1. Начальникам органов «СМЕРШ» фронтов и армий принять необходимые меры к выявлению и задержанию руководителей и активных участников «Союза белорусской молодежи» как в расположении фронтов, так и в действующих частях Красной Армии, которые, возможно, проникли туда в числе нового пополнения, мобилизованного на освобожденной территории Белоруссии.

«Иди на работу
в Германию».

Плакат времен
нацистской
оккупации
Беларуси.

Члены СБМ
маршируют перед
отправкой на
вспомогательную
службу в
германских
«Люфтваффе».

2. Следствие по делам задержанных активных участников «Союза белорусской молодежи» вести в направлении выявления их связей с военнослужащими Красной Армии и органами германской разведки и контрразведки, а также вскрытия их практической деятельности...

Руководитель областной оперативно-чекистской группы полковник Д. М. Армянинов еще 30 апреля 1944 года направлял начальникам особых отделов партизанских бригад следующую ориентировку: «Минская школа германской разведки, действуя под вывеской школы пропагандистов Союза Белорусской молодежи (СБМ), направила в Дзержинский, Ивенецкий, Кореличский и другие районы ряд своих агентов для разведывательной и диверсионной работы. Кроме того, 30 апреля из Минска должны выйти 12 человек шпионов, из них 3 мужчины, 9 женщин и с ними 2 ребенка, взятых из приюта, – мальчик двух-трех лет, девочка двух лет. Женщины имеют при себе медикаменты: йод, бинты, которые отравлены. Группы имеют задания вести диверсионную работу. Примите меры к их задержанию».

Но это была не последняя страница в деятельности коллаборационистов. Создавая «добровольческие» военизированные

Агитплакат СБМ,
отпечатанный
в германской
типографии
«Verlag für Jugend».

ные формирования, нацисты ставили цель, с одной стороны, привлечь их для выполнения полицейских и охранных функций, для борьбы с партизанами, чтобы можно было высвободить определенный контингент немецких войск для нужд фронта, а с другой – использовать их как орудие прямого давления на население, что способствовало бы его склонению на сторону немцев. Оккупанты стремились разжечь в Беларуси братоубийственную войну. Одним из звеньев такого развития событий должна была стать и Белорусская Краевая Оборона. В частности, в приказе сменившего Кубе гауляйтера «Вайсрутении» фон Готтберга от 23 февраля 1944 года о формировании БКО недвусмысленно указывалось: «...По предложению президента БЦР от 18 февраля 1944 г. приказываю создать Белорусскую Краевую Оборону для борьбы против большевизма...». Соответствующий приказ самого «президента» Р. Островского от 6 марта 1944 года предписывал: «Призвать одновременно на службу в Белорусскую Краевую Оборону всех мужчин, родившихся в годах 1908, 1909, 1910, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1921, 1922, 1923 и 1924, назначив призыв на 10 марта 1944 года...». Началь-

ником главного управления БКО стал все тот же майор Франц Кушель. Ведь наиболее безнравственные по отношению к народу Беларуси дела оккупанты поручали самым верным своим псам. Окружные подразделения возглавили начальники отделов, волостей: офицеры БКО капитан М. Пугачев, старший лейтенант Г. Зыбайло, старший лейтенант Б. Рогуля, капитан С. Шнек, лейтенант В. Русак, старший лейтенант И. Докиневич, лейтенант Я. Бабич. В создании батальонов БКО принимали активное участие и Белорусская самопомощь, и Союз Белорусской Молодежи, и другие общественные организации коллаборационистов, созданные при нацистах.

В ходе освобождения Беларуси от нацистских оккупантов значительная часть активных коллаборационистов бежала вместе с германскими частями в западном направлении. Туда же направила свои стопы и БЦР во главе с Р. Островским. Получая свой «паек» уже на территории III рейха, она прилагала судорожные усилия по организации нового «национального войска» для вооруженной борьбы против частей Красной Армии и войск армий государств антигитлеровской коалиции на заключительном этапе второй мировой войны. Р. Островский даже обращался к мировому сообществу с «протестом» в связи с освобождением Беларуси Красной Армией: «...БЦР рассматривает этот акт большевистской Москвы, как циничное нарушение международного права... БЦР призывает весь белорусский народ как на оккупированной территории, так и за ее границами сплотиться для наискорейшего освобождения нашей родины!». Не помогло. Белорусский народ сплотился в борьбе против нацистов и таких, как Р. Островский.

На завершающем этапе войны многие члены белорусских коллаборационистских, националистических организаций и партий стали активно привлекаться спецслужбами Германии к организации шпионско-диверсионной борьбы в тылу Красной Армии на территории Беларуси. И для этого были организованы Дальвицкая разведывательно-диверсионная школа в Восточной Пруссии, а также школа СБМ «Мальта» в Австрии. Руководство БЦР стремилось использовать «выпускников» Дальвицкой и «Мальтийской» школ в создании антисоветских подпольных структур и вооруженных повстанческих формирований, которые прикрывались разлагольствованиями БЦР о белорусском независимом государстве. Спецслужбами III рейха продолжалась активная заброска диверсионно-разведывательных групп, состоявших из белорусских национа-

Пропагандистская
акция «Гитлер-
освободитель».
Минск. 1942 г.

Разрушенный
нацистами Минск.
Миссия «Гитлера-
освободителя»
выполнена.

листов, замаравших себя кровью соотечественников. Особо стоит рассказать о ликвидации крупной десантной группы белорусских националистов, брошенной гитлеровским командованием на территорию нашей республики в ноябре 1944 года. В состав этой группы, равно как и других, ей подобных, входили бежавшие с отступавшими германскими войсками активные пособники оккупантов, прошедшие специальную подготовку в Дальвицкой разведывательно-диверсионной школе Абвера. Группа состояла из 28 агентов-диверсантов и шпионов, которую возглавлял активный белорусский нацист, бывший польский офицер, а затем один из начальников гитлеровских карательных отрядов майор Михаил Витушко. На полевом аэродроме близ Данцига диверсантов и шпионов провожали майор Абвера Герулис и два экипированных в форму БКО офицера – В. Родько и Б. Рогуля. Выброска воздушного

Площадь Свободы
(Адольф Гитлер
платц) в Минске.
Парад Белорусской
краевой обороны
25 марта 1944 г.
Минск был
освобожден от
оккупантов 3 июля
1944 г.

Группенфюрер СС
К. Готтберг
в сопровождении
коллаборационистов
В. Родько
и *М. Ганько*
по-хозяйски
осматривает строй
активистов СБМ.

десанта предполагалась в Налибокской пуще, однако он был выброшен в виде разрозненных групп в приграничье Беларуси и Литвы. Собраться потом вместе «бравым хлопцам» из «третьего рейха» так и не удалось. Все они были выловлены в ходе чекистско-войсковых операций органами НКГБ БССР и «СМЕРШ». Дольше всех удалось скрываться пятерым диверсантам во главе с М. Витушко, которые совместно с отрядами польской Армии Краевой занимались грабежами и убийствами. Точка была поставлена в январе 1945 года, когда «Михася» настигла пуля чекистов.

Уже в XXI веке у этого «дела» появилась другая, периодически навязываемая извне подоплека. Оказывается, что все эти «бравые хлопцы» из III рейха были «борцами антисоветского сопротивления»: и неважно под нацистским или же сменившим ее после Великой Отечественной войны флагом американских

М. Витушко.

Функционеры БКО.
Справа – *Б. Роголя*,
слева – *М. Ганько*.

спецслужб. В результате появился такой вот «Белорусский Резистанс» (сопротивление), которому нередко дается вполне художественное «обоснование»: «Начало 50-х годов минувшего столетия для многих жителей белорусских деревень отмечено ожиданием новой войны за свободу от символики СССР. Поэтому сдавать оружие, подобранное на местах бывших боев, никто не спешил: верили, что пригодится, когда появятся новые командиры. И они появились...».

Справедливости ради, следует сказать, что в ожидании новой войны, на этот раз между США с их союзниками и СССР, жили разве что бойцы польской АК. Но парашютисты действительно появлялись. А происходило это в ходе долговременной тайной операции ЦРУ США «Редсокс» («Красные носки»). Столь «благозвучное» наименование она обрела в рамках реа-

лизации так называемой «стратегии прямых действий» США, предусматривавшей массовую заброску на территорию СССР и, в частности, Беларуси, воздушным и иным путем нелегальных агентурных групп из числа белорусов-эмигрантов и «перемещенных лиц». Им предписывалось вести шпионаж и направлять усилия на организацию желаемых «активных действий». Увы, как ни прискорбно для «парашютированных», но в течение почти девяти лет им пришлось выполнять указания спецслужб СССР и Белорусской ССР, поскольку те уже были осведомлены об американском «гнезде», готовившем таких «птенцов» на территории ФРГ – в Бад-Верисхофене и Кауфбайерне. Им руководил бывший абверовский боевик, послевоенный платный агент ЦРУ и одновременно «пламенный белорусский патриот» да еще и «доктор» Б. Рогуля. Так что к середине 50-х годов «всебелорусского народного восстания» под «предводительством» упокоившегося в могиле еще в январе 1945 года абверовского агента и «будущего фюрера Беларуси» Михася Витушко, не получилось. Проплаченную американскими налогоплательщиками операцию «Редсокс» ЦРУ пришлось срочно свернуть. Ее сменила на сей раз «стратегия непрямых действий», воздействие которой Беларусь испытывает и по настоящее время.

А тогда неотвратимо приближалось крушение «третьего рейха». Белорусские предатели стали лихорадочно искать «легальную» дорогу на Запад и новых хозяев. Эсэсовская бригада «Беларусь» в конце апреля 1945 года сдалась в плен к американцам около Регенсбурга. Американцы «простили» входивших в нее вояк. Большинство из тех эсэсовцев – за исключением наиболее одиозных фигур – благополучно легализовалось потом на Западе, уйдя в мир иной вполне естественным путем.

И все же нельзя обойти тот факт, что многие белорусские коллаборационисты стали объектом пристального внимания спецслужб США и Великобритании. Под угрозой передачи советскому военному командованию и разоблачения их кровавого прошлого многие из бывших членов БНС, БКО, СБМ вербовались ими и перебрасывались в Беларусь под видом репатриантов. В связи с этим в ходе освобождения Беларуси и после него УКР «СМЕРШ» фронтов, НКГБ БССР стали вплотную заниматься розыском и обезвреживанием сотрудников немецких спецслужб и их агентов, пресечением попыток совершать диверсионные акты, инспирировать бандитско-повстанческие выступления. Не ослабевало также внимание к розыску и задержанию военных преступников, немецких пособников, рас-

следованию их злодеяний по горячим следам и другим вопросам. В докладной записке только ОКР «СМЕРШ» 11-й гвардейской армии в УКР «СМЕРШ» 3 Белорусского фронта об итогах работы в период с 23 июня по 1 сентября 1944 года отмечалось: «В результате проведения розыскных мероприятий по войскам армии и окружению задержано и разоблачено 11 агентов немецкой военной разведки, нами арестованных...

Из числа разоблаченной агентуры 6 человек окончили специальные разведывательные школы, остальные были завербованы и подготовлены непосредственно в гитлеровских разведорганах.

...ОКР «СМЕРШ» в результате проведения оперативных мероприятий среди призванного пополнения из освобожденных районов Белоруссии в частях армии и окружения выявлено, разоблачено и арестовано 57 агентов контрразведывательных органов противника, из них 5 являлось резидентами...

...Вскрыты следующие националистические формирования, активно сотрудничавшие с оккупантами: СБМ – «Союз белорусской молодежи» – арестовано 5 человек; БКО – «Белорусская краевая оборона» – арестовано 10 человек (Логойская группа).

...Из общего количества арестованных разоблачено 86 активных предателей и пособников немецко-фашистских войск. В числе разоблаченных: 4 бургомистра, 6 старост, 8 руководящих работников полиции, 39 полицейских, 25 изменников Родины и др.

ОКР «СМЕРШ» в июле с. г. были добыты материалы о том, что в частях 11-й дивизии в числе прибывшего пополнения находится ряд лиц, в прошлом служивших в Логойской полиции и батальоне «краевой обороны», проводивших активную предательскую деятельность.

Материалами следствия было установлено, что в г. Логойске из числа предателей, ныне арестованным Каптуром по личному инструктажу и указанию председателя «БЦР» Островского был сформирован батальон так называемой «краевой обороны» в составе 200 человек. Все они являлись прямыми исполнителями приказов немецких властей, учиняли расправы и издевательства над мирным населением, сжигали населенные пункты, в массовом порядке расстреливали ни в чем не повинных граждан, вели борьбу с партизанами.

...Признавая предательскую деятельность, арестованный Петровский на следствии заявил, что полицейскими и служащими батальона «краевой обороны» в г. Логойске и районе было расстреляно около 1000 евреев и сожжено несколько деревень...».

Одна эта выдержка перечеркивает все попытки представить тактику белорусских коллаборационистов таким образом, словно они сотрудничали с нацистскими оккупантами только с целью защиты населения Беларуси и сохранения ее культурного наследия. Но есть и более основательные исследования, в том числе проведенные за рубежом. Американский юрист Дж. Лофтус, детально изучив в Министерстве юстиции США досье на Р. Островского, И. Ермаченко, С. Станкевича, Э. Ясюка и других деятелей Белорусской Центральной Рады, пришел к выводу: «Эти коллаборационисты были весьма лояльны к немецкой политике. И хотя только немногие из них лично убивали, все они несут прямую ответственность за злодеяния в Белоруссии. Они были основными организаторами нацистской разведывательной сети, главным орудием трехлетнего угнетения Белоруссии. Если бы не было этих нескольких сот человек, возможно, и не нашлось бы проводников для мобильных батальонов смерти, не нашлось бы добровольцев, которые помогали уничтожать евреев...».

Так что не стоит уже в XXI веке вновь пытаться начать переписывать историю предательства. Верные слуги нацистских оккупантов типа витушек, родько, кушелей, козловских, акинчицев, рогулей, ермаченок, езовитовых, островских, сажичей и прочих были именно предателями и палачами белорусского народа, и лик «светлых патриотов» им никак не подходит. Не заслужили!

«Последний привет» для Ханзена

...Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1974 года: «За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися города Минска в борьбе против гитлеровских оккупантов, большую роль в развертывании всенародного партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны... присвоить городу Минску почетное звание «ГОРОД – ГЕРОЙ»».

Подвергнутая варварским бомбардировкам «Люфтваффе», сопротивлявшаяся врагу силами Западного фронта, столица Беларуси была занята гитлеровцами 28 июня 1941 года. Но уже с первых недель оккупации не стало им покоя в истерзанном и разрушенном городе. В наше время кое-кто позволяет себе заявлять о некой «неадекватности» сопротивления народа

На улицах разрушенного
нацистскими оккупантами
Минска.

нацистскому режиму. Словно он знает меру той адекватности. И уж совсем кощунственно звучат утверждения о «расцвете белорусскости» в оккупированном Минске. В том самом Минске, в котором пропитание давалось лишь благодаря натуральному обмену и самой минимальной для выживания «недочеловеков-славян» нормой «довольствия», в котором было уничтоженное в ходе «цивилизаторской миссии на востоке» еврейское гетто, лагеря смерти для военнопленных и местных жителей, тюрьмы СД и тайной полевой полиции, в котором привычными стали облавы, виселицы, публичные казни и массовые расстрелы, «аусвайсы», ежедневный учет перемещений минчан. Для большинства наших земляков каждый начинавшийся день мог стать последним.

Из разведсводки оперативно-чекистской группы НКВД по БССР от 1 июля 1942 года «О зверствах немцев над мирным населением города Минска»: «Осенью 1941 года, немцы в течение одного дня повесили до 50 человек под предлогом их принадлежности к партизанам. Разведчик лично видел, как четыре тройки было повешено: в большом сквере около театра БССР, около управы, что расположена по ул. Карла Маркса, на улице Ворошилова у дрожжевого завода и на Комаровке.

В каждой тройке повешенных было по два мужчины и одной женщине. На шее у каждого повешенного висели доски с надписью: «Мы партизаны, стрелявшие по германским солдатам».

В годы оккупации нацисты проводили казни возле Минского Дома офицеров.

В гетто, которое было расположено по улицам: Немига, Немигский переулок, Витебская, Островская, квартал Республиканской и другие, производили зверские издевательства над евреями: загоняли их в сараи, которые поджигали. Всех пытавшихся убежать из горящего сарая расстреливали из автоматов. Всех евреев, размещавшихся в гетто по ул. Немига и Витебской расстреляли на 100 процентов, количество погибших семей определить невозможно, но эти улицы были полностью заселены евреями по три-четыре семьи в комнате. Особенно большой еврейский погром был совершен в день Октябрьской революции 7 ноября 1941 года. Перед праздником немцы вывесили приказ о том, чтобы никто из русских не прятал в своих квартирах евреев, в противном случае будут уничтожены все хозяева квартир и сами квартиры, где будут обнаружены укрывшиеся евреи.

По городу распространился слух, что немцы решили «поздравить евреев с праздником», перед этим за городом заготовили большие ямы, а с утра 7 ноября и до вечера на грузовых автомашинах к ямам подвозили еврейские семьи. Женщины кричали: «Зачем вы нас убиваете, что мы вам сделали плохого,

Со спокойствием профессиональных убийц нацисты расстреливали мирных жителей Беларуси.

пожалейте детей!». Фашисты не обращая внимания, раздевали всех, стаскивали с машин, сопротивлявшихся били прикладами, детей насаживали на штыки и бросали с машины. Дети кричали, и с таким общим криком машины шли по всей улице к ямам, там всех выстраивали вокруг ямы и расстреливали из пулеметов. Детей, пытавшихся бежать, накалывали на штыки и бросали еще живыми в ямы.

В течение дня 7 ноября фашисты вывезли все семьи, помещавшиеся по улицам: Немига, Немигский переулок, Витебская, Островского, квартал Республиканской, квартал Хлебной и другие. Все эти улицы приспособлялись под гетто и были полностью заселены только евреями.

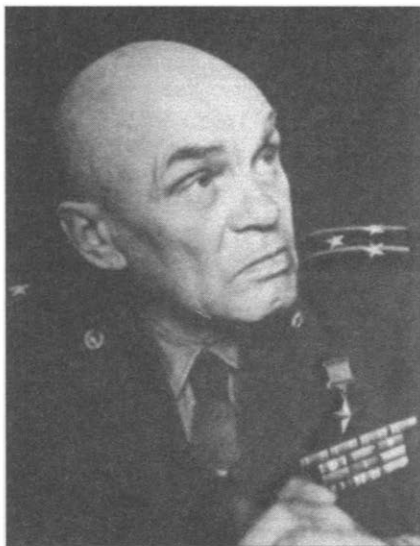
В данное время в городе Минске находится большое количество евреев свезенных из города Гамбурга, Западной Белоруссии и Минской области...».

Таков был «новый порядок», унесший в Минске и его окрестностях почти 400 000 жизней. Неужели все это требовалось для «расцвета белорусскости» и утверждения «белорусской государственности», как кое-кто все же пытается лепетать? Разве можно оставить без внимания то, что большинство населения не приняло такого «расцвета» и активно сопротивлялось ему?

Целый ряд событий, акций постоянно сопротивления захватчикам, происходивших в оккупированном нацистами Минске, был непосредственно связан с оперативно-боевой деятельнос-

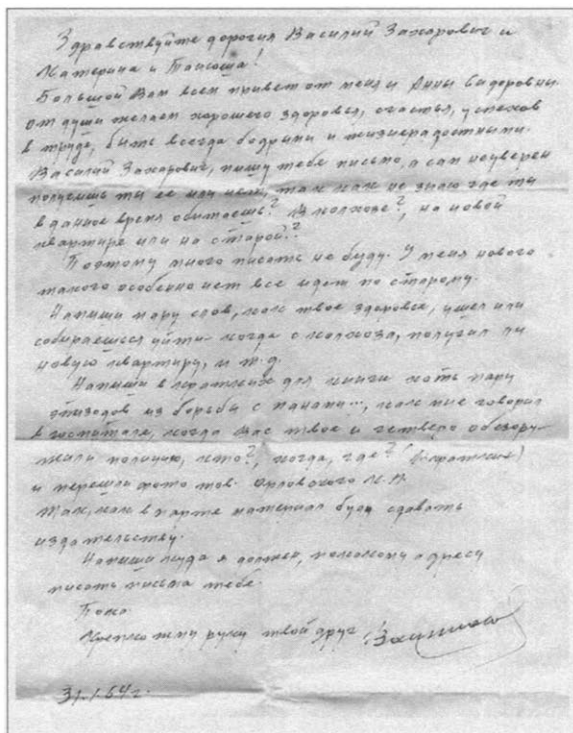
тью легендарного разведчика, партизана С. А. Ваупшасова.

СПРАВКА: *Станислав Алексеевич Ваупшасов в 1918 году вступил в Красную Армию. Совместно с К. Орловским, А. Рабцевичем, В. Коржом в 1921–25-м годах участвовал в партизанском движении на территории Западной Беларуси. С 1930 года – в органах госбезопасности. В 1931–1936 годах занимался подготовкой партизанского спецрезерва по линии Спецбюро НКВД Белорусской ССР, которая в 1937 году руководством СССР была полностью свернута. Затем находился в заграничных командировках в Испании и ряде западноевропейских государств. В 1941 году в составе ОМСБОН НКВД участвовал в битве за Москву. С марта 1942 по июль 1944 года – бессменный командир специального отряда «Местные» 4-го управления НКГБ СССР, действовавшего в Минске и Минской области. Псевдоним «Градов».*

Герой Советского Союза
полковник С. А. Ваупшасов.
Москва, 1970-е гг.

Уже после войны, говоря о подготовке партизанского спецрезерва и его предвоенной ликвидации, Станислав Ваупшасов с величайшим сожалением отмечал: «...Партизанское движение Белоруссии смогло бы быстрее пройти стадию организации, оснащения, накопления опыта и уже в первый год войны приобрести тот могучий размах, который оно имело в 1943–1944 годах». Конечно же, думать о том, что по мановению некой волшебной палочки люди мирных профессий с началом войны вдруг станут опытными конспираторами, разведчиками, контрразведчиками, диверсантами и знатоками партизанской боевой тактики, по меньшей мере, наивно. Это прошедшему соответствующую школу жизни Ваупшасову удалось в короткое время создать 16 партизанских отрядов из местных активистов, многому обучить их и передать затем в подчинение БШПД. Но и ему, к сожалению, не сразу удалось наладить связи со структурами, инициативно создававшимися в белорусской столице с середины декабря 1941 го-

Письмо
 С. А. Ваушасова
 В. З. Коржу
 от 31 января 1964 года,
 в котором он просит
 уточнить ряд эпизодов
 партизанских
 действий
 в Западной Беларуси
 для своей книги
 «На тревожных
 перекрестках».

да минским патриотическим и партийным подпольем во главе с И. Казинцом, Военным советом партизанского движения. О них в Центре и ЦК КП(б) Белоруссии поначалу даже не знали.

Из информационного сообщения «Градова» в Центр: «...В Минске располагается: штаб карательного корпуса СС, управление войск СД, армейские и авиационные соединения, много госпиталей. В сохранившихся крупных зданиях размещаются генеральный комиссариат Белоруссии во главе с гауляйтером В. Кубе, опирающийся на чудовищно большой аппарат гестапо, СД и полиции. Отделы последней размещены в бывшем доме Верховного суда БССР. Полиция проводит массовые обыски, грабит население.

Рабочий день на предприятиях – 10 часов. Рабочие получают 100 гр. хлеба низкого качества. Основная масса населения голодает. На почве голода зимой свирепствовал тиф. На окраинах города полиция ежедневно устраивала облавы на молодежь мужского пола, задержанных отправляют в Германию. Для жителей от 15 до 35 лет введено обязательное донорство. Передвижение по улицам разрешается в строго

ANORDNUNG
über Sperrstunden

Mit Zustimmung des Reichskommissars für das Ostland setze ich die Sperrzeit im Generalbezirk Weissruthenien in den Städten auf die Zeit vom Dunkelwerden bis zum Hellwerden fest.

Zivilpersonen, die während der Sperrzeit ohne zwingende Gründe auf der Straße betroffen werden, werden sofort standgerichtllich erschossen.

Für die Besucher von Theatern und sonstigen kulturellen Veranstaltungen ergeht eine Sonderregelung.

Diese Anordnung tritt am 1. November 1941 in Kraft.

Minsk, den 20. Oktober 1941.

Der Generalkommissar für Weissruthenien
WILHELM KUBE

РАСПАРАДЖЭНЬНЕ
аб аграінічэньні хаджэньня
вячэрняю парю

Са згодай Дзяржаўнага Камісара Усходняга Абшару пастаўляю аграінічыць час хаджэньня ў гарадах Генэральнай Акругі Беларусі ад сьвятленьня да разьдзьмьня.

Асобы цывільныя, якія ў аграінічаным часе без уважлівай прычыны будуць спатканыя на вуліцы, будуць зарыз-жа на месцы расстрэляны.

Для адведваючых тэатр і іншыя культурныя ўстановы выйдзе асобнае распараджэньне.

Гэта распараджэньне ўваходзіць у сілу ад 1 лістапада 1941 г.

Мінск, 20 кастрычніка 1941 г.

Генэральны Камісар Беларусі
ВІЛЬГЭЛЬМ КУБЭ

ROZPORZĄDZENIE
o ograniczeniu ruchu cywilnego
w czasie od początku zmierzchu
do świtania

Za zgodą Komisarza Rzeczypospolitej Zarządzam ograniczenie czasu chodzenia po miastach Generalnego Okręgu Białorusi od zmierzchu do świtania.

Osoby cywilne, które w zabronionym czasie spotka się chodzące bez powodu na ulicy, będą natychmiast dowożonym sądem rozstrzelane.

Dla odwiedzających teatr i inne kulturalne imprezy wydane zostanie odrębne uregulowanie.

Rozporządzenie wchodzi w życie z dniem 1 listopada 1941 r.

Minsk, 20 października 1941 r.

Generalny Komisarz Białorusi
WILHELM KUBE

РАСПОРЯЖЕНИЕ
об ограниченном хождении
вечерней порой

С согласием Государственного Комиссара Восточной Территории постановляю: Ограничить время хождения в городах Генерального Округа Белоруссии от вечерних сумерек до рассвета.

Лица гражданские, которые в ограниченное время без уважительной причины будут встречены на улице, будут сейчас же Военным Судом расстреляны.

Для посещающих театр и другие культурные учреждения выйдет особый приказ.

Это распоряжение вступает в силу с 1-го ноября 1941 г.

Минск, 20 октября 1941 г.

Генеральный Комиссар Белоруссии
ВИЛЬГЕЛЬМ КУБЕ

Распоряжение
гауляйтера
«Вайсрутении»
В. Кубе. 1941 г.

установленное время по специальным пропускам... За неявку на регистрацию в гестапо – расстрел, за нежелание работать на немцев – расстрел. За появление на улице с наступлением темноты – расстрел».

Когда смотришь на немецкую карту оккупированного Минска, то видишь, что она буквально испещрена точками дислокации спецслужб и карательных органов нацистов. Город, как пирог, был нашпигован структурами ГФП (тайная полевая полиция – аналог гестапо), СД, Абвера и созданными ими разведывательно-диверсионными школами под прикрытием Белорусской краевой обороны, местных полицаяв. Тут же – коллабо-

рационалистские организации. Вся эта «рать» обеспечивала «новый порядок», осуществлявшийся в соответствии с директивой «Об особой подсудности в районе “Барбаросса”».

О спецотряде Ваупшасова «Местные» чаще всего воспроизводится хрестоматийная информация о том, что его личным составом и связными за 28 месяцев войны было подорвано 187 эшелонов врага с живой силой, техникой и боеприпасами, уничтожено свыше 14000 немецких солдат и офицеров, совершено 57 крупных диверсий, из них 42 непосредственно в Минске. В их числе – взрыв столовой СД. И это действительно так. Но не все. Если задаться вопросом, почему была взорвана эта столовая, то следы приведут к организации покушения на гауляйтера «Вайсрутении», палача белорусского народа Вильгельма Кубе. Общеизвестно, что эту акцию возмездия совершила Елена Мазаник при содействии командира отряда Разведуправления ГШ РККА «Димы» – Н. П. Федорова. Однако задание на уничтожение В. Кубе («Кабана») получали и другие, действовавшие с партизанских баз разведгруппы ЦШПД, БШПД, РУ ГШ РККА, НКВД СССР, которые вели постоянную разведку, опираясь на белорусских патриотов. В их числе были и спецотряды С. Ваупшасова, а также его друга К. Орловского.

Против них, в целом против советской разведки, партизанского движения, и партийного подполья в оккупированном Минске под «крышей» службы связи Главного командования вермахта действовал весьма коварный по формам и методам подрывной работы контрразведывательный орган «Абвернебенштелле (АНСТ) – Минск». Он комфортно располагался в здании бывшей партшколы КП(б)Б на улице К. Маркса, 31, имел явочные квартиры на улицах Берсона, Комсомольской, Островского, на площади Свободы. Вначале его возглавлял весьма результативно действовавший подполковник Абвера Вильгельм Крибитц. Именно на счету абверовского «АНСТ – Минск» – двойной разгром Минского партийного подполья весной и осенью 1942 года, в результате которого погибло несколько сот минских патриотов-подпольщиков, а также выявление готовившегося восстания военнопленных в концлагере по улице Широкой в Минске.

С бурной деятельностью абверовского «АНСТ – Минск» непосредственно связана судьба его сотрудника Аксея Ханзена. Должность переводчика полевой комендатуры и учреждения связи верховного главнокомандования вермахта служила ему неплохим прикрытием при осуществлении сбора и передачи через агентов этого абверовского органа сведений о действиях подпольных антифашистских организаций, разведывательных

Майор *Крибитц*,
начальник
Абвернебенштелле –
Минск.

*Аксель
Христенсен-Ханзен.*

Б. М. Рудзянко.

групп, забрасывавшихся на оккупированную территорию. Ханзен лично вербовал агентов из числа советских граждан, решивших изменить Родине. Таковых нашлось шестнадцать. По их вине немало разведчиков, подпольщиков, партизан бесследно сгинуло в застенках СД и ГФП.

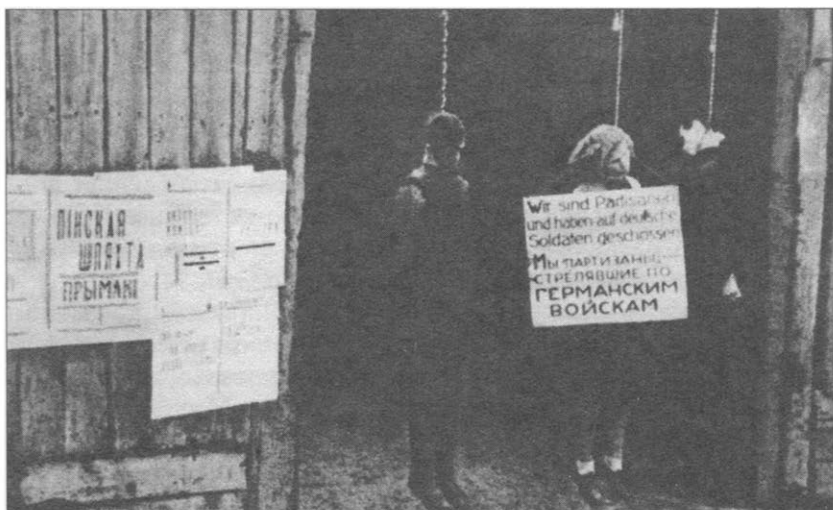
Одним из «достижений» в карьере Ханзена в оккупированном Минске была работа с печально известным предателем – агентом Абвера – Борисом Рудзянко, бывшим шифровальщиком одного из соединений РККА, попавшим в концлагерь в Минске. Здесь его и других военнопленных выхаживала медсестра Ольга Щербацевич, которой помогал ее 14-летний сын Володя. Потом сын вместе с Рудзянко был отправлен Ольгой в лес, к партизанам, однако карателям удалось их схватить. Вот тогда бывший шифровальщик и сделал свой «окончательный выбор», предав всех, кого знал.

Бориса Рудзянко вербовал в тюрьме сотрудник «АНСТ – Минск» фон Якоби – белоэмигрант, служивший нацистам не за страх, а на совесть. Вновь испеченного агента на первой явке принимал на четвертом этаже Минского Дома офицеров – тогда «Зольдате́нхайма» – сам Крибитц. Он подробно обрисовал ему задачи, провел инструктаж по правилам конспирации, психологии, схеме изложения информации. Встреча длилась часа два. В конце нее Рудзянко услышал:

– Ну, а сейчас познакомьтесь, герр Борис, – выговорить по-немецки слово «Рудзянко» Крибитц был попросту не в состоянии, – это ваш руководитель Аксель Енсен, с ним и будете работать. Так необходимо для нашего дела.

Первые жертвы минского подполья, казненные нацистскими оккупантами по доносу предателя *Б. Рудзянко*. Минск. 26 октября 1941 г. На верхнем снимке справа – *В. Щербацевич* перед казнью.

Об этом спустя почти два десятилетия было рассказано в обвинительном заключении по уголовному делу Акселя Христенсена–Ханзена: «...В декабре 1941 года начальник “Абвернебенштелле – Минск” Крибитц, при участии в качестве переводчика Христензена–Ханзена дал указание агенту Рудзянко временно перейти в распоряжение оберфельдкомендатуры для выявления в лазарете военнопленных РККА подпольной патриотической организации.

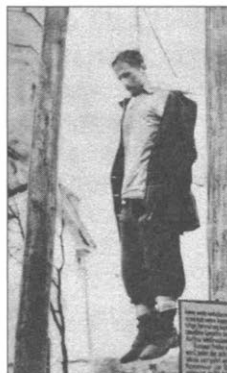
Будучи внедренным Абвером в лазарет, Рудзянко смог раскрыть весь состав этой организации. Получив данные о существовании патриотической организации в лазарете, гитлеровцы жестоко расправились с советскими патриотами – сотни военнопленных были арестованы, многие из них казнены».

Да, 18 января 1942 года с целью устрашения на улицах Советской и Пушкинской нацистами были зверски уничтожены более тысячи советских военнопленных. Их тела устилали главную магистраль Минска в течение нескольких дней. Но эти репрессии не сломили дух подпольщиков и поначалу не привели к существенным провалам. Однако навыков конспирации, опыта им, к сожалению, не хватало. А в это время Аксель Ханзен (он же – Енсен), встречаясь на конспиративных квартирах Абвера с Рудзянко, получил от него первые данные о существовании в Минске подпольного городского комитета партии и его типографии. Агенту была поставлена задача: проникнуть в организацию, ее руководящее ядро. И «верный Борис» не подкачал. Да и удача сама неслась к нему в руки. Знакомый еще по лазарету Бурцев свел его с членом подпольного горкома К. Хмелевским, который вопреки всем элементарным канонам конспирации поселился у Рудзянко. «Верный Борис», втираясь в доверие, по указанию Ханзена передал партизанам 10 советских винтовок с патронами. Кроме того, при содействии Абвера он организовал производство и продажу на рынке сахара, что якобы тоже было «материальной помощью» подполью. А уже в марте 1942 года в Минске были арестованы 404 подпольщика, из которых 28 повешено и 250 расстреляно.

Но этим дело не кончилось. Нацистская операция против советских разведывательно-диверсионных групп на железной дороге привела к гибели еще 126 человек. «Бюрократический зуд и беспечность», как пророчески говорил один из руководителей минских подпольщиков Исая Казинец, привели к массовому провалу. Виселицы стояли тогда в Центральном сквере, в районах Комаровского, Червенского и Суражского рынков. В большую виселицу были превращены и балконы гостиницы «Беларусь» на улице Кирова – ныне отель «Кроун-Плаза Минск».

В сентябре–октябре 1942 года оккупанты вновь произвели массовые аресты подпольщиков, в том числе членов Минского подпольного городского комитета КП(б)Б и секретарей городских райкомов: К. И. Хмелевского, Н. К. Корженевского, О. И. Курильчика, А. Л. Котикова, И. К. Ковалева, В. К. Никифорова, Д. А. Короткевича, И. К. Кабушкина и других. Арестованные подвергались зверским пыткам и издевательствам, многие из них были расстреляны и повешены. Была также разгромлена типография Минского комитета КП(б)Б. После этого удара минский горком в самом городе уже не восстанавливался, а действовал с баз партизанских отрядов.

Жертвы
нацистской
политики
массового террора
и устрашения.
Минск. 1942 год.

Патриот, казненный
нацистами в Минске
на площади Свободы
(Адольф Гитлер платц).
1942 год.

Подпольщики,
казненные
нацистами
в 1942 г.
возле
Дома офицеров
в Минске.

Радиограмма командира Минского партизанского соединения В. И. Козлова в адрес ГРУ ГШ РККА за № 30249 от 28. 10. 1942 года для П. К. Пономаренко гласила: «По данным Варвашени и наших осведомителей в Минске на 15. 10. 1942 г. арестован комитет и коммунисты общим числом в 272 человека. Член комитета, редактор “Звезды”, пришла к Варвашене. Комитет работу прекратил... Арестован секретарь Сталинского ПК Герасименко – Ватик, его помощник по агитации и многие другие... Предатель (Невский) – Ковалев...». Клеймо предателя было снято с И. К. Ковалева лишь спустя 40 лет после окончания войны.

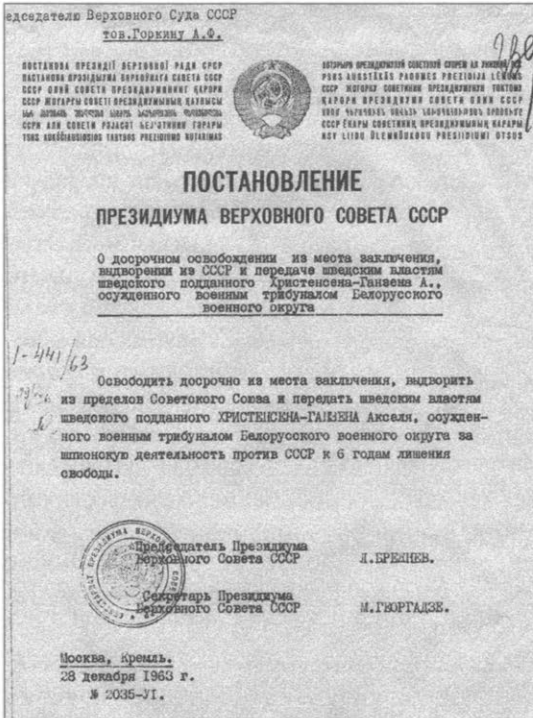
В одном из переданных 22 января 1943 года из тюрьмы СД на волю писем, адресованных М. Трусову, К. Хмелевский поделился своими запоздалыми подозрениями в отношении Бориса Рудзян-

ко: «...Был 21-го опять целый день на допросе, еле пришел, но допрос еще не закончен, вызовут сегодня, возможно, еще опять... Миша! Я еще не уверен, но с Б. прекрати всякие встречи...».

Лишь после вывода Минского городского подпольного комитета КП(б)Б в сентябре 1943 года на базу спецотряда 4-го управления НКГБ СССР «Местные» Станислава Ваупшасова провалы подполья прекратились, деятельность «АНСТ – Минск» по ряду направлений была скована, а борьба патриотов стала более организованной. Этот отряд умело поддерживал тесный контакт с многими подпольными патриотическими группами в Минске. Секретарями горкома стали С. Лещеня и Г. Машков, в его состав вошли сам С. Ваупшасов и комиссар «Местных» И. Родин. О том, насколько широкими и устойчивыми были позиции отряда в городе, говорит хотя бы тот факт, что в Минске он располагал 120 конспиративными квартирами. В городе только от группы «Местные» действовали до 400 хорошо законспирированных разведчиков и около 30 диверсионных групп, которыми проведено более 40 акций. Вот лишь некоторые из славных имен: К. Мурашко, Р. Волчек, К. Карпук, О. Фолитар, Борис и Игнат Чирко, братья Сенько, К. Гурьева, У. Козлова, С. Романовец, Ф. Буров, его сын А. Буров и дочь Л. Бурова.

Служба безопасности СД знала, что в Минске и его окрестностях действует отряд «Градова», поэтому усердно охотилась за ним. Начальник следственного отдела СД Кроль уже в плену рассказывал, каких трудов стоили эти поиски. Однако все его усилия заканчивались крахом. Когда же Кроль увидел, наконец-то, самого «Градова», то он в растерянности вскочил со стула и вытянул руки по швам, во все глаза таращась на невысокого, внешне неприметного своего противника. Но все это произошло значительно позже.

Между тем, «деятельность» Ханзена–Енсена еще в 1942 году показывала, сколько бед может принести даже один, эффективно действующий абверовский профессионал. Когда в апреле в районе Барановичей гитлеровцами была схвачена группа советских парашютистов-разведчиков РУ ГШ РККА в составе Крупкина, Базара, Семченка и Михасюка, то двое последних были привлечены Абвером к шпионской деятельности. При этом Семченко после вербовки был передан в распоряжение «Абвернебенштелле – Минск» для использования в радиоигре с руководством РУ ГШ РККА. В этих целях Ханзен под именем Аксея Енсена вместе с агентом «Владиславом» (Л. Семченком) тайно прибыл в Барановичи, где они обосновались на конспиративных квартирах, откуда с помощью захваченной радиостанции типа «Север» с июня по сентябрь 1942 года осуществляли «связь» с РУ ГШ РККА. Эта радиоигра

Постановление
Верховного Совета
СССР за подписью
А. И. Брежнева
о досрочном
освобождении
А. Христенсена-
Ханзена.

преследовала цели: путем передачи по радио дезинформации о движении немецких войск и военной техники ввести в заблуждение командование РККА; одновременно выявлять, какие данные о противнике представляют для него интерес; заманить затем на оккупированную территорию Беларуси советских разведчиков-парашютистов с целью их захвата и продолжения радиоигры.

Последствия этой абверовской акции оказались для военной разведки РККА на данном направлении очень печальными. Во-первых, передававшаяся ей немцами дезинформация о движении германских войск и военной техники принималась «за чистую монету». Во-вторых, в ходе радиоигры у советского командования были выведены и переданы германской разведке секретные данные военного значения. В-третьих, командование РККА было спровоцировано на заброску в гитлеровский тыл парашютиста-разведчика и, одновременно, резидента И. Гарбуза. По прибытии Гарбуза в Барановичи Ханзен-Енсен некоторое время лично осуществлял за ним агентурное наблюдение с целью выявления его связей, неизвестных немецкой разведке. Затем по указанию Ханзена Гарбуз и другие уста-

новленные абверовцами лица были арестованы Барановичской СД и позднее расстреляны.

По окончании этой радиоигры с РУ ГШ РККА, уже в Минске, Ханзен продолжал через свою агентуру сбор информации о партизанах, их связях, патриотах-подпольщиках, советских парашютистах-разведчиках, действовавших на оккупированной территории Беларуси. С этого времени интерес к нему проявляло и 4-е управление НКВД СССР, непосредственно «Градов», однако эффективных мер по нейтрализации действовавшего под разным прикрытием Ханзена осуществить не удалось.

К началу 1943 года Ханзену через агента Ленжина удалось выявить в Минске сотрудника НКВД В. Журавля, который позже был вместе со своими связями арестован и погиб в застенках СД. В «послужном списке» Ханзена были и розыск в Минске выданных агентом Абвера Тридюновым–Петровым разведчиков одной из спецгрупп, и арест двух жителей Минска, заподозренных в связях с партизанами, и попытки внедрения агентуры в партизанский отряд, оперировавший в Койдановском районе. Действовал Ханзен профессионально, расчетливо, весьма хитроумно, и в 1943 году за заслуги перед III рейхом был награжден крестом «За военные заслуги» 2 класса. Затем «удачливый Аксель» был перебросен в Польшу, в абверовский «Штаб Валли».

Станислав Ваупшасов позже признавал: «Насаждаемая отрядом особого назначения подпольная сеть в столице Белоруссии и на железнодорожных узлах не имела соприкосновения с нелегальными группами, создававшимися в начале войны. Суровые законы конспирации диктовали нам обособленность от них, потому что две карательные операции не могли пройти бесследно для патриотических групп Минска». В то же время в оперативной справке о деятельности спецотряда под командованием С. Ваупшасова «Местные» отмечалось: «Для проведения разведывательной и специальной работы опергруппа имела на связи около 500 агентов-боевиков, было создано также 40 диверсионных групп. Опергруппой ежедневно передавались в Центр важные разведывательные сведения о военных объектах противника, его аэродромах, гарнизонах, переброске войск, подготовке гитлеровским командованием операции на Курской дуге».

Война, между тем, шла к своему логическому завершению. Для абверовского агента-provokатора Рудзянко и ему подобных послевоенная судьба сложилась несладко, но справедливо. Расстрельный приговор военного трибунала был закономерным финалом. Полковник Абвера Крибитц, оказавшись по оконча-

нии войны в Западной Германии, успешно миновал денацификацию, поступил на службу в «организацию Гелена» (будущую федеральную разведслужбу – БНД), активно работал против СССР и являлся объектом совместной разработки внешних разведок (ГУР) МГБ ГДР и ПГУ КГБ СССР.

А вот Аксель Ханзен, поняв еще в середине 1944 года, что дни нацистской «империи» сочтены, бежал в ноябре того же года в нейтральную Швецию. Его легализации там помогло то, что один из его родственников погиб в гестапо после провала покушения на Гитлера. Но на этом эпопея Ханзена отнюдь не закончилась, ибо в Белорусской ССР он числился в розыскных списках военных преступников. Однако бывший абверовец не был забыт и спецслужбами государств-победителей (США и Англии), с которыми он периодически сотрудничал, став Христенсеном–Ханзенем. Но финал его похождениям спустя годы был положен все-таки на белорусской земле. Этому предшествовала блестящая оперативная комбинация, в которой были задействованы органы внешней разведки и контрразведки ГДР, Польши, КГБ БССР. Интуиция, в конечном итоге, подвела «везунчика Акселя». Вновь вспыхнувшие чувства к бывшей любовнице Ванде Гусаим через несколько лет окружными путями привели бывшего абверовца в Восточный Берлин, где его уже ждали сотрудники КГБ БССР. Для Ханзена это был «последний привет» из прошлого. Затем он самолетом был доставлен в Минск, где и получил свой вполне заслуженный срок заключения. В своем последнем слове на суде «везунчик Аксель» слезно просил: «Советский Союз, который благодаря своей передовой социальной системе, стал ведущей мировой державой, показал всему миру, что ему чуждо чувство мести. Советское правительство проявило большую гуманность и в 1955 году досрочно освободило немецких военнопленных, осужденных за военные преступления, и прекратило также дела о военных преступниках, находившихся на стадии следствия». Но льстить суду в той ситуации было уже бессмысленно.

И все же ему опять повезло. Через несколько лет последовало постановление Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1963 года за подписью Л. И. Брежнева, которое гласило: «...Освободить досрочно из мест заключения, выдворить из пределов Советского Союза и передать шведским властям шведского подданного Христенсена–Ханзена Акселя, осужденного военным трибуналом Белорусского военного округа за шпионскую деятельность против СССР к 6 годам лишения свободы». Его обменяли на советского разведчика, арестованного одной из спецслужб Западной Европы.

А для Станислава Ваупшасова после освобождения Беларуси война на «невидимом фронте» не закончилась, ибо в тылу советских войск активно действовал все тот же Абвер, почти ругельярно забрасывавший группы шпионов и диверсантов. В ноябре 1944 года Ваупшасов был удостоен звания Героя Советского Союза. Чуть позже в сообщении наркому внутренних дел СССР от 17 декабря 1944 года указывалось: «...Для выявления и ликвидации бандгрупп и нелегальных организаций в лесных массивах западных областей Белоруссии нами... созданы и направлены на места 5 боевых подвижных отрядов, обеспеченных соответствующим вооружением и личным составом...

1-й отряд – Героя Советского Союза подполковника госбезопасности тов. Ваупшасова в составе 125 человек будет оперировать в районе Налибокской пущи, Барановичской и Молодечненской областей. Отряд будет действовать под видом банды, созданной и переброшенной немецкой разведкой».

В других районах Беларуси таким же образом, но под иными легендами действовали чекистские отряды Мирковского, Шихова, Коровина, Викторова. Эти мероприятия координировались с оперативной игрой 4-го управления НКГБ СССР «Березино», легендировавшей для Абвера «активные действия» на территории БССР «военной группировки полковника Шерхорна».

Позднее, в ходе войны с Японией, Станислав Ваупшасов участвовал в боевых операциях, затем руководил группой по очистке тыла в освобожденной Маньчжурии. В родной Литве он являлся руководителем разведотдела МГБ. Но это уже другая история. На склоне лет, вспоминая пережитое, Станислав Алексеевич справедливо отмечал: «...Партизанское движение по природе своей глубоко народно. И в нем могут участвовать лишь добровольцы. Никакими силами нельзя заставить народ вопреки его воле начать партизанскую борьбу. Она может возникнуть только в том случае, если народ сам захочет... Искажать эту аксиому – значит сознательно извращать историю!».

В связи с этим показателен совершенно другой аспект. Предчувствуя скорый крах III рейха, германские спецслужбы и вермахт еще осенью 1944 года тоже решили создать собственное «партизанское движение». В сжатые сроки был составлен план операции «Вервольф», подготовлены списки участников отрядов «народных мстителей», заложены многочисленные склады-тайники с оружием, продовольствием, средствами связи и вещевым имуществом. Однако немецкий народ так и не поднялся на всеобщую борьбу со «степными варварами Востока», поскольку

сам не осознавал жизненную необходимость этой самой борьбы. «Великую отечественную войну немцев» на территории III рейха организовать не удалось. Лишь костяк «Вервольфа» смог осуществить единичные диверсионно-террористические акции. Но и они в короткое время были пресечены.

«Петр» из отряда «Местные»...

Из справки № 3269 тюрьмы № 1 НКВД Белорусской ССР (форма «Б») от 20 июля 1945 года: «...Выдана гражданину Романовец Степану Семеновичу 1910 года рождения, уроженцу Полесской обл., гражданство СССР, национальность белорус, в том, что он с 4 ноября 1944 года содержался в тюрьме № 1 НКВД БССР и 20 июля 1945 года освобожден с прекращением дела на основании ордера № 119 НКГБ БССР от 19. 07. 1945 года и следует к месту жительства в дер. Б. Тростенец Минский район. Настоящая справка выдана 20 июля 1945 года»... Ниже – подписи начальника тюрьмы, секретаря и освобожденного, удостоверяющие гербовой печатью.

Почти девять месяцев провел Степан Романовец за решеткой. Шла «филтрация сотрудничавших с оккупантами» во время войны...

До той войны Степан Семенович Романовец отслужил в Красной Армии срочную, затем трудился дорожным мастером. В 1939 году его перебросили в Белосток, где тоже работал по специальности. С началом войны в неразберихе ее первых дней младший лейтенант запаса Романовец, как и многие другие, мобилизован так и не был, а 27 июня 1941 года Минск, куда он успел вернуться, был уже оккупирован гитлеровцами. В новых обстоятельствах и белорусу, и небелорусу надо было определиться, как жить и выжить при порядках, навязанных незваными гостями. Да и семью надо было кормить. А специальность дорожного мастера была востребованной и у оккупантов. И он устроился на работу. Так продолжалось до апреля 1942 года, пока через работавшего с ним Николая Вечерковского, один из бывших военнопленных, он не нашел дорогу к партизанам. С этого месяца у дорожного мастера появились новые интересы и обязанности.

Как-то раз, вернувшись с работы, Степан Романовец копался в огороде. Вдруг скрипнула калитка, и он увидел Надю Ероховец, через которую передавал разведывательные материалы в

С. С. Романовец с супругой Ольгой. 1940 г.

С. С. Романовец
в период службы в Красной Армии.

Справка об освобождении
С. С. Романовца из тюрьмы № 1
НКВД БССР. 1945 г.

партизанский отряд капитана Красной Армии Прокофьева, созданный из числа окруженцев и бывших военнопленных.

– Доброго здоровья, Степан Семенович, – приветствовала она его.

– И тебе того же, дороженькая. С чем на этот раз идешь?

– С новым заданием, Семенович. Сказано тебе срочно явиться в группу Градова. Отныне будешь работать с ними. Плюс еще двое связных от нас пойдут. Будет у тебя и провожатый. А капитана Прокофьева, с которым ты связь поддерживал, пока не увидишь. Но он в курсе всего.

Спецотряд НКГБ СССР «Местные» Градова (С. Ваупшасова), друга прославленных партизан К. Орловского, В. Коржа и А. Рабцевича, в апреле 1942 года, преодолев почти тысячу километров, прибыл к месту назначения – в белорусские леса, что в Логойском

районе Минской области. Всех этих деталей Степан Романовец тогда не знал, но на следующий день отправился в Стайки, откуда его проводили под Руденск, где и дислоцировалась загадочная спецгруппа. Приняли нового связного начальник штаба Александр Козлов и его заместитель Григорий Москалев. Они подробно ознакомились с его биографией, задавали уточняющие вопросы. Из дальнейшего разговора выяснилось, что командование отряда «разведки Красной Армии» интересуют сведения о расположении немецких гарнизонов, штабов, аэродромов, складов боеприпасов и вооружения, о перемещениях войск оккупантов, данные о зверствах и злодеяниях нацистов в отношении мирного населения, партизан и военнопленных. Нужна была также информация о числе уничтожаемых ими и местными коллаборационистами наших граждан в концлагере «Тростенец».

– Заодно ищите возможность добывать медикаменты, оружие, боеприпасы, – инструктировал его Козлов. – Связь держите через Катю – так теперь для конспирации будете называть нашу связную Надю Ероховец. Вас, Степан Семенович, будем отныне называть Петром. Работа вам предстоит сложная и опасная. Чтобы собрать нужную информацию, придется входить в доверие к немцам, тщательно присматриваться к людям. Тех, кто понадежней, привлекайте к нашей работе. И последнее: вот вам карта нашей местности, наносите на нее самые важные вражеские объекты.

– Мы желаем тебе, товарищ Петр, успехов, – включился в разговор Москалев. – Береги себя. Будь осторожен и не забывай о конспирации, о чем мы подробно с тобой говорили. Будь здоров! Удачи тебе...

Той ночью Романовец не мог заснуть от грохота бомбежки. А утром обнаружилось, что советская авиация отбомбилась по ложному аэродрому. В тот же день под благовидным предлогом Степан отправился в спецотряд, чтобы сообщить об этом, а заодно передать свежую информацию о прибывшем на железнодорожную ветку эшелоне с боеприпасами.

– Молодец, Петр, – похвалил Козлов. – Хитер фриц, но и мы не должны спать в шапку. Теперь тебе предстоит разведать, где расположен настоящий аэродром. По нашим новым данным, он находится где-то в районе Степанки.

Вскоре советская авиация бомбила уже не ложный, а настоящий аэродром. Вдребезги был разбит и эшелон с боеприпасами. А до Романовца дошла молва о том, что множество машин перевозят какие-то грузы в лес Бункиновщины. Он решил это

проверить вместе со своим 16-летним племянником Володей Янушкевичем, который уже не раз помогал выполнять сложные задания, и получил у разведчиков псевдоним «Волчонок». Между прочим, каждое свое исчезновение Романовцу приходилось перед немцами правдоподобно мотивировать. Это была небезопасная игра. На сей раз под видом лесорубов они поехали в деревню Опчак, предполагая, что склад должен размещаться на пересечении дорог, идущих на Тростенец и Березовку. И действительно, прибыв туда, они увидели штабели ящиков, укрытых брезентом.

Координаты склада и других объектов, выявленных разведчиками, оказались в спецотряде. Были заодно переданы и данные для спецкомиссии о зверствах фашистов и количестве жертв в концлагере «Тростенец» и в других лагерях для военнопленных, об уничтожении евреев в урочище Благовщина. Из материалов НКГБ СССР от 7 апреля 1944 года: «...Подполковник государственной безопасности Ваупшасов сообщает, что у концлагеря “Малый Тростенец”, в лесу Голиково, специальной командой СД производятся массовые расстрелы населения. Уничтожается ежедневно по 150–180 человек. С 1 февраля с. г. по настоящее время расстреляно 5000–5500 человек. Там же сооружены три ямы размером на 120 тонн битума».

В целом же нацисты создали в Беларуси сеть более чем из 260 концлагерей, где ими были уничтожены свыше 1,4 миллиона человек. В одном только лагере смерти «Тростенец» погибли 206 тысяч человек. Он занимал печальное третье место в общей системе нацистских лагерей смерти после «Освенцима» и «Майданека»...

Новые задачи, поставленные Петру Александром Козловым, были сложнее предыдущих. Одна из них касалась школы СД (службы безопасности – Sicherheitsdienst), расположенной в Минске в Красном Урочище, что на Могилевском шоссе. Курсантами этой школы были девушки, обязательно приятной внешности. Готовила она диверсантов, одновременно сотрудничая с Союзом белорусской молодежи. Была среди них и минчанка Лидия Крицкая. Жила она в общежитии СД в тогдашнем поселке Коминтерн. Само управление полиции безопасности и СД размещалось в Минске в зданиях университетского городка напротив Дома правительства. Там же, в тупичке двух улиц, была и небольшая школа по индивидуальной подготовке «фауманов» СД, предназначенных для выявления в городе партизан и подпольщиков. А на нынешнем верхнем подземном уровне торгового центра «Столица» размещались камеры пыток СД.

Вывоз трупов советских военнопленных со станции Минск-Товарная.

Останки мирных советских граждан, расстрелянных и сожженных нацистскими палачами в лагере смерти «Тростенец» Минского района.

Кровавый след оставляли за собой эти внешне безобидные «хлопцы-фауманы». Козырным методом их действий была провокация. «Фауману» СД нередко поручалось создать антифашистскую группу из трех-пяти человек, а затем этой группе уже давалось задание наладить связь с антифашистской организацией, партизанами, подпольщиками или же разведчиками. После того, как созданная «фауманом» группа, войдя в доверие, проникала в активно действующую подпольную организацию, устанавливались нужные данные о ней, а также выявлялось не менее половины ее личного состава, начинались аресты. Остальной состав организации «уточнялся» уже в процессе следствия. Попытки первой, второй, третьей степени, другие «методы устрашения», когда загнанные под ногти иголки были только прелюдией испытаний, выдерживали не все. Как правило «арестовывались» и «фауманы», которые затем использовались для разоблачения патриотов на очных ставках. Нередко часть ликвидируемой организации оставалась СД на свободе в виде «наживки». На них снова наводили «фаумана», через которого продолжалась разработка «уцелевшей» группы и ее связей.

Самих «фауманов» СД часто легендировала как парашютистов-разведчиков или партизан. Разработку человека «фауман» начинал обычно с разговора о том, что того якобы знают в Москве или в ЦК ВКП(б) и что он («фауман») прислан на связь. Или же что ему рекомендовано обратиться к тому человеку за помощью в работе против немцев. В случае если разрабатываемый поддавался на провокацию, он брался под активное наблюдение. Затем следовал арест. Зачастую вместе с группой или организацией, к которой человек принадлежал. При этом «фауману» разрешалось не стесняться в открытом выражении недовольства нацистами с расчетом, что такое поведение может оказаться приманкой. Если нацистам удавалось через «фаумана» выйти на людей, связанных с партизанами, то провокатор «вводился» в партизанское соединение с легендой о том, что он может отправить к партизанам большую группу людей или же имеет возможность снабдить отряд оружием, боеприпасами, медикаментами, сахарином, бумагой и другими предметами, в которых испытывают нужду партизаны. В этих случаях немецкая контрразведка даже шла на действительную передачу через своего провокатора некоторых предметов партизанам, преследуя при этом цель более глубокого проникновения в организацию. А для этого в подпольных партийных структурах нацисты практиковали и создание «своих подпольных комитетов» и, установив через них связь с действительными комитетами, начинали вести дело к их уничтожению. Так жертвой Абвера и СД стал и Минский подпольный горком КП (б) Б.

В середине 1943 года в Минск прибыла и развернула активную деятельность Смоленская СД, руководимая Алферчиком. Располагалась она на улице Островского (ныне Раковской) и взаимодействовала со школой в Красном Урочище. В этой школе СД и поручено было разыскать Лидию Крицкую. И постараться убедить ее работать на советскую разведку.

– Все предпосылки для этого есть. Но действовать нужно осторожно и осмотрительно, – инструктировал Романовца Москалев. – Нам крайне важно знать личный состав школы, куда и с какими заданиями будут направлять немцы своих курсантов. Еще предстоит установить связь с разведчицей отряда Тамелой. Она врач, проживает по улице Либкнехта, дом 10. Продумай правдоподобную легенду для того, чтобы посетить ее. А в качестве вещественного пароля предъявишь ей обрывок лицевой части папиросной пачки «Беломорканал».

На следующий день Степан подошел к деревянному домику по улице Либкнехта, 10. Дверь ему открыла усталая женщина

лет 35, и пригласила пройти. На столе в маленькой комнатушке Степан увидел фотографию Александра Козлова и, предъявив пароль, увидел вторую половинку вещественного отзыва.

– Привет вам от этого человека, – кивнул он на фотографию.

Степан коротко рассказал, что работает под его руководством, выполняет различные задания подпольщиков. И вопросительно смотрел на женщину.

– Вы себе не представляете, как я вам рада, – взволнованно заговорила она. – К следующему вашему приходу я постараюсь подготовить медикаменты и еще кое-что. А сейчас возьмите вот это.

Она протянула маленькую бумажку:

– Здесь все зашифровано. На словах еще передайте, что в конце улицы К. Маркса в большом доме разместился штаб немецкой армии.

Обратная дорога, казалось, не сулила неожиданностей. Но у деревни Будилово Романовца внезапно остановили. Даже не взглянув на протянутый им аусвайс, немец вырвал из его рук вожжи. Степан решил, что тому нужна подвода и попытался, было, встать, но фриц с криком: «Хальт!» достал пистолет и с размаху ударил его по лицу. Из верхней губы разведчика хлынула кровь. Придя в себя, Романовец достал вместе с платком бумажку, переданную Тамелой, и незаметно сунул ее в рот.

В караульном помещении, куда привезли Романовца, два солдата тщательно обыскали его и, ничего не найдя, вышвырнули за дверь. Отъехав от поста подальше, Степан достал изо рта шифровку и положил за пазуху. К счастью, все обошлось, записи потом удалось полностью расшифровать.

На следующее утро Романовец и его друзья ликовали. Советские бомбардировщики совершили налет на склад боеприпасов в лесу Бункиновщины. Прямым попаданием бомбы вдребезги был разнесен и немецкий армейский штаб на улице К. Маркса. За это стоило так рисковать.

Через некоторое время Романовец нашел и дом, в котором жила Лидия Крицкая. Это было длинное одноэтажное строение с таким же длинным коридором внутри. Степан пришел под видом родственника Крицкой. Но Лидии, к сожалению, дома не оказалось. На другой день он вновь был в поселке Коминтерн. Выбрав дорожку, ведущую к дому, в котором жила Крицкая, он стал ждать. Вскоре показалась девушка в короткой овчинной шубке, форменной юбке и сапожках. Фотопортрет совпадал. Степан подошел к ней и сказал, что хотел бы поговорить:

– Я принес привет от ваших друзей с «Большой земли». Они уже воюют с фашистами и призывают вас включиться в борьбу. Время не ждет...

Лидия заметно волновалась. Когда она брала протянутую Романовцом фотографию друзей, руки ее слегка подрагивали.

– Допустим, я соглашусь. Что мне нужно будет делать?

– Допустим или согласна? – с жесткой иронией спросил Романовец.

– Конечно, согласна. Я все прекрасно понимаю, – нетерпеливо ответила Лидия.

– Хорошо! Тебе надо будет приходиться к врачу Тамеле вроде бы на лечение. Ей будешь передавать информацию о школе и ее курсантах. Установочные данные, приметы, характер их будущих заданий. Встретимся через неделю в это же время. Где удобней?

– В следующий раз встретимся на этой же дороге, но в районе роши. В дом заходить не стоит. Там тобой уже интересовались.

В тот же день Романовец побывал у Тамелы и передал ей половинку рецепта. Вторую часть должна была предъявить Лидия. Это был взаимный пароль.

Совершенно случайно среди работавших на дороге заключенных лагеря «Тростенец» Степан Романовец увидел дорожного инженера Бурова. Зная Романовца по совместной довоенной работе, Буров заговорил с ним достаточно откровенно. И спросил буквально в лоб: не смог бы он свести его с партизанами, ведь его скоро могут «расконвоировать». Степан от такой откровенности насторожился – уж не немецкая ли это подстава. Потому поначалу прикинулся простачком.

– Слушай, а на кой ляд мы нужны партизанам? Их сейчас и без нас хватает.

– Так что же, по-твоему, лучше сложа руки сидеть и смотреть, как другие воюют? – искренне возмутился Буров.

Романовец решил все же рискнуть.

Ф. А. Буров –
разведчик спецотряда
НКГБ СССР «Местные».

Члены СБМ
во время обучения
в школе союза
(пос. Альбертин
Слонимского
района).

– Знаешь, Федор Акимыч, иногда, можно большую пользу принести и не находясь в отряде, – с намеком сказал он, наблюдая за реакцией Бурова.

– Не темни, Степан, ты же меня знаешь! Думаешь, что я с немцами заодно? – искренне возмутился инженер.

– Не обижайся, – примирительно сказал Романовец. – Сам знаешь: те мужики в полиции вроде тоже все были «нашими», а в своих-то стреляют похлеще фрицев. А ты, пока в лагере находишься, присмотришь к врачам из гамбургских евреев. Им немцы еще доверяют, назначают заведующими медицинских и других складов, в том числе и оружейных. Все это добро нам ой как сейчас пригодилось бы.

Кандидатуру Бурова в качестве нового агента-разведчика командование отряда одобрило, хотя и обратило внимание Романовца на необходимость соблюдения конспирации и требований безопасности. А Бурова, как мастера-дорожника, немцы действительно вскоре «расконвоировали». Его переправили в отряд, где с ним состоялась обстоятельная беседа. Затем он, кроме дальнейшего ведения разведки в городе, получил задание, связанное с Союзом белорусской молодежи, созданным оккупантами для воспитания юношей и девушек в нацистском духе.

Это было очень непростое задание. Ведь на СБМ оккупанты возлагали особые надежды. На его «презентацию» 22 июня 1943 года приезжал сам «крестный отец» СБМ – гауляйтер Вильгельм Кубе. Он тогда недвусмысленно заявил, что: «Союз должен способствовать отрыву белорусской молодежи от Востока и приобщению ее к арийскому Западу». Центральный штаб СБМ полностью копировал структуру немецкого «гитлерюгенда». Главные задачи этого союза, согласно установкам Кубе, заключались в подготовке кадров для местного оккупационного

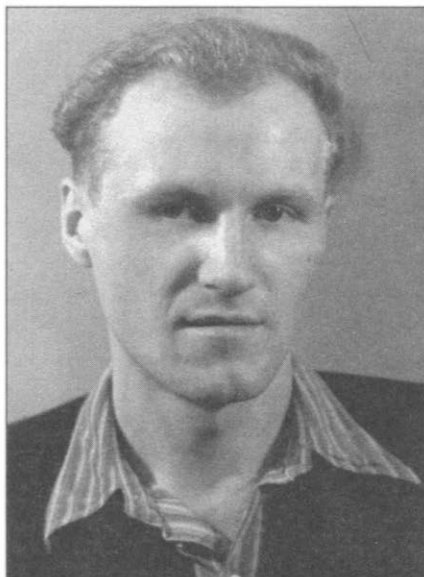
«Активист» СБМ
Анатолий Буров.
Минск.
1943 год.

управления, пополнения для полицейских и фронтовых добровольческих формирований, а также в борьбе с партизанами, идеологической обработке белорусской молодежи в духе абсолютной преданности нацистской Германии и ее фюреру Адольфу Гитлеру, выполнении трудовой повинности как в Беларуси, так и в Германии. О фактах широкого использования членов СБМ спецслужбами III рейха, такими, как Абвер, СД, ГФП, тоже широко известно из немецких архивных и трофейных документов, материалов судебных процессов.

«Фюрер» СБМ Михаил Ганько неустанно агитировал юных белорусов: «...Тебя призывает европейская молодежь к сотрудничеству в новой Европе. Становись дружинником СС, борись за новую, вольную Беларусь. Ты получишь хорошую пищу, хорошую квартиру (видимо, за счет расстрелянных и растерзанных “неправильных” белорусов!? – Авт.), одежду, зарплату. Ты сравнишься с немецким солдатом. Ты узнаешь Европу! В полицейской службе, в военных организациях ты сможешь получить чин офицера. Вождь Адольф Гитлер зовет тебя. Будь достоин его доверия!». Присяга, которую давали поступившие призванные в «национальную» роту СС члены СБМ, красноречиво говорила сама за себя: «Присягаю тебе, Адольф Гитлер, тебе – фюреру и канцлеру германского рейха, быть верным и храбрым. Я торжественно обещаю тебе и назначенным тобой начальникам сохранять послушание до самой смерти, и пусть поможет мне Бог!». Вот так-то! И ни о какой «незалежной Беларуси» ни слова!

А. Ф. Буров – разведчик
спецотряда НКГБ СССР
«Местные» в 1952 году
– после отбывания
8-летнего срока заключения
в советских лагерях.
Реабилитирован
по ходатайству КГБ СССР
в начале 1960-х годов.

Ваупшасов (Градов) поставил задачу: принять все меры к разложению СБМ. Стояла она и перед другими партизанскими отрядами. А для этого решено было внедрить в организацию нужных людей и через них склонить на свою сторону заместителя Ганько Дмитрия Стельмаха, а также некоторых других функционеров. Стельмах, бывший лейтенант Красной Армии, попал в лагерь военнопленных, а оттуда – в школу пропагандистов в Кенигсберге. Это Ганько помог Стельмаху выбраться из лагеря, и тот в знак благодарности служил ему верой и правдой.

Для выполнения этой рискованной задачи Буров вынужден был привлечь своих детей Анатолия и Лидию. По заданию отца они «вступили» в СБМ и стали его «активистами». При этом Лидия познакомилась с самим Стельмахом и пригласила его в гости. Стельмах тоже не мог не заинтересоваться привлекательной девушкой, и стал все чаще бывать в ее доме по улице Танковой. Однажды он привел с собой двух солдат чехов. И Буров долго рассказывал неожиданным гостям о том, как жили до войны, как строили заводы и фабрики, о том, сколько разрушений принесла война. Для чехов все это было настолько в диковинку, что они пообещали рассказать об услышанном своим сослуживцам.

Как только чехи ушли восвояси, Буров попросил Стельмаха остаться.

Связной спецотряда
НКГБ СССР
«Местные»
С. С. Романовца.
Минск.
1992 г.

Удостоверение офицера
Советской Армии
С. С. Романовца.
Справедливость
восторжествовала.

– Рискованно вы поступаете, Федор Акимович, – наизда-
тельно заметил Стельмах. – Не зная людей, так откровенничать
опасно. Да и вообще во время такой войны все опасно.

– А ты садись поудобней, Дима. Разговор у нас с тобой бу-
дет долгий и серьезный.

Психологически Буров рассчитал все правильно. Выполняя
задание Градова, он решил пойти, что называется, ва-банк, хотя
понимал, что если Стельмах смалодушничает, то сам Буров и его
семья пополнят список жертв «Тростенца». И все-таки он на-
прямую предложил Дмитрию работать на спецгруппу. А первое,
что нужно было сделать, так это захватить Ганько и отправить
его на «Большую землю». Для чего предстояло разыграть свадь-
бу Дмитрия с Лидой. Здесь-то все и должно было произойти.

Стельмах поначалу пребывал в шоке. Федор Акимович без
всяких пауз, в упор спросил его:

– Ты, Дима, думаешь, что с тебя не спросят, чем ты тут за-
нимался, ты – офицер Красной Армии? Как в глаза своим, семье
смотреть будешь?

– Я все понимаю, Федор Акимович. Но Мишу Ганько подве-
сти не могу. Он все-таки жизнь мне спас. А в глаза семье я, вид-

но, уже не посмотрю. Погибла она, скорее всего. Но вас я тоже не подведу. Даю слово.

О колебаниях функционера СБМ было сообщено в отряд. Полетели томительные и тревожные дни. Судя по всему, Стельмах слово свое пока держал. И когда Романовец в очередной раз прибыл в отряд, Москалев протянул ему письмо жены Стельмаха и семейную фотографию, доставленные из-за линии фронта.

– Вот это здорово! – искренне обрадовался Степан. – Теперь-то и посмотрим, кто ему действительно дороже: Родина и семья или Ганько и фашизм?

Вскоре Романовец снова пришел в дом Бурова. Правда, там была только Лида. Федор Буров вернулся около 18 часов. А вскоре появился и Стельмах. Вновь началась неспешная беседа.

– А если бы тебе, Дмитрий, сказали, что семья твоя жива? – спросила Лида.

– О-о, чудес не бывает. Я их перед войной под Витебском оставил, попробуй теперь отыскать. Скорее всего, погибли в той кутерьме.

Вот тут-то и достал Степан Романовец из потайного кармана пиджака письмо, фотографию семьи и протянул их Стельмаху. Тот был ошеломлен. Едва придя в себя, он твердо сказал: «Я хотел бы встретиться с командиром отряда». Через несколько дней к дому Романовца в Тростенце подъехали на велосипедах два человека в немецкой форме. Это были Стельмах и сын Федора Бурова Анатолий – «активист» СБМ.

– Что мы скажем, если нас немцы остановят? – поинтересовался Романовец у Стельмаха.

– Проблем быть не должно. Я неплохо владею немецким языком. Скажу, что еду по деревням агитировать молодежь в СБМ, а вас в проводники выбрал, поскольку вы хорошо знаете, где нет партизан. А аусвайсы у нас имеются.

Дозор «Местных» встретил их в деревне Язвы. Пока Козлов с Москалевым обстоятельно беседовали со Стельмахом, Романовец рассказал партизанам о ситуации в Минске, ответил на вопросы. И когда, наконец, из дома вышел Стельмах, то по его решительному виду, блеску в глазах, было понятно – свершилось то, что было запланировано. Теперь на него можно положиться. Ганько, правда, уже захватывать не пришлось, поскольку оперативная обстановка к тому времени изменилась. Ну а пути Романовца и Стельмаха больше не пересекались: таков был железный закон конспирации.

В 1943–44 годах войска действующей армии начали освобождать Беларусь. И чем ближе приближался фронт к Минску,

тем все больше лютовали нацисты и полицаи. Чтобы спасти семью, Романовец отправился в отряд Громова, где и дождался прихода своих. Потом он вновь стал работать дорожным мастером. Но недолго. Последовали его арест, следствие, хотя в выданной ему штабом партизанского отряда справке и значилось: «...Дана настоящая т. Романовцу Степану Семеновичу в том, что он был связным отряда им. Берия с июля месяца 1943 г. по 1 июля 1944 г. Работал честно и добросовестно». Подписали ее Козлов и Москалев. Другими документами Романовец не запасся. Те чекисты, с которыми он сотрудничал во время оккупации, были уже далеко, они выполняли новые задания. Вновь прибывшим пришлось изучать все обстоятельства с самого начала. Не могли же они оставить без внимания сигналы «бдительных граждан», не раз видевших Романовца в «подозрительных» ситуациях.

Бойцы чекистской спецгруппы «Местные» 4-го управления НКГБ СССР вступились за своего разведчика. Потом он вновь долгие годы честно работал дорожным мастером, ничего для себя не требуя и не прося. Заслуженные боевые награды тоже нашли Степана Семеновича, пусть и со значительным опозданием. Но он был не в обиде. Не ради должностей да наград жизнью рисковал! Главное, что он, как и сотни тысяч других сыновей и дочерей Беларуси, честно выполнил свой долг перед Родиной и внес свой вклад в ее освобождение. Тем и жил! Последней его наградой была медаль «Ветеран труда»...

Последний бой генерала Кляйнюнга...

В тот теплый майский день в начале 1980-х годов прошлого века, накануне Дня Победы – Дня освобождения от фашизма, как называли его «осси», восточные немцы, – в небольшом зале советского Дома офицеров в Потсдаме, как говорится, яблоку негде было упасть. С оперативным составом встречался не раз бывавший по делам у армейских чекистов и их коллег из других структур КГБ легендарный шеф военной контрразведки МГБ ГДР генерал-лейтенант Карл Кляйнюнг. Его прекрасный русский, воистину славянская внешность, отнюдь не классический «арийский» вздернутый нос как-то не ассоциировался для нас с образом дерзкого, отважного и вместе с тем расчетливого, разгадавшего не одну хитроумнейшую головоломку спецслужб США и ФРГ, военного контрразведчика. На самом же деле это был и умелый разведчик, оперативный комбинатор и диверсант времен Великой

Генерал-лейтенант
МГБ ГДР
К. Кляйнюнг
и начальник
УОО КГБ СССР
по ГСВГ
генерал-лейтенант
И. А. Устинов
(справа) во время
встречи
с советскими
контрразведчиками
в Потсдаме. 1978 г.

Отечественной войны в оккупированном нацистами Минске. О нем и его товарищах по борьбе в третьем томе исторического исследования «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков» говорилось: «Немецкие антифашисты оказывали помощь подпольщикам Минска. Среди них были Иоахим Кюстнер, Карл Кляйнюнг (подпольная кличка «Виктор»), Ганс Штрубе...». Группа эта называлась «Юрий».

Рассказывая тогда о совместной работе по линии военной контрразведки, связанной с противодействием шпионской деятельности иностранных спецслужб на территории тогдашней ГДР, Карл Кляйнюнг отмечал, что это боевое братство зародилось давно, еще во время войны против нацизма. Из рядов антифашистов вышли многие профессионалы-руководители МГБ ГДР. Вспоминал генерал и о боевой молодости, о самых, по его оценке, страшных и трудных в его жизни, но, тем не менее, таких памятных годах нелегальной борьбы на территории Беларуси. Вряд ли думал тогда убеленный сединами ветеран, как и все мы, присутствовавшие в том зале, что спустя всего несколько лет уйдет в небытие Советский Союз, что прекратит свое существование родина генерала Кляйнюнга – Германская Демократическая Республика, а ему самому вновь придется доказывать верность своим идеалам, раз и навсегда данной присяге, которой он никогда не изменял.

Судьба с самого начала не баловала Карла Кляйнюнга. Родившись в простой рабочей семье, он рано начал работать, узнал нужду и голод. В 1929 году, восемнадцатилетним пареньком Карл вступил в Компартию Германии, что было тогда далеко небезопасно. Затем он стал политическим руководителем Союза Крас-

ных фронтовиков в своем родном городе Раймштадт-Штактен, что в Северном Рейне-Вестфалии.

В первый бой с пришедшими в 1933 году к власти в Германии нацистами, Карлу пришлось вступить уже на улицах родного города. Однако тогда ротфронтовцам не хватило оружия, и они вынуждены были отступить. Кляйнюнг ушел в подполье, потом по заданию компартии перебрался в Голландию, откуда действовало ее земельное руководство. Он был связным и тайно ввозил в нацистскую Германию антифашистскую литературу, документы. Курьерскую службу свою Карл затем продолжил в Бельгии.

Тем временем разгорелась антифашистская война в Испании, в которой активное участие принимали и гитлеровские военные формирования. В 1936 году Карл стал бойцом состоявшего в основном из немцев антифашистского батальона имени Эдгара Андре, входившего в 11-ю интернациональную бригаду, участвовал во многих боях совместно с испанскими республиканцами. Там же, в Испании, принял боевое крещение и будущий министр госбезопасности ГДР Герой Советского Союза генерал армии Эрих Мильке. Там жизнь свела Карла Кляйнюнга и с людьми, оставившими яркий след в белорусской истории. В Испании он окончил школу подрывников, которой руководил С. А. Ваупшасов (Альфред), а тактику разведывательной работы и партизанской борьбы ему преподавал К. П. Орловский (Стрик). Всю эту многогранную работу курировал отец и легенда советского спецназа Илья Григорьевич Старинов. Карл научился вести разведку, взрывать мосты и пускать под откос эшелоны противника, захватывать штабы и устраивать засады на дорогах. В составе диверсионной группы Кляйнюнгу несколько раз довелось побывать в тылу противника, что весьма пригодилось ему в годы Великой Отечественной войны.

Позднее он стал танкистом, возглавил взвод, в феврале 1939 года получил звание лейтенанта. Но в 1939 году интербригадовцы вынуждены были уйти из Испании. Республика пала. Генерал Кляйнюнг вспоминал: «Вы не можете себе представить, как тяжело я переживал поражение республиканцев, даже плакал. Однако сломленным я себя не чувствовал. Впереди все равно виделась борьба, новые бои с фашизмом. Испания была только прологом. Молод я был, все казалось по плечу.

Из Франции на советском корабле «Смольный» приплыл я в Ленинград, откуда поездом приехал в Москву. После короткого отдыха поступил на работу на автомобильный завод в Горьком. Начал штамповщиком. Рабочие встретили меня сердечно, приняли

в свою трудовую семью. Однако мысли мои были все время в Германии, откуда приходили весьма неутешительные вести. Я чувствовал, что с началом второй мировой войны нападение на Советский Союз не за горами. К сожалению, так оно и оказалось.

Трудно было тогда сказать, что со мной будет, но я заранее был согласен и готов на все. Прибыв в Москву в спецшколу, я увидел своих старых знакомых – Ваупшасова (теперь уже Градова), Орловского. Кстати, именно в спецшколе я познакомился и с моей будущей женой коренной рижанкой Юлией Арнольдовой Лозиньш. Она тоже готовилась к нелегальной работе в тылу фашистских войск.

Я был зачислен потом в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). Дважды забрасывался с разведывательными и диверсионными заданиями за линию фронта. Твердо знал, что любой разведчик, будет он хоть семи пядей во лбу, если не будет иметь надежных помощников, мало чего стоит».

Жизненные пути неисповедимы. Случилось так, что после забросок в немецкий тыл судьба свела Карла Кляйнюнга с будущим предателем Н. Хохловым. Уже после войны – в 1954 году – на территории ФРГ Хохлова завербовало ЦРУ. Потом в США он стал профессором и мемуаристом. В начале 1990-х в новой России его «простили», забыв, что не бывает единожды предавших.

А в годы войны Хохлову – агенту «Свистуну» – доверяли. На случай оккупации Москвы нацистами по приказу П. Судоплатова он должен был остаться в столице для подпольной работы. После того, как ситуация изменилась и гитлеровцы начали терпеть поражения на фронте, ему было поручено выполнить задание Центра, связанное с ликвидацией палача белорусского народа Кубе – оперативная кличка «Кабан». При этом Хохлов, как и легендарный разведчик Николай Кузнецов, должен был действовать в форме германского офицера. Поселили его тогда вместе с Кляйнюнгом – «Виктором». Кляйнюнг вел с ним интенсивные занятия по шлифовке немецкого языка. И Хохлов – «Волин» – оказался старательным учеником. Он запоминал сложные идиоматические выражения, крылатые немецкие фразы, различные мелочи поведения, впитывая мельчайшие детали из рассказов Карла Кляйнюнга о Германии, о привычках и манерах немцев, без чего невозможно было войти в образ германского офицера и, к тому же, «истинного арийца».

Кляйнюнг и Хохлов прошли специальную практику и в лагере немецких военнопленных в четырехстах километрах от Москвы, прожив тридцать суток за колючей проволокой. Хох-

лов был там под видом младшего офицера Вальтера Латте, якобы попавшего в плен в одном из боев севернее Сталинграда. Карл Кляйнюнг играл роль унтер-офицера. На все имелись соответствующие документальные подтверждения. Именно в такой комбинации они и были позднее заброшены за линию фронта в белорусские леса.

Следует отметить, что труды Кляйнюнга были не напрасны. В лагере Хохлов – Вальтер Латте вел себя настолько по-немецки, что кроме самих немцев в это поверили даже опытные советские контрразведчики, работавшие с военнопленными по другой линии. Те всерьез пришли к выводу, что действительно имеют дело с немецким офицером, к тому же убежденным нацистом.

Но планы планами, а жизнь нередко приносила свои сюрпризы. После заброски Кляйнюнга и Хохлова в тыл С. А. Ваупшасов и руководитель оперативно-чекистской группы «Юрий» Э. С. Куцин напрасно ждали разведчиков в белорусских лесах. В ответ на срочный запрос Центр лаконично сообщил, что «Виктор» (Кляйнюнг) ввиду ошибки штурмана был выброшен на базу бригады «Дяди Коли». Пришлось Ваупшасову для обеспечения безопасности передвижения «Виктора» до базы отряда «Местные» послать группу опытных бойцов. Добирались не без приключений, попав в полицейскую засаду, из которой удалось вырваться лишь благодаря находчивости и хладнокровию «Виктора», изобразившего немецкого офицера, якобы выполняющего спецзадание Готтберга. Гнев его был настолько неподдельным, что немцы поспешили ретироваться. Группа была спасена.

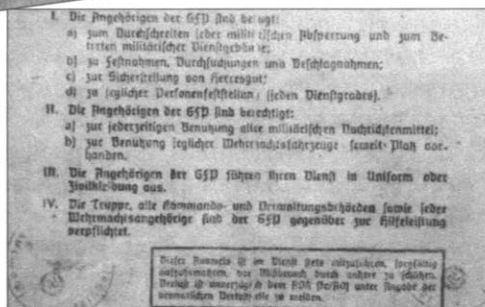
Для Карла Кляйнюнга в Центре было подготовлено удостоверение 727-й группы немецкой фельдандармерии на имя Отто Шульце. В оккупированном Минске подобный документ имел большую силу, поскольку его владелец кроме всех прав и привилегий беспрепятственного перемещения мог даже расстреливать подозрительных лиц на месте. Однако не совсем немецкая внешность Виктора и то, что 727-я группа ГФП в Минске тогда не действовала, требовали крайней продуманности и осторожности в действиях. Необходимо было также приобрести агентуру, связных и несколько явочных квартир. Немаловажным было и то, что в условиях комендантского часа «Виктор» мог привлечь к себе ненужное внимание, потому чтобы не примелькаться, необходимо было периодически менять немецкую форму на гражданскую одежду.

В конечном итоге в оперативную группу «Юрий» вошли 18 человек, а в их числе – четыре немца. Это были М. П. Чижев-

Лицевая и оборотная стороны удостоверения сотрудника тайной полевой полиции (ГФП)

Отто Шульце, под именем которого действовал разведчик спецгруппы НКГБ СССР «Юрий» К. Кляйнюнг (Виктор).

ская, ее дочь Лида, студентка мединститута, Н. П. Моисеева, преподаватель Белгосуниверситета, доцент Е. М. Зубкович, М. М. Голубева (Копанец), студентка З. К. Ходюня, бухгалтер О. И. Беляева (Вербицкая), Л. Д. Драгун-Пастревич, Ф. Т. Проская, О. С. Промашкова (Проخورчик), Д. М. Скарина и другие. По заданию разведчиков подпольщики собирали сведения об оборонительных сооружениях, возводимых оккупантами в городе и его окрестностях, выводили из Минска военнопленных и граждан, преследовавшихся оккупационными властями, распространяли среди населения антифашистскую литературу, принимали участие в подготовке и проведении боевых операций. Группа «Юрий» располагала несколькими конспиративными квартирами: по улице Солнечной, 5, Можайской, 31, Надеждинской, 14^а, Червенском тракту, 126 и другими. Некоторые из этих квартир использовались и Карлом Кляйнюнгом. Статьи, с этой группой перед освобождением Беларуси работали Ф. А. Буров и А. Ф. Буров.

Кляйнюнг должен был вместе с Хохловым отслеживать маршруты поездов «Кабана» – верховного комиссара Вайсрутинии Кубе. И если днем мундир унтер-офицера позволял беспрепятственно перемещаться по городу, то ночью приходилось

укрываться на конспиративных квартирах. Но и это было опасно делать. Не дай Бог, увидел бы кто, что Кляйнюнг в немецкой форме заходит в дома местных жителей. Сразу же могло возникнуть подозрение как у полицаев, так и у фельджандармерии, агентов СД, ГФП. И тогда беды уже не миновать. Требовалась жесточайшая конспирация. Большинства подпольщиков Карл по имени не знал, обмениваясь с ними лишь паролем. Использовались и тайники. Таков был «железный закон разведки». Но из-за этого дважды Кляйнюнг был на волосок от гибели, когда в него стреляли свои же – народные мстители.

Работа по «Кабану» велась по многим направлениям. Разведчиков привлекла Белая дача, что располагалась в древнем Лошицком парке. Ее Кубе облюбовал для званных пиров, изредка наезжая сюда со свитой. Чаще на даче обитал прямой «хозяин» Минска – окружной комиссар Фрайтаг. Для решения стоящей задачи необходимо было в сжатые сроки приобрести там источники информации и непосредственных исполнителей акции. Для собственных конспиративных контактов начальника полиции безопасности и СД фон Готтберга нарекли «Гусем», а Фрайтага – «Барсуком».

Кляйнюнг лично встретился с Надеждой Моисеевой, Марией Павловной и Лидией Чижевскими, работавшими у Фрайтага на Белой даче. После непродолжительного предварительного изучения и получения от них первичной информации о распорядке и охране в доме, а также плана его помещений, Карл принял решение о вербовке этих женщин. Псевдонимы разведчицы выбрали сами – «Подруга», «Мать» и «Дева».

План уничтожения «Кабана», выработанный в партизанском лесу, был достаточно кратким: доставить в Минск несколько мин с часовым механизмом, научить на явочной квартире «Подругу» и «Деву» обращению с ними, а затем переправить эти мины в Лошицу. При появлении там «Кабана» завести часовой механизм и установить их в комнатах, которые он занимает.

Вроде все решили Кляйнюнг с Куциным, но опять-таки жизнь внесла свои коррективы. С тревогой восприняли разведчики известие о том, что Надя имеет какой-то яд – а он действительно у нее был – и намерена отравить им «Кабана», «Гуся», «Барсука» и весь остальной «зверинец» во время их визита в Лошицу. Еле удалось успеть отговорить ее от этого намерения. Доводы Кляйнюнга и Куцина были следующие: отравление Кубе может только сыграть на руку нацистской пропаганде. Ведь гитлеровцами в пропагандистских целях постоянно использовался «тезис» о том, что СССР якобы в любой момент готов применить химическое

Старинная
Белая дача
в Лошице.

оружие. Поэтому нельзя давать врагу повод для развязывания химической войны против СССР. Необходимо сделать все так, чтобы «Кабан» был уничтожен либо миной, либо пулей. Ненужная самодеятельность в этом деле опасна.

Убедившись через агентуру, что в ближайшее время «Кабан», видно, почуяв опасность, посещать Лошицу не собирается, Кляйнюнг начал продумывать городской вариант плана его ликвидации. А для этого надо было вербовать кого-то из «обслуги» гауляйтера. К сожалению, выходов на нее пока не было, подходящих кандидатур тоже. Постепенно отсеивая различные варианты, разведчики остановились на горничной «Кабана» Елене Мазаник. Вместе с сестрой Валею она жила на улице Энгельса – недалеко от резиденции гауляйтера – в комнате, которую ей выделили немцы. Кляйнюнгу к ней идти было нельзя, поэтому выбор пал на Хохлова – как мастера перевоплощения, в совершенстве владеющего немецким языком и имевшего документы тайной полевой полиции. Тем более, сам Хохлов убедил Куцина в неотразимости своей аргументации для склонения Мазаник к сотрудничеству с группой «Юрий».

Как оказалось впоследствии, повел себя Хохлов – Рыжий, как окрестила его Мазаник, – довольно нагло и бесцеремонно, в результате чего задание не выполнил, получив от ворот поворот. Объясняя потом причину провала своей миссии, он путано рассказывал о том, что забыл свои партизанские документы, и Мазаник ему не поверила, приняв за очередного провокатора СД. А начал Хохлов с прямых угроз «изменнице» и продолжал в подобном духе весь разговор. Установлению контакта это отнюдь не способствовало.

Попытались выйти разведчики на Елену Мазаник и через другие каналы, но получили от нее совет «больше не рисковать».

Но Куцин и Кляйнюнг позитивным сочли то, что она все-таки никого не выдала немцам. Значит, надежда на успех оставалась. Но многого тогда они попросту не знали, что усложняло дело.

Тем временем Хохлов, находившийся по указанию Кляйнюнга на разведзадании в Минске, вновь napросился сыграть роль вербовщика. Потом Кляйнюнг долго корил себя за свою уступчивость. Встречаясь уже в 1986 году в Беларуси с сотрудниками КГБ, он очень резко отзывался о грубости, наглости и недисциплинированности Хохлова. На сей раз «обер-лейтенант» заявился к Мазаник домой в ее отсутствие. Это наделало немалый переполох среди соседей, которым он объяснял, что влюблен в Елену и хочет увезти ее в Чехословакию, где живет его отец-фабрикант. Дальнейшее Елена Григорьевна Мазаник в одной из бесед со мной описывала примерно так: «Возвращаюсь я с работы... С крыльца мне навстречу снова бросился... Рыжий... Я застыла на месте – думала, сейчас арестует... Как только вошли в комнату, Рыжий сразу замкнул дверь на ключ... Он сел затем на стул, выхватил пистолет, положил на стол и сказал:

– Учти, эта штучка стреляет бесшумно... Продолжим разговор?

Меня, чувствую, всю трясет:

– Нет, – прервала я его, а сама думаю, пан или пропал. – А теперь вопрос тебе: как можно посылать такого идиота, как ты? С чьей бы стороны ты ни пришел, так грубо поступать и так работать нельзя. Ты дурак. А тот, кто посылает тебя, дважды дурак!».

После второго сокрушительного фиаско Кляйнюнг отправил Хохлова в лес с докладом командиру о ситуации в немецком гарнизоне. А сам решил выйти на Мазаник с помощью Лиды Драгун через ее соседа Михаила Кумейшу. Вскоре в Центр ушла радиограмма: «Виктор» через Асю убедил Шефа (Кумейшу) в необходимости помочь в работе по ликвидации «Кабана».

Фигура Кубе была, между тем, достаточно одиозной в самой нацистской иерархии, в связи с чем у него возникли серьезные разногласия, а затем и разрыв отношений с руководством СС и СД. Нет, другом белорусского народа он, конечно же, не был, о чем время от времени пытаются трезвонить отдельные «национально-сознательные», поклоняющиеся тому же флагу, какому отдавали честь полицаи. Просто, в отличие от начальника СС и полиции в «Вайсрутении» фон Готтберга, начальника полиции безопасности СД Э. Штрауха, В. Кубе полагал, что белорусов надо уничтожать не сразу. Сначала нужно заставить их работать на III рейх до последнего вздоха, а уж после «окончательной победы» в соответствии с пла-

Е. Г. Мазаник.

ном «Ост» приступить к ликвидации этого народа. А заодно и «расово неполноценных» гитлеровских прислужников, всяких островских, акинчицев, козловских, ганько и других, которых сам Кубе внутренне глубоко презирал.

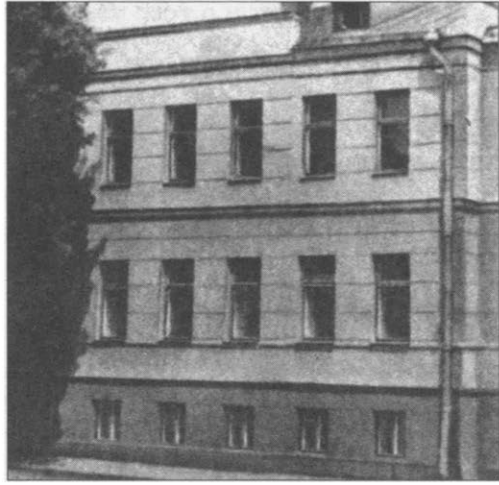
Однако на дворе был 1943 год. Уже произошли военные катастрофы III рейха под Москвой, в Сталинграде и на Курской дуге. Вместе с этим ужесточалась и карательно-расстрельная политика в Беларуси, хотя, надо отметить, что ее накал не был слабым и в предыдущие годы оккупации. А в Минске разведчики, подпольщики, партизаны действовали по своим схемам. Несмотря на усиление

оккупационного режима, уже ничто не смогло помешать уничтожению Кубе. И 22 сентября 1943 года он погиб от взрыва мины в собственной спальне в доме на нынешней улице Энгельса. Мину, переданную командиром спецотряда Разведывательного управления Генерального штаба РККА Н. П. Федорова – «Димы» – подложила Е. Г. Мазаник.

Фон Готтберг незамедлительно сделал заявление, что смерть гауляйтера явилась «успехом примиренческой политики Кубе по отношению к белорусскому народу. Теперь нужно принимать меры». И они были кровавыми. Однако массовую освободительную борьбу народа было уже не остановить.

В совместном докладе НКВД СССР, РУ ГШ РККА и ЦШПД по этому поводу еще в октябре 1943 года справедливо указывалось, что задача уничтожить «Кабана» была поставлена всем ведомствам, занимавшимся зафронтной работой. С Е. Мазаник связывались различные резидентуры, но наиболее результативной была работа оперативной группы РУ ГШ РККА. При этом Мазаник потребовала – в целях исключения провокаций – свидания с руководящим работником опергруппы майором Федоровым. После этого дала согласие провести акцию в отношении Кубе.

Театерштрассе
(ул. Энгельса), дом 27,
где размещалась
резиденция В. Кубе.

По поводу роли Хохлова в докладе лишь мимоходом указывалось, что ему удалось провести встречи с Еленой Мазаник, во время бесед с которой он также настойчиво предлагал ей принять участие в ликвидации Кубе.

Как все происходило на самом деле, ныне хорошо известно. Но вновь открываем книжку все того же «маститого» российского историка Б. В. Соколова и на стр. 66 попадаем в новое «мифотворчество»: «А наиболее громкий теракт – убийство генерального комиссара Вильгельма Кубе 22 сентября 1943 года – был организован группой, подчинявшейся непосредственно Центральному штабу партизанского движения и таившему суть самого задания и от минского подполья, и от руководителей партизанских отрядов Белоруссии. Возглавлял группу капитан госбезопасности С. И. Казанцев, за успешное покушение на Кубе произведенный в майоры госбезопасности... Завербованные им агенты смогли убедить горничную генерального комиссара подложить в кровать своего хозяина мину с часовым механизмом». И вновь бумага терпит...

О том, что план уничтожения гауляйтера был хорошо продуман, красноречиво свидетельствует отчет германской комиссии от 29. 09. 1943 года, в котором, в частности, отмечалось: «Розыск Мазаник и ее родственников, а также Марии Осиповой и Тани (Мазняковой Н. Д.) налажен, но не обещает успеха, так как названные лица после покушения и выполнения ими особого задания, при посредничестве Осиповой, с ближайшего партизанского аэродрома будут доставлены в Москву...». Но

эта цитата говорит и о том, что разведка и контрразведка гитлеровцев работали хорошо.

Новым гауляйтером стал эсэсовский генерал фон Готтберг – «Гусь». По его приказу уничтожалось все, что может служить «сховищем и жилищем для партизан», расстреливалось местное население, реквизировалось продовольствие. Поселился «Гусь» уже на улице К. Маркса в Минске. Посещал он, как и его предшественник, Лошицу, где квартировал Фрайтаг – «Барсук». Там намечалось совещание гебитскомиссаров, зондерфюреров с участием самого «Гуся» и «Барсука». Был разработан план нового покушения. Но прежние магнитные мины для совершения акции уже не подходили. Требовался мощный заряд, который лучше всего было заложить в печку. Кляйнюнг сам изготовил одиннадцатикилограммовый толовый заряд, научил «Мать», «Деву» и «Подругу», как его приводить в действие. Затем, экипировавшись в немецкую форму, вместе с О. Вербицкой доставил заряд в Лошицу. Позаботились они и о безопасности родственников участников акции.

К сожалению, она не удалась, и смерть людей, в ней участвовавших, была мученической. Позднее – в сентябре 1944 года – в сообщении 4-го управления НКГБ СССР о героической гибели агентов оперативной группы «Подруги», «Матери» и «Девы» говорилось: «Оперативной группой полковника госбезопасности Куцина, которая действовала в районе Минска, в сентябре 1943 года для ликвидации помощника генерального комиссара Фройтага (так в тексте – *Авт.*) были завербованы агенты: “Подруга” – Моисеева Надежда, работала официанткой в доме Фройтага; “Мать” – Чижевская Мария Павловна, старшая хозяйка в доме Фройтага; “Дева” – Чижевская Лида, дочь агента “Матери”. В ходе подготовки операции по осуществлению теракта над Фройтагом в печь, которая находилась в его доме, агентами были заложены магнитные мины, которые случайно нашла истопница, и немедленно сообщила об этом немцам...

В результате этого предательства агенты “Дева”, “Подруга” и “Мать” были повешены в местечке Лошица 25 декабря 1943 года. Жителями местечка Лошица за 32 подписями составлен акт о казни “Девы”, “Подруги” и “Матери”, из которого видно, что они перед казнью проявили исключительную стойкость, мужество и героизм».

Посмертно все они Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденами Отечественной войны I степени. Их именем названа улица в Минске. За антифашистскую борьбу в минском подполье К. Кляйнюнг также был награжден

Официальное немецкое сообщение по случаю гибели В. Кубе.

Преемник В. Кубе группенфюрер СС К. Готтберг.

орденом Отечественной войны I степени. Гибель патриоток все последующие годы болью отзывалась в его сердце.

По окончании Великой Отечественной войны Карлу Кляйнюнгу, как и Эриху Мильке, а еще позже и Маркусу Вольфу выпало сначала создавать народную полицию в Восточной зоне оккупации, из 5-го реферата которой затем образовалась в начале 1950 годов Служба безопасности ГДР, а позже МГБ ГДР. Существенную помощь в становлении новой спецслужбы ГДР оказывали до 1958 года советники из КГБ СССР. Это был ответ на действия западных держав и раскол Германии, за который теперь только ленивый не вешает всех собак на СССР. Но ФРГ была образована раньше, нежели ГДР.

С этих пор знал Карла Кляйнюнга – шефа военной контрразведки МГБ ГДР – и полковник С. С. Ветохин, в далеком 1939 году пришедший служить в особый отдел НКВД по Западному ОВО в городе Минске, активно участвовавший в Великой Отечественной

Разведчицы спецгруппы НКГБ СССР «Юрий»
Л. А. Чижевская, М. П. Чижевская, Н. П. Моисеева.

войне, а затем более полутора десятка лет работал на острых участках контрразведывательной деятельности в Группе советских войск в Германии. Разумеется, в тесном контакте с восточно-германскими военными контрразведчиками. Сергей Сергеевич вспоминал: «Министерство госбезопасности ГДР было одной из сильнейших спецслужб в Варшавском договоре. Становление его проходило с нашей помощью, но пальма первенства в последующие годы ему принадлежала по праву. МГБ имело многочисленные контрразведывательные и разведывательные подразделения, располагавшие обширной агентурной сетью как внутри этого государства, так и вне его. ГДР имела наиболее боеспособную Национальную народную армию, а Советский Союз располагал более чем пятисоттысячной группировкой войск в Германии. Этой группировке противостоял отнюдь не пацифистски настроенный блок НАТО, вынашивавший вполне конкретные наступательные планы, предполагавшие, при необходимости, и “ограниченную ядерную войну”. Естественен был интерес спецслужб блока, как к советским военным объектам, так и к Национальной народной армии ГДР. С Карлом Кляйнюнгом нас связывали, конечно, профессиональные интересы. Он был предан делу, обладал острым умом и мыслил нешаблонно. В ходе совместных агентурно-оперативных мероприятий были выявлены и арестованы десятки агентов ЦРУ и БНД (Федеральной разведывательной службы ФРГ). При этом подчиненные Кляйнюнга действовали активно и наступательно, в теснейшем взаимодействии с особыми отделами КГБ СССР по Группе советских войск в Германии. Разумеется, нас связывали и воспоминания о Белоруссии, которую Карл Кляйнюнг называл своей второй родиной. Так что слова известной пес-

ни “Песняров” начала 1970 годов “Молодость моя – Белоруссия..., песни партизан, сосны да туман...” были своеобразным паролем для нас, белорусов, на немецкой земле.

Должен подчеркнуть, что в той оперативной обстановке и геополитической ситуации, не предусматривавших иных военно-стратегических и оперативных решений, активно работал и разведаппарат МГБ ГДР, возглавляемый с 1956 по 1986 годы М. Вольфом. Достаточно сказать, что только в Западной Германии, как выяснилось позже, ШТАЗИ имела свыше 500 агентов в важнейших государственных учреждениях Бонна, не говоря уже об агентах в других странах блока, включая штаб-квартиру НАТО в Брюсселе. И важ-

нейшая информация была ведь не только достоянием ГДР. Ее получали и заинтересованные ведомства Советского Союза... И жаль, что судьба оказалась потом немилосердной ко многим нашим боевым немецким товарищам...».

А дальше были «перестройка» в СССР, падение Берлинской стены в 1989 году. В 1991 году прекратила свое существование и Германская Демократическая Республика. Она вошла в состав ФРГ, и это вхождение было настолько быстрым, что удивило даже тогдашнее руководство ФРГ. Кстати, далеко не все в той Европе этого желали. Воссоединению немецких государств упорно противилась «Железная леди» – премьер-министр Великобритании Маргарет Тетчер. А французский президент Франсуа Миттеран произнес в этой связи весьма красноречивую фразу: «Мы настолько любим немцев, что желаем им жить в двух государствах». Но произошло то, что произошло. В бывшей ГДР многое и многие были попросту брошены на произвол судьбы. Ни «почетного немца» М. Горбачева, коему на Западе уже установлены два памятника, ни недалеко-видное на тот момент руководство новой России судьба тех, кто

Генерал-лейтенант МГБ ГДР,
участник минского подполья
в годы Великой
Отечественной войны
К. Кляйнюнг.

нам десятилетиями активно помогал, уже не интересовала. Сдали всех скопом. В 1992 году вопреки законам международного права, требующим судить людей по законам их страны (то – есть ГДР), Э. Мильке, М. Вольф предстали перед западногерманским судом. Вели они себя мужественно и, так или иначе, были затем полностью освобождены от ответственности. Не избежал внимания со стороны специальной комиссии Гаука, расследующей деятельность МГБ ГДР, и Карл Кляйнюнг. Но он не дрогнул и достойно принял навязанный ему «последний бой». Никого не сдал, никого не оболгал, ничего лишнего не сказал.

Генерал Карл Кляйнюнг до конца своих дней оставался верным самому себе, своим боевым товарищам и присяге. Каждое утро на лужайке перед своим домом он поднимал флаг уже несуществующей ГДР. Федеральные власти объединенной Германии старались его больше не трогать, с пониманием относясь к ветерану-антифашисту, бойцу, лучшие годы жизни своей отдавшему борьбе с нацизмом.

К этому следует добавить, что «верными себе» остались и американские спецслужбы, не брезгующие ничем, если можно поживиться. В 1990 году в нарушение суверенитета Германии они провели тайную акцию под кодовым названием «Розенхольц» и завладели информацией из сейфов МГБ ГДР. Тогда сотни якобы «стихийных немецких демонстрантов» целенаправленно громили его здание, что позволило американцам записать на компьютерных дисках и дискетах данные Главного управления разведки (ГУР) МГБ ГДР. Это была поистине бесценная картотека – более 500 000 карточек – о конспиративных сетях «неофициальных сотрудников МГБ в несоциалистических государствах», имена, псевдонимы, персоналии на сотни агентов ШТАЗИ за рубежом. Когда, где и как все это «выстрелит» или уже «стреляет» – можно только догадываться. Американцы, что-то вернув, не торопятся, однако, вернуть ФРГ весь этот огромный информационный массив. Вот так и появляется «непредсказуемое прошлое»...

В шкуре врага

В годы Великой Отечественной войны спецслужбы нацистской Германии вели против СССР беспрецедентную и тотальную войну. Достаточно сказать, что в целом на советско-германском фронте действовало свыше 130 разведывательно-диверсион-

ных органов и около 60 специальных разведывательно-диверсионных школ, готовивших нужные кадры. Только за 1942 год ими было подготовлено более 7 000 шпионов и почти 25 000 диверсантов. Их хорошо готовили. Занимались этим опытные специалисты, умевшие «промыть мозги». «Размышления разведчика» – абверовская памятка для своей агентуры – гласила: «Отныне ты – воин тайного фронта. Забудь свое прошлое. В основе твоей жизни лежит легенда. Не вербуй себе в помощники неразвитых людей. Но в то же время не забывай, что под глупой физиономией может скрываться золотой человек... Если ты любишь женский пол, то никогда не влюбляйся и чаще меняй женщин, ибо объект твоей любви может оказаться на службе в контрразведке, и тогда ты пропал...». Так что оперсоставу советской военной контрразведки противостояла состоявшая из профессионалов отменно отлаженная машина шпионажа, диверсий и террора. Дилетантизма, а тем более некомпетентности этот незримый фронт не прощал никому. Тем более, что спецслужбы Германии во все времена – надо отдать должное нашему бывшему противнику – в соответствии с поставленными перед ними задачами действовали изобретательно и наступательно. В июне 1941 года для организации и руководства всей разведывательно-подрывной деятельностью на советско-германском фронте был создан специальный орган управления «Абвер-заграница», в том числе оперативный «Штаб Валли», квартировавший на бывшей даче Пилсудского в местечке Сулеювек, что под Варшавой. Непосредственно он и руководил полевыми органами и всеми акциями Абвера, включая карательные. В том числе на территории Беларуси. А Абвер, разумеется, координировал свою работу с подразделениями ЗИПО (полиции безопасности), ГФП (тайной полевой полиции), полевой жандармерии и иными карательными формированиями.

На третьем году войны на базе нового опыта была осуществлена еще одна реорганизация и советских спецслужб. Особые отделы НКВД 19 апреля 1943 года постановлением СНК СССР были изъяты из этого ведомства и переданы Наркомату обороны СССР. Так появилось легендарное Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерть шпионам» («СМЕРШ») НКО СССР. Как и ранее, задачами органов «СМЕРШ» являлись борьба со шпионажем, диверсиями, террором и другими видами подрывной деятельности врага и его агентуры, а также с антисоветскими элементами, дезертирством, сюда же входила проверка бывших в плену и окружении, выполнение специальных заданий Центра, зафронтовая разведыватель-

ная работа. Разумеется, столь ответственные задания доверялись отнюдь не каждому агенту-разведчику, поскольку и не всякий мог выдержать подобные испытания, огромные морально-психологические нагрузки, стрессы, которые обычно испытывал в ходе их выполнения человек, добровольно оказавшийся в стане противника и действовавший в шкуре «врага». Фактически, эти люди, патриоты в высочайшем понимании этого слова, шли на заклание, ибо трудно было все просчитать математически, в каждом случае выверить и обеспечить стопроцентный успех в выполнении задания и, одновременно, безопасность источника. А успех нужен был именно стопроцентный, так как ошибка даже на сотую долю сулила провал, пытки, смерть.

К сожалению, в последующем иногда с трудом удавалось выяснить даже судьбу многих из зафронтовых агентов – «Турецкого», «Зоркого», «Шаркова», «Федора», «Велихова», «Устюгова». Об «Устюгове» в документах поначалу указывалось лишь следующее: «“Устюгов”. Агент УКР “СМЕРШ” 3 Белорусского фронта. Перешел к немцам 29. 03. 1944 года согласно плану агентурной комбинации “Приток” с задачей создания агентурной базы в Оршанском или Борисовском лагере для военнопленных».

На самом деле в силу сложившихся обстоятельств «Устюгову» пришлось выполнять задание совсем в ином месте. И он, проявив незаурядную выдержку, мужество, справился с ним успешно, о чем свидетельствуют фрагменты из его последующего отчета о разведывательной работе в тылу противника с 29 марта по август 1944 года: «...Согласно легенде я должен был выдавать себя за заблудившегося, случайно попавшего в плен к немцам при выполнении задачи по установлению связи с нашим боевым охранением. Затем был концлагерь в г. Богушевске Витебской области...

Моя работа в школе (в Ваню-Нурси, Латвия) согласно заданию командования Красной Армии проходила в направлении изучения характера деятельности разведоргана, его официального и агентурного состава и вербовки агентов в пользу советской разведки. Большую помощь в этой работе оказал завербованный мною еще в лагере и прибывший вместе со мной в диверсионную школу Сорокин Владимир Иванович (немецкая кличка Жариков)...

Наряду с этим за время моего пребывания в школе подготовлен к вербовке радист Еремин Алексей Иванович (немецкая кличка Алексеев) и в связи с выбытием из школы передан мною для вербовки Сорокину... В отношении Еремина А. И. поручил Сорокину

закончить работу. Напомнил еще раз, на что обратить внимание, а именно: 1) Изучить состав людей, подготовленных к заброске в тыл Советского Союза. 2) Узнать, какие группы, с каким заданием и куда будут забрасываться. 3) Позывные рации и шифры...».

Информация «Устюгова» о 32-х подготовленных к заброске абверовских агентах была более чем своевременной. После перехода линии фронта и возвращения к своим он в течение нескольких месяцев использовался оперативной группой НКГБ СССР в розыске агентов противника в воинских частях и тылу Белорусских фронтов.

В свою очередь зафронтовой агент УКР «СМЕРШ» 1 Прибалтийского фронта «Велихов» в ходе многоходовой оперативной комбинации в середине 1943 года был внедрен в разведывательный орган Абвера «АНСТ – Минск». С риском для жизни он приобрел источники информации, организовал конспиративную связь с Центром. Предоставляя Абверу будущих «кандидатов в шпионы», он со своими помощниками сумел добраться до оперативной картотеки диверсионно-разведывательной школы в деревне Курганы Смоленичского района Минской области, получить сведения о ряде вербовщиков этой школы, руководящем и обслуживающем ее персонале. Была добыта также ценная информация о дислокации и деятельности в Минске трех отделений СД, выявлен ряд агентов противника, установлены некоторые резидентуры СД, действовавшие в Минске и Борисове, собраны данные на провокаторов и активных пособников нацистов.

Таких, как «Устюгов» и «Велихов», в годы минувшей войны было много. Ведь много было и подобных агентурно-оперативных мероприятий в практике ГУКР «СМЕРШ», УКР «СМЕРШ» фронтов. По большому счету их никто не мог заставить работать на Победу именно таким образом. Окончательный выбор они дедали сами. Потому такие деяния были подвигом особого рода и совершались настоящими патриотами своего Отечества. К сожалению, даже сейчас трудно сказать, сколько же их погибло, оставшись безвестными, на «той стороне», выполняя задания контрразведки.

На белорусском направлении в ходе войны ГУКР «СМЕРШ» весьма интересовал такой активно действовавший разведорган противника, как «Абверкоманда-103», который работал в интересах армейской группировки «Митте» («Центр»). У него был, кстати, радиопозывной «Сатурн», который стал позднее широко известным в связи с рассекречиванием ряда разведывательных операций советских спецслужб. «Абверкоманда-103» была мо-

бильной. В августе 1941 года она дислоцировалась в Минске, в трехэтажном здании на улице Ленина, в конце сентября – начале октября 1941 года – уже в палатках на берегу реки Березины в районе Борисова, а затем, следуя за наступающими частями вермахта, перебазировалась в местечко Красный Бор (район г. Смоленска).

С самого начала войны свою агентуру «АК-103» приобретала в основном в лагерях советских военнопленных. После обучения ее забрасывали в тыл Красной Армии, а также в партизанские зоны оккупированной Беларуси. Ее шефом до 1944 года являлся подполковник Феликс Герлицц, другом которого был начальник контрразведки «Абверкоманды-103» капитан и известный вербовщик Фурман. Еще в августе 1941 года при «Абверкоманде-103» была создана разведывательно-диверсионная школа, квартировавшая в военном городке Печи близ Борисова. Она также не могла не стать объектом пристального интереса советских спецслужб. В этой самой школе Абвера в 1943–1945 годах и была проведена филигранная разведывательная операция. Ее осуществили ГУКР «СМЕРШ» во взаимодействии с УКР «СМЕРШ» Западного, а затем трех белорусских фронтов, а также НКГБ СССР и БССР. Через двадцать лет после войны в СССР были сняты художественные фильмы «Сатурн» почти не виден» и «Конец “Сатурна”». Героем этих лет стал советский разведчик, действовавший под псевдонимом Крамер. Его главным прототипом был зафронтовой агент ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР А. И. Козлов («Следопыт»).

До войны Александр Иванович успел закончить Калининское пехотное училище. Попав осенью 1941 года со своей отходившей с боями 32-й армией в окружение, старший лейтенант А. Козлов воевал потом в партизанском отряде «Дедушка» на территории Смоленской области. Однако в июле 1942 года во время тяжелейшего боя с карателями он, будучи раненым, вместе с женой Анной Вилковой попал в плен.

Перед каждым, кто оказывается в подобной трагической ситуации, встает серьезный нравственный выбор: как поступать дальше. Как говорится, наступает момент истины. Еще серьезнее цена такого выбора для тех, кто связан военной присягой. Он хорошо виден в поступках двух советских военнопленных А. И. Козлова и И. И. Матюшина, судьбы которых пересеклись на той войне. Оба они на том жизненном изломе свой окончательный и сознательный выбор сделали, но это был разный выбор.

Иван Иванович Матюшин с началом войны был уже военным инженером 1 ранга, начальником отдела связи все той же 32-й

армии. Оказавшись 15 ноября 1941 года в окружении, он сдался в плен добровольно. А в марте 1942 года дал согласие на сотрудничество с германской разведкой и до октября 1943 года преподавал радиодело сначала в Катынской, а затем в Борисовской абверовских разведшколах под псевдонимом «Фролов». Одновременно он был и агентом СД, выявлявшим нелояльных к нацистам курсантов, что автоматически обрекало их на смерть. У «нацистов» это называлось «решением вопроса». Кроме того «русский доброволец И. И. Матюшин» секретно числился и при зондеркоманде СС.

В конце 1942 года в ходе своей работы в лагере для военнопленных абверовские разведчики во главе с известным вербовщиком Фурманом заинтересовались А. Козловым и его женой. После непростых раздумий те пошли на вербовку, полагая, что это является хотя и эфемерной, но все-таки возможностью вырваться за линию фронта. Впоследствии свое непростое решение Александр Иванович объяснял так: «Мне предоставлялся шанс продолжить борьбу с коварным противником, попытаться перехитрить его. В конце концов, я твердо решил проникнуть в Абвер, пройти его школу, собрать сведения о разведцентре и, используя заброску за линию фронта, вернуться к своим...».

В Катынской школе Абвера А. Козлов обучался полгода под псевдонимом «Меньшиков», получив с помощью того же Фролова-Матюшина специальность агента-радиста. Выбранная им для себя линия поведения, маскировка и, наконец, присущая ему выдержка были настолько безупречны, что в июле 1943 года Абвер поручил Меньшикову-Козлову десантироваться в районе Тулы – Западный фронт – в форме капитана РККА с надежными документами на имя Раевского. Он должен был передать абверовским агентам-радистам «Нилову» и «Антонову», находившимся в районе подмосковной деревеньки Малаховка, аккумуляторы для рации, деньги, бланки документов прикрытия. Оставив жену фактически в качестве заложницы в немецких руках, Козлов согласился.

После приземления – с помощью поначалу чуть было не расстрелявших его советских военнослужащих – он незамедлительно связался с работниками управления «СМЕРШ» Западного фронта. А. Козлов рассказал им о своем задании и тут же был направлен в Москву, где выразил согласие вернуться в «Сатурн». Сообщенная им информация получила к тому же полное подтверждение через другие источники ГУКР «СМЕРШ» и НКГБ СССР. Тем более, что мероприятия, касавшиеся подмосковной Малаховки, являлись тогда составной частью радиоигры ГУКР «СМЕРШ» под кодовым названием «Борисов», в которой фи-

И. И. Матюшин.
 Фото сделано
 в следственном
 изоляторе
 НКГБ СССР.
 Январь 1944 года.

Анкета
 арестованного
 И. И. Матюшина.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	Матюшин
2. Имя и отчество	Иван Иванович
3. Год и место рождения	Родился 1898 году, село Матюшин Байкальский АССР
4. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес)	Село Матюшин Байкальский АССР Ул. Рыжовская, д. 12
5. Профессия и специальность	Инженер-электрик
6. Последнее место работы или род занятий до ареста	а) последнее предприятие: Автомагистраль Байкал б) должность: инженер в) название: Байкальский АССР г) если не работал — школа и другие занятия

гурировали ранее арестованные абверовские агенты-радисты «Нилов» и «Антонов», которым и вез «посылку» А. Козлов.

В справке-характеристике на зафронтового агента «Байкал-61» позднее указывалось: «В июле 1943 года в органы «СМЕРШ» явился с повинной агент германской разведки «Раевский», он же «Меньшиков» — Козлов Александр Иванович... После явки с повинной был перевербован ГУКР «СМЕРШ» и под псевдонимом «Байкал-61» 17 июля 1943 года переброшен в тыл противника под видом выполнившего задание германского агента... Начальник 4-го отдела ГУКР «СМЕРШ» генерал-майор ... Утехин...».

«Успешно выполнив задание Абвера», А. Козлов с помощью смершевцев Западного фронта был снова переброшен на сторо-

ну противника и прибыл в расположение «Абверкоманды-103» в Смоленск. Там после тщательной перепроверки, устроенной ему Герлицем, Александр Иванович получил должность преподавателя. Забегая вперед, скажем, что закончил он «карьеру» в Абвере в должности начальника учебной части школы. А тогда длительная и многоходовая радиоигра с «Сатурном», которая велась до последних дней существования Абвера в мае 1945 года, только началась. По ее ходу из подмосковной Малаховки Абвер регулярно получал «качественную информацию», над подготовкой которой дружно трудились специалисты Генштаба РККА, ГУКР «СМЕРШ» и УКР «СМЕРШ» всех трех белорусских фронтов.

В 1999 году прославленный ветеран невидимого фронта А. Козлов посетил Беларусь. Он был почетным гостем военных контрразведчиков в г. Борисове и наведal в Печах казармы, другие места, где во время войны размещался абверовский разведорган с радиопозывным «Сатурн». Конечно, он рассказывал, что в реальной жизни все было не так гладко, как в фильмах. А. Козлов справедливо отмечал тогда, что наиболее уязвимое место и наиболее нужное в разведке – это связь. Нет ее – грош цена всей полученной информации. В Центре, как видно было из его рассказа, это понимали несколько упрощенно: к Козлову должен прибыть радист-связной. На пароль, передавал ли доктор часы в ремонт, он должен ответить, что передавал, но он их потерял. Козлов сразу решил, что этот вариант связи никак не может быть осуществлен. Потому ему пришлось выбрать второй вариант, самый опасный: «Я решил перевербовывать разведчиков, направляемых в тыл Красной Армии, открываться, давать задания. Вы понимаете, перевербовывать завербованных немцами агентов! Какие у меня были основания, чтобы они поверили мне? Какие документы? Ведь они знали, что я преподаватель, начальник учебной части школы, капитан немецкой армии, имею награды от немцев. Я – второе лицо в школе и вдруг говорю, что являюсь советским разведчиком!

Приходилось опираться исключительно на интеллект человека. Я каждого изучал, проверял, когда прибывала новая группа в школу. Я обходил строй и уже тогда визуально отбирал, кем можно заняться. А дальше начинал наблюдать, разговаривать, играть в шахматы, в футбол. По ходу вопросы коварные задавал. И мне они задавали. Одного человека отсеиваю, другого, а иногда и третьего. Опять начинаю.

Таким образом, мне удалось перевербовать семь человек, из которых шесть потом явились в органы безопасности с ценными

Капитан Абвера
А. И. Меньшиков (Козлов).

А. И. Козлов
и подпольщик
Н. Н. Барауля.
Борисов.
1992 г.

сведениями. В основном это были сведения об агентуре, направляемой в тыл Красной Армии. Там их уже ждали, арестовывали. Вы же знаете, какой вред может принести один агент, один разведчик для армии, против которой он вступил в борьбу...».

Ввиду наступления войск Западного фронта во второй половине 1943 года «Абверкоманда-103» была вынуждена перебазируется из Смоленска в Борисов на базу школы «Сатурн». Здесь Александр Иванович вместе с женой снова начал тщательно собирать информацию на агентов, готовившихся к заброске в советский тыл. Наиболее надежным из них он давал свой пароль «Байкал-61», выводил на военных контрразведчиков «СМЕРШа».

Одной из его удач была блестящая работа «во благо Абвера» заброшенных в советский тыл Н. Палладия и И. Коцарева, через которых ГУКР «СМЕРШ» вел радиоигру с германской разведкой и снабжал ее дезинформацией вплоть до 17 мая 1945 года. Шесть абверовских разведгрупп, заброшенных немцами в район Горького, так и не смогли осуществить диверсионно-террористических акций в советском тылу. Кстати, у абверовцев тоже случались проколы. В ходе осуществлявшейся 4-м управлением НКГБ СССР на территории Беларуси оперативной игры «Березино», когда сотрудники госбезопасности держали радиосвязь от имени немецкой войсковой группы, якобы действовавшей в тылу советских войск, абверовцами в один из сброшенных с самолета грузовых

Так «нумеровали» курсантов абверовской школы «Сатурн».

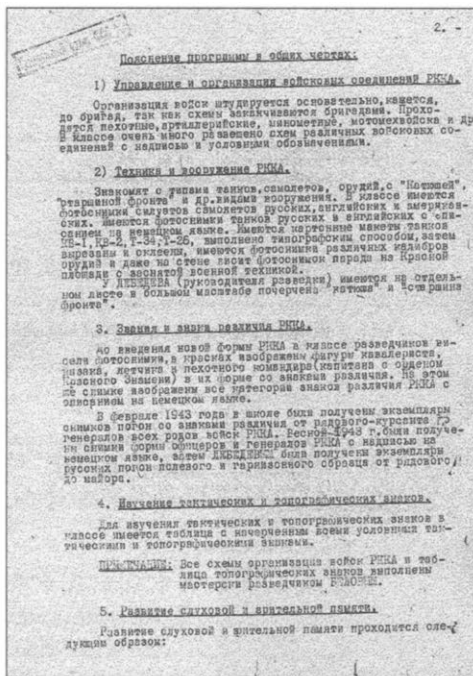
В городке абверовской школы «Сатурн».

Группа курсантов абверовской школы «Сатурн».

контейнеров по ошибке были вложены фиктивные документы на имя Коцарева и Палладия. А также бланки различных советских ведомств с целью обеспечения беспрепятственного перемещения своих агентов в тылу Красной Армии. К счастью, в НКГБ СССР быстро уточнили, что Н. Палладий и И. Коцарев уже работают на «СМЕРШ» и внедрены в нелегальную сеть «Абверкоманды-103». Трудно себе представить последствия, если бы НКГБ в спешке обоих незамедлительно арестовал. Но этого не произошло. В результате зафронтовых мерпорядков ГУКР «СМЕРШ», а также оперативной игры «Березино» деятельность «Абверкоманды-103» была практически парализована.

Но был и еще один момент в судьбе А. И. Козлова, который вполне мог сыграть трагическую роль. Партизанские разведчики относились к Меньшикову—Козлову сугубо как к изменнику и предателю советской Родины. Ведь он ни под каким предлогом не мог перед ними «расшифроваться». А те уже намеревались провести акцию по его физическому уничтожению. Но преду-

Программа обучения курсантов в абверовской школе «Сатурн».

смотрительная сделали запрос в Центр. Москва ответила своеобразно, но вполне однозначно: «Этого гада не стоит трогать, поскольку он нужен живым».

Имел А. И. Козлов в Борисове и помощницу. Это была повариха в школе «Абверкоманды-103» Любовь Ефимовна Матусевич. Потом она работала со спецгруппой НКГБ БССР «Активные».

Из спецсообщения Центра:

«Совершенно секретно.

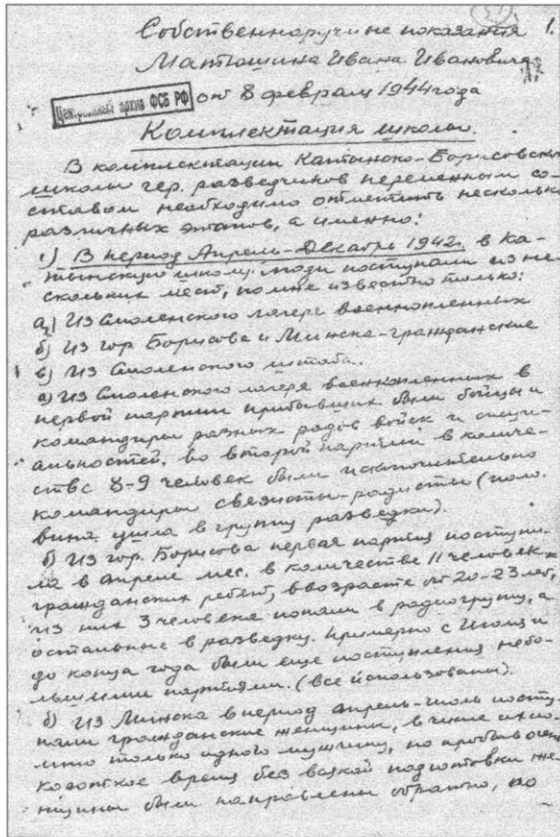
Справка № 489 от 24. 03. 44 г.

На наш запрос № 4/261 Москва сообщает, что "Меньшиков" является агентом Главного Управления контрразведки "Смерш", находясь в Борисовской школе, завербовал повара Матусевич Любовь Ефимовну, снабдил паролем для связи с нами ("СМЕРШ")...

24. 03. 44 г. № 5214 Бабич».

Более трех лет находился Александр Иванович Козлов в логове Абвера, балансируя на острие ножа. Обоснованный оперативный риск, незаурядное мастерство разведчика и верность долгу явились слагаемыми успешного выполнения им задания Центра. Против «Сатурна» работали многие разведгруппы

Собственноручные
показания
И. И. Матюшина.

ГУКР И УКР «СМЕРШ», НКГБ СССР и БССР, отдельные разведчики, однако никому из них не удалось занять столь высокое служебное положение, очень нужное для советской разведки, как А. Козлову. Он смог закрепить еще четырех агентов органов госбезопасности, выполнявших специальные задания. Всего же им была передана информация на 127 агентов немецкой разведки, подготовленных к переброске или заброшенных в наш армейский тыл. Бесценными, наряду с другими, стали эти сведения в ходе подготовки и проведения освободительной операции «Багратион» на белорусской земле.

Для подкрепления легенды Козлова и исключения возможности его разоблачения СД в ноябре 1943 года Центр пошел на довольно рискованную оперативную комбинацию. Решено было склонить к переходу на сторону разведывательно-диверсионной группы НКГБ БССР «Родные» давнего знакомого А. Козло-

СССР
Народный Комиссариат Государственной Безопасности

ОРДЕР № 2429

Выдан _____
государственной безопасности

тов. Бурина
на производство: Ареста и обыска

Матюшина
Иван Иванович

по адресу: По месту нахождения

 Бурина
М. П. Народный Комиссар
Государственной Безопасности
Менделеев Третий Отдел
НАГБ СССР

справка: _____ Арест санкционирован Прокурором СССР.
И. И. Матюшина

Ордер на арест
изменника Родина
И. И. Матюшина.

сдавшись в плен американцам, избежал Александр Козлов и ликвидации его абверовцами, как нежелательного свидетеля. После войны этот «американский эпизод» в его жизни дал основание МГБ СССР, взять разведчика под подозрение как потенциально-го агента ЦРУ. Жизнь Александра Ивановича стала складываться несладко. Вдобавок ко всему от него ушла жена – Вилкова, которая помогала ему в «Сатурне». К сожалению, его гулаговскую судьбу после войны разделили десятки разведчиков и агентов, имевших «несчастье» работать в глубоком вражеском тылу. В постановлении МГБ СССР от 1 июня 1949 года на основании которого был произведен необоснованный арест, говорилось: «Будучи начальником учебной части “Сатурна”, в своих лекциях Козлов высказывал резкие антисоветские суждения и запугивал агентуру репрессиями со стороны органов НКВД, в случае явки с повинной...». Можно подумать, что в абверовской школе ему надо было агитировать за Советскую власть, кричать: «Вперед, за Сталина!». Вполне возможно, что подобную «информацию» на Козлова «слили» тот же Фролов–Матюшин и ему подобные.

Незаслуженное наказание Александр Иванович Козлов отбывал в течение трех лет, затем был полностью реабилитирован по представлению КГБ СССР. Получил он и заслуженные во время войны награды – ордена Красного Знамени, Отечественной

ва – преподавателя радиодела в «Сатурне» Фролова–Матюшина. Фролов–Матюшин не только назвал места выброски и нахождения многих агентов в советском тылу, их фамилии и псевдонимы, но и рассказал о документах, которыми они снабжались. Впоследствии Абвер списал многочисленные провалы своей агентуры на его «предательство». Однако самого Фролова–Матюшина все это спасти от заслуженного возмездия уже никак не могло, так как немало советских военнопленных сгинуло в застенках СД по его доносам.

В апреле 1945 года в германском городке Бисмарк,

войны II степени. Козлову также было присвоено звание Почетного гражданина города Борисова...

Судьба же Матюшина завершилась вполне логичными для изменника и предателя девятью граммами свинца. Его дело пересматривалось дважды – в 1957 и 1989 годах. И вердикт Военного суда МВО неумолимо гласил: «Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 10 февраля 1945 г. в отношении Матюшина Ивана Ивановича оставить без изменения и признать Матюшина не подлежащим реабилитации». По-иному и не могло быть.

«Патриоты» из «дружины»

В годы оккупации Беларуси нацисты, дабы скрыть свои истинные цели, опутать ложью доверчивых и слабовольных людей, толкнуть их на путь предательства, прикрывали создание так называемых «добровольческих формирований» самыми различными патриотическими и националистическими вывесками. Комплектование подобных формирований осуществлялось в основном методами шантажа, террора, угроз ареста, насильственного угона в Германию или заложничества. И все это отнюдь не «сказки сталинских агитаторов», как кое-кому нынче хочется изобразить. Однако попадались и «идейные добровольцы».

Если говорить о так называемой «истории вопроса», то в директиве начальника генштаба Сухопутных войск генерала Ф. Гальдера от 16. 08. 1942 года все эти сформированные из советских граждан подразделения и части получали название восточных войск, а сами военнослужащие – «добровольцев». В директиве было выделено четыре группы таких «добровольцев»: желающие помогать (Хильфсвиллиге – Хиви) – это отдельные военнопленные и гражданская молодежь, служившие в германских частях на вспомогательных работах (возницы, шоферы, рабочие в мастерских, на кухнях и т. п.); полицейские команды (Шутцманншафтен, ордунгсдинст, хильфсполицай) – вспомогательная полиция немецкого военного и гражданского управления на оккупированной территории; охранные части (Зихерунгфербенде), предназначенные для борьбы с партизанами и охраны объектов тыла; боевые части (Кампффербенде) – военные формирования, предназначенные для ведения боевых действий против Красной Армии. В вермахте, кроме того, по линии Абвера создавались особые подразделения и части для пропагандистской, подрывной,

диверсионной, террористической и иной деятельности в тылу РККА. Немало советских граждан служило в спецформированиях и боевых частях СС (Шютцштаffelън). Многие из них и в настоящее время не подлежат реабилитации, поскольку такие преступления как предательство, кровь соотечественников на руках, измена Родине сроков давности не имеют.

«Охранные подразделения» и части вермахта из числа советских граждан стали формироваться уже с осени 1941 года. И к середине 1942 года в тылу группы армий «Центр», охватывавшей территории Беларуси и западных областей России, действовали два казачьих полка, два казачьих батальона и эскадрон, добровольческий полк, пять охранных батальонов, большое количество отдельных рот (они состояли наряду с казаками из военнопленных русских, белорусов, украинцев). Сюда же по распоряжению рейхсфюрера СС Гимmlера были переброшены для усиления антипартизанской борьбы украинские, литовские и латышские «охранные батальоны», оставившие длинный и немыслимый кровавый след на белорусской земле.

На оккупированной территории Беларуси с такими формированиями велась борьба. В том числе и борьба за умы заблудших, направленная на разложение «добровольческих» частей. В ходе ее опергруппам НКВД совместно с партизанами удавалось распропагандировать даже крупные формирования, обеспечив их переход на свою сторону в полном составе. Об этом, в частности, говорится в спецсообщении руководителя ОЧГ НКВД по БССР в НКВД СССР (сентябрь 1942 года): «...Действующая на территории Витебской области опергруппа (начальник группы Новиков) сообщает, что 18 августа с. г. из Осинторфа добровольно перешли в партизанскую бригаду Заслонова из созданной немецким командованием “Русской национальной народной армии” (батальон “Москва”) 80 человек.

В группу входят бывшие красноармейцы, возглавляемые ст. лейтенантом Максютиним. При переходе в партизанскую бригаду группа захватила с собой 3 миномета, 25 пулеметов, 5 автоматов, 50 винтовок и радиостанции с немецким кодом.

От участников группы получены разведывательные данные о работе гестапо по переброске десантных групп в наш тыл, а также данные о формировании немецким командованием национальной армии РОА».

В этом спецсообщении, правда, не указывалось, что всему этому предшествовала большая подготовительная работа, начатая тогда, когда в ОЧГ НКВД по Витебской области поступила

информация, что среди солдат РННА усилились антигерманские настроения, проявлялось нежелание быть карателями, начиналось брожение. Используя возникшую ситуацию, чекистам через агентов «Софью» и «Валю» удалось связаться с одним из командиров батальона «Москва» Максютиним, который дал согласие вывести свою роту к партизанам, что он и сделал 18 августа 1942 года. Впоследствии М. П. Максютин принимал активное участие в белорусском партизанском движении и героически погиб в 1943 году в бою на территории Минской области.

Другая история, о которой пойдет речь, начиналась в конце апреля 1942 года, когда внешней разведке стало известно, что в районе города Сувалки в лагере военнопленных по заданию нацистов создан так называемый «Боевой союз русских националистов». Возглавил его, как выяснилось, не кто-нибудь, а бывший начальник штаба 29-й стрелковой дивизии Красной Армии подполковник В. В. Гиль. Будучи «истинными арийцами», нацисты сочли, что эта фамилия имеет не совсем русское происхождение, а потому может быть не привлекательной для русских, порекомендовали ему сделать к ней более благозвучный, по их мнению, «довесок» – Родионов.

А дальше все пошло по накатанному сценарию. Гиль–Родионов окончил в местечке Дабендорф, что близ Берлина, особо «привилегированную» диверсионно-разведывательную школу. После чего ему и его ближайшим помощникам было поручено вовлекать в свежеепеченный «Союз» морально неустойчивых военнопленных, имея целью в дальнейшем создать из них так называемую «дружину» для борьбы с партизанами. К осени 1942 года нацистам и предателям-пособникам угрозами, подкупом и другими мерами воздействия удалось загнать в «Союз» около 500 человек и сформировать желаемую «дружину». Пополненная полицией, она в октябре вместе с частями СС и СД была переброшена в Могилевскую область для проведения карательной операции против местных партизан. После ее бесславногo провала формирования СС и СД были из партизанских районов отозваны, а вот «дружина» Гиль–Родионова там осталась.

Учитывая тот факт, что партизанское движение продолжало неуклонно расширяться и находило поддержку у местного населения, в особом приказе рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Г. Гимmlера от 31 июля 1942 года, который был руководством к действию и для «русской дружины» СС, указывалось: «По психологическим причинам впредь запрещено использовать слово “партизан”, введенное в обиход большевиками и так

В. В. Гиль-Родионов.
Довоенное фото из личного дела.

Бывший генерал-лейтенант
РККА А. А. Власов.

ими обожаемое. Для нас они не бойцы и не солдаты, а бандиты и уголовные преступники. Отделить этих коварных убийц от спокойного и мирного населения и тем самым лишить их какой-либо поддержки – вот важнейшее условие для их уничтожения...». Роль таких «отделителей» должны были играть и «родионовцы».

Разведотдел БШПД и чекисты, зная, что «дружина» состоит в основном из людей, обманутых и запуганных оккупантами, дали задание командованию партизанских бригад установить связь с «дружинниками» и с помощью активной агитационной и информационной работы помочь им, пока еще не поздно, одуматься. В их расположение начали забрасываться советские газеты и антифашистские листовки. Вскоре появились и первые перебежчики. Боясь, что процесс разложения охватит весь личный состав, нацисты срочно перебросили «дружину» в тогдашнюю Вилейскую область Беларуси. Здесь к ней была присоединена другая «дружина», возглавлявшаяся предателем А. Э. Блажевичем. Новое формирование стало именоваться «1-м русским национальным полком СС». Командиром полка был назначен Гиль-Родионов, зарекомендовавший к тому времени от нацистов два «Железных креста» и звание полковника. Начальником штаба стал Блажевич, ведавший и делами ГФП (тайной полевой полиции), начальником контрразведки – еще один изменник С. Ф. Богданов.

Гитлеровцы имели большие виды на этот полк, рассматривая его как военную основу так называемого «Русского комитета», созданного в Берлине советским генералом-предателем А. А. Власовым. В розыскных ориентировках НКВД он проходил под кличкой «Ворон» и подлежал немедленному аресту в случае обнаружения. Теперь и его кое-кто из новоявленных «исследователей» безуспешно пытается причислить к «безвинно погибшим советским разведчикам» (!?). Надо ж додуматься...

Весной 1943 года с инспекционным «визитом» в том полку побывал и сам Власов, после чего было решено сформировать на его базе бригаду «Русской освободительной армии» с дислокацией ее в железнодорожном поселке Докшицы, что в 150 километрах севернее Минска. У нее появилось даже свое «знамя» – огромное черное бархатное полотнище с изображением «Адамовой головы» золотистого цвета. Как и было заведено у оккупантов, преданность им «родионовцам» нужно было доказывать пролитием крови своих же соотечественников. И они старались. Подразделения «1-й русской национальной бригады СС» Гиль–Родионова, осуществляя карательные операции против партизан, безжалостно грабили и убивали местное население, сжигали села, жители которых помогали партизанам. Если исходить из «просвещенного» мнения некоторых «исследователей», все это и было «глубоким разведывательным прикрытием» агента «сталинской спецразведки» генерала-изменника А. А. Власова. Редким циником надо быть, чтобы рассуждать подобным образом.

Однако расчеты нацистов на то, что в борьбе с партизанами бригада получит хорошую «закалку», не оправдались. Да и положение на советско-германском фронте неотвратимо менялось уже не в пользу III рейха. Моральный дух у личного состава был низкий, многие солдаты не одобряли действий своего командования и выражали готовность перейти к партизанам, побаиваясь, однако, что будут расстреляны за участие в карательных экспедициях.

Учитывая это, БШПД предложил партизанским соединениям Минской, Могилевской, Витебской и Вилейской областей усилить совместную со спецгруппами НКВД работу по окончательному разложению бригады Гиль–Родионова. Требовалось всеми способами разъяснить ее личному составу, что солдаты и офицеры, добровольно перешедшие на сторону партизан, не будут подвергаться никаким репрессиям. Разведывательные органы партизанских формирований забрасывали в бригаду де-

СОВ. СЕКРЕТНО
ФРЗ. № 2

Дело 16
Стр. 130

★
НКО
ОБЩЕЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-РАЗВЕДКИ
«СМЕРШ»
М В С 194 5
МОСКВА

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ТОВАРИЩУ Л.П. БЕРИЕ

По сообщению Управления "СМЕРШ" 1-го Украинского фронта 12 мая с.г. в районе гор.Прага задержан предатель ВЛАСОВ, который на автомашине направлялся в сторону союзников.

По предложению командира 25 танкового корпуса генерал-майора ФОМИНЫХ, ВЛАСОВ отдал приказ своим солдатам о переходе на сторону Красной Армии. Вчера же нашим войскам удалось дивизия в количестве 10 тысяч человек.

Испол дано указание Начальнику Управления "СМЕРШ" 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанту ОСЕТРОВУ доставить ВЛАСОВА под усиленной охраной в Главное Управление "СМЕРШ".

В. Абакумов
АБАКУМОВ

Ориентировка
ГУКР «СМЕРШ»
НКО СССР
о задержании
А. Власова (Ворона).

сятки подготовленных разведчиков именно для разложенческой работы. Кроме того, под различными предложениями чаще стали встречаться с «родионовцами», проникать в их подразделения партизанские агитаторы, подпольщики. Широкие контакты с антифашистски настроенными подчиненными Гиль-Родионова установили бригады «Дяди Коли» (спецгруппа НКГБ СССР «Бывалые»), «Железняк» Минской области, а также Дубова и имени Чапаева Витебской области. В результате этой работы на сторону партизан стали переходить целые подразделения полицейской бригады. Из них вскоре был создан специальный отряд, который начал сражаться против оккупантов вместе с партизанами. Это еще более ускорило процесс разложения бригады. Партизанские разведчики доставляли в гарнизоны противника листовки и письма бывших полицейских, которые оказывали деморализующее воздействие на «друзей».

Опекавший «дружину» оберштурмбанфюрер СС Апель с тревогой докладывал своему руководству: «...«Дружина» развилась в таком направлении, которое свойственно рус-

ским при их мании к величию. В то же время замечено возрастающее недовольство, направленное против Германии... Активисты «Дружины» находятся под влиянием празднотающихся по лагерю русских, они ведут свободную жизнь бандитов, пьют и едят вдоволь и совсем не думают о предстоящей деятельности «Дружины». Такое положение создает опасность для политики империи».

Развал искусственно созданного полицейского формирования становился все очевиднее. Чувствуя это, командование бригады стало принимать жесткие меры по укреплению дисциплины вплоть до расстрела виновных по приказу самого Гиль-Родионова. И тогда представители партизанской разведки начали прямые переговоры о переходе полицейской бригады СС к партизанам в полном составе. Естественно, под конкретные гарантии. Первая встреча с «родионовцами» состоялась в начале августа. На нее пришел начальник контрразведки бригады изменник Богданов. Однако переговоры положительных результатов не дали. Богданов хитрил, стараясь выведать планы партизан и затянуть время, давая весьма туманные обещания. Вот тогда и наступил черед активных мероприятий. Через партизанскую агентуру Абверу был передан документ, компрометировавший Гиль-Родионова. В германской спецслужбе документу поверили, Гилю был дан приказ сдать командование бригадой и срочно прибыть на «рандеву» в Минск. Это обстоятельство самым решительным образом повлияло на дальнейшее развитие событий в ходе операции.

Уже 10 августа на переговоры с партизанским командованием примчался сам Гиль-Родионов. Он безоговорочно принял объявленные ему условия перехода полицейской бригады на сторону партизан. А сводились они к следующему: бригада в полном составе, с вооружением, запасами боеприпасов и других материальных средств поступает в подчинение командования партизанского соединения и сразу же начинает активные боевые действия против оккупантов; командование полицейской бригады доставляет и передает в распоряжение партизанского штаба для предания суду начальника контрразведки Богданова и хауптштурмфюрера СС графа Мирского, а с остальными гитлеровцами поступает по своему усмотрению. При соблюдении всех этих требований командование партизанского соединения обещало сохранить жизнь всем солдатам и офицерам-эсэсовцам РОА и предоставить им возможность в боях с врагом искупить свою вину перед Родиной.

Генерал-предатель
А. А. Власов
среди «соратников»
по СС и РОА.

«Бойцы» РОА
(русской
освободительной
армии) **Власова**
во время отдыха
на белорусской
земле.

Спустя два дня Гиль–Родионов поднял подчиненных по тревоге, приказал уничтожить немецких офицеров–эсэсовцев и с полным вооружением привел бригаду, насчитывающую более 2000 человек, к партизанам. Еще «тепленькими» командованию партизанской бригады «Железняк» были переданы изменник Богданов, Мирский и другие эсэсовцы, которые незамедлительно были отправлены самолетом в Москву. По окончании войны по приговору военного трибунала все они получили свои заслуженные девять грамм свинца.

А бывшая власовская бригада СС была переименована в 1-ю антифашистскую партизанскую бригаду. Командиром ее остался Гиль–Родионов, а комиссаром был назначен И. М. Тимчук. Личный состав 1-й антифашистской бригады стойко сражался с оккупантами в Полоцко–Лепельской зоне вплоть до полного освобождения Беларуси. Опытным командиром показал себя в

партизанской борьбе и Гиль–Родионов, награжденный, кстати, орденом Красной Звезды. Но 14 мая 1944 года в одном из боев с фашистами в районе поселка Ушачи он погиб. Сейчас можно, конечно, по-разному оценивать поступки и практические действия Гиль–Родионова. Однако при всех «за» и «против» патриотом своего Отечества он, по большому счету, не был.

Проведенная же совместная операция имела большое значение, поскольку стала серьезным ударом по дальнейшим планам гитлеровцев. Она окончательно подорвала доверие нацистов к руководителям аналогичных «добровольческих» полицейских частей и положила конец попыткам создания подобного рода формирований.

В 1943 году в результате успешной разложенческой работы из «добровольческих» частей противника начался массовый переход их «воинства» на сторону партизан. Вследствие этого нацистское командование начало разоружать многие «добровольческие» формирования, ссылать их в концлагеря, направлять на оборонительные работы или передислоцировать в другие районы, в том числе и в другие страны...

Командир отряда «Богатыри»

Накануне очередной заброски в тыл противника – это произошло в первых числах января 1944 года – Александра Никитича Шихова пригласил командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский. Он представил разведчика своим заместителям как своего старого знакомого. Прославленный к тому времени полководец, прошедший до войны по клеветническому доносу весь ад сталинских тюрем, высоко оценил прошлую операцию Шихова под Гомелем, когда тот, будучи командиром спецгруппы НКВД СССР «Почин», добыл и передал в штаб фронта ряд ценных сведений о противнике, взорвав впридачу еще и не-

Герой Советского Союза

П. Г. Лопатин.

Командир спецгруппы

НКГБ СССР

«Бывалые».

сколько железнодорожных мостов. Этот крепкий, хорошо сложенный старший лейтенант госбезопасности в маскировочном халате, с автоматом в руках и гранатами на поясе в случае опасности действовал быстро и решительно. Знаний и опыта уже хватало. За время службы Шихов изучил с десятков военных специальностей, необходимых разведчику.

И в целом Военные советы фронтов давали высокую оценку деятельности оперативных групп чекистов на вражеских коммуникациях. Тот же командующий Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский в телеграмме Наркомату госбезопасности СССР от 24 декабря 1943 года писал: «Учитывая успешную работу в тылу врага спецотрядов органов госбезопасности, оказавших существенную помощь фронту в деле разрушения Унечского и Гомельского железнодорожных узлов противника, мы просим оказать дальнейшую помощь Белорусскому фронту посылкой диверсионно-разведывательных отрядов для воздействия на перевозки путем разрушения основных железнодорожных коммуникаций в тылу противника. Для фронта актуальной задачей является также получение разведывательных данных о мероприятиях и действиях противника в районах Минска, Бобруйска, Пинска, железнодорожных станций Старушка и Лунинец».

Предстоящий рейд в тыл врага вызывал у командира спецотряда НКГБ СССР «Богатыри» Шихова некоторые опасения из-за сложности задач. Ведь необходимо было действовать на территории Минской, Пинской и Барановичской областей. Константин Константинович подвел его к оперативной карте с нанесенной обстановкой.

– На этот раз для действий вашего спецотряда отводится, чуть ли не весь полесский край! – Командующий фронтом показал его очертания. – Сможете выполнить такую задачу?

– Постараемся, товарищ генерал, – заверил Шихов и добавил: – По крайней мере, приложим все силы.

– А вот в этом я и не сомневаюсь, – улыбнулся командующий и крепко пожал руку Александру Никитичу.

В состав спецотряда вместе с Шиховым входили четыре офицера, 12 сержантов и 30 рядовых. Не много, но не числом, а умением предстояло им решать задачи чрезвычайной важности в тылу врага. И, как показало время, недаром спецотряду дали название «Богатыри».

Линию фронта пересекали пешим порядком с помощью военной разведки. Густые белорусские леса, как всегда, надежно их укрыли. Базой для стоянки спецотряда Шихов избрал глухую

деревушку Чудин на территории Ганцевичского района. К тому же находилась она в центре предполагаемого района действий. В тот же день командир «Богатырей» передал в центр шифротелеграмму: «Прибыл на место без потерь. Приступаю к выполнению задания».

Как опытный разведчик Шихов прекрасно понимал, что без опоры на местное население их миссия маловыполнима. Но как подойти к людям, живущим на земле, где несколько лет лютуют нацисты? Не сразу открывались души загнанных в угол полешуков. Несколько бойцов во главе с заместителем командира по разведке майором Викторовым отправились по селам и хуторам, распространяя среди местных жителей сводки Совинформбюро, правду о положении на фронте и на «Большой земле». Население начало отвечать бойцам взаимным доверием и открытостью. Еще более существенную помощь оказали местные партизаны. Именно с их помощью были установлены связи с патриотами, работавшими на железной дороге, в городской управе и других местах. К примеру, война на рельсах стала заметно результативней, когда у разведчиков появились свои «глаза» и «уши» среди путейцев. Это были обходчики, стрелочники, диспетчеры, телеграфисты, ремонтники. Именно они передавали Шихову сообщения о следовании вражеских эшелонов с живой силой и техникой. Бывали случаи, когда железнодорожники шли на диверсию вместе с чекистами.

Однажды обходчик Вацлав Пробинский прибежал сам, чтобы сообщить важную новость.

– Ты с чем Вацлав? – спросил его подрывник Филипп Безруков.

– На станцию Люсино фашистский бронепоезд прибыл, – задыхаясь от быстрого бега, сообщил связной.

Подзадумались подрывники над тем, как взорвать бронированную махину. Ведь она не только укрыта тяжелыми стальными листами, но и вооружена пулеметами, пушками. С кондачка не возьмешь, нужна хитрость. С самого начала решили увеличить вес заряда до 20 килограммов и поставить не один, а два таких фугаса. Но где и как настигнуть бронепоезд? Он же по расписанию не ходит.

На помощь пришли местные подпольщики. За бронепоездом на станции было установлено круглосуточное наблюдение. Чтобы у охраны не вызывать подозрения, это делали подростки и женщины. Они подходили к поезду, предлагая продукты, молоко, ягоды. Наконец, поступило известие: бронепоезд раз-

водит пары. А еще через час стало известно, в какую сторону отправится бронированная громада. Тогда-то, в 10 километрах от станции, подрывники спешно уложили свои заряды. Взрыв был настолько большой силы, что сбросил с насыпи паровоз с двумя тендерами и вагоны с орудиями.

Наряду с диверсиями, отряд Шихова вел визуальную разведку мест дислокации вражеских аэродромов, баз с горючим, складов с боеприпасами, фиксировал перемещение войск. Добывать эти сведения помогали учительницы Кристина Гавриловна Плевако и Анна Артемовна Сечко.

– Под Слуцком у фашистов большой аэродром! – сообщила однажды Кристина Гавриловна.

Анна Сечко выяснила, что именно с этого аэродрома фашисты совершают разведывательные полеты, стартуют на бомбардировку наших прифронтовых городов и железнодорожных узлов. И снова в штаб фронта полетела шифровка. В ту же ночь советская авиация успешно отбомбилась по аэродрому и другим целям. При этом большая часть германских самолетов была уничтожена еще на земле.

Нацисты не на шутку встревожились, кто так дерзко проводит диверсии. Вскоре им все же удалось нащупать базу чекистов в деревне Чудин, и они организовали карательную операцию. Но добиться скрытности им так и не удалось. Сначала к Шихову примчался гонец из соседнего партизанского отряда:

– Командир послал сказать, что по дороге к вашему штабу фашисты идут!

Следом за ним появился велосипедист – связной от подполья. Лесными тропками он опередил карателей и успел предупредить об опасности. С помощью двух соседних отрядов атака карателей была отбита.

Когда карательная операция провалилась, нацисты попытались заслать в отряд своего шпиона. Тот вышел прямо на часовых и во время допросов у Шихова представился бойцом одного из соседних отрядов. Довольно убедительно выглядела и причина его ухода из отряда. Однако и на этот раз интуиция и профессионализм не изменили Шихову. Первые же допросы зародили сомнения, а потом переросли в уверенность, что боец – отнюдь не нашего фронта. Так и оказалось: «партизан» согласно легенде имел задание внедриться в советскую разведку.

Более сорока эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами уничтожил зимой, весной и летом 1944 года отряд старшего лейтенанта Шихова. Десятки раз по его сведениям под-

нимались в воздух самолеты, громившие вражеские аэродромы, склады с топливом и боеприпасами, выведившие из строя транспортные узлы. Много славных боевых дел в интересах фронта, освобождавшего Беларусь, совершил спецотряд НКГБ СССР «Богатыри». И за каждым подвигом стоял его опытный командир – профессионал Александр Никитич Шихов. Это он своей энергией и личным примером вдохновлял своих бойцов, учил не бояться противника, а из любой ситуации по-суворовски выходить победителем. Отряд сумел вы-

А. Н. Шихов.

полнить поставленные перед ним задачи. Все бойцы и командиры, ходившие в рейд, были награждены орденами и медалями...

Из наградного листа от 19 августа 1944 года на командира отряда особого назначения старшего лейтенанта А. Н. Шихова за подписью начальника 4-го управления НКГБ СССР П. А. Судоплатова: «...В дни Великой Отечественной войны Шихов А. Н. 17 ноября 1941 года добровольно вступил в войска особой группы НКВД СССР.

В составе отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, а затем отдельного отряда особого назначения НКГБ СССР участвовал в действующей Армии с 10 октября 1941 г. в обороне Москвы. В 1943 г. т. Шихов, командуя спецотрядом, действовавшим с 29 мая по 25 сентября 1943 г. в тылу врага на направлении Центрального фронта в Гомельском районе БССР, проявил себя умелым, мужественным и бесстрашным командиром. За это время диверсионные группы отряда под его руководством подорвали на железнодорожных линиях Гомель–Макошино и Гомель–Брянск 13 воинских эшелонов с живой силой, боеприпасами, продовольствием и военной техникой противника. При этом было уничтожено и повреждено 13 паровозов и 173 вагона.

При крушениях и в боевых столкновениях с частями противника отрядом уничтожено 1650 немецких солдат и офице-

ров, в том числе несколько предателей, бургомистров и полицейских.

Отряд потерял из своего состава 7 человек убитыми.

В результате успешных диверсионных действий на коммуникациях противника в районе Гомельского железнодорожного узла движение воинских эшелонов в сторону фронта на линиях Гомель–Брянск и Гомель–Макошино было нарушено в течение трех с половиной месяцев.

Был вторично отослан в тыл врага в направлении 1 Белорусского фронта в Полесскую и Барановичскую области БССР, т. Шихов, командуя спецотрядом, за время с 17 января по 1 июля 1944 г. со своими диверсионными группами подорвал на железнодорожных Минск–Барановичи и Барановичи–Лунинец 42 воинских эшелона с живой силой, боевой техникой, продовольствием, горючим и один бронепоезд противника. В результате крушений уничтожено и повреждено 47 паровозов и 347 вагонов. При этом убито и ранено 2376 солдат и офицеров противника.

В результате диверсий на шоссейных и грунтовых дорогах Полесья и в районе г. Барановичи подорвано 9 грузовых автомобилей, 2 танка, 2 орудия и один мост.

За это время отряд выдержал 11 боевых столкновений с противником, уничтожив в боях 74 солдата и офицера противника и потеряв со своей стороны только 2 человека.

Кроме того, отрядом Шихова проведена большая разведывательная работа по установлению численности, концентрации, оснащения и передвижений войск противника и передаче этих данных в Центр и командованию 1 Белорусского фронта. За отличные боевые действия на фронте и в тылу врага и проявленные при этом доблесть, мужество и героизм Шихов А. Н. достоин представления к званию Героя Советского Союза».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года командиру «Богатырей» А. Н. Шихову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Третья глава

In the name of the Soviet High Command
in aid of the German Order Police (GDP)
in the so-called "East" zone of Germany,
the Higher Command, Allied Representative Force
and the Soviet High Command will take such actions
as may appear to be most appropriate.

ORDER NO. 10000 of 1941 in the 7th day of May, 1941
Paris.

In behalf of the Soviet High Command

only this text in English is authoritative

LETTER TO GERMAN SOLDIERS

1. In the underground, working by authority
of the Soviet High Command, hereby we hereby
unconditionally to the German Commander, Allied
Representative Force and simultaneously to the
Soviet High Command all forces on land, sea, and in
the air the are at this time in the enemy zones named.
2. The Soviet High Command will at once
issue orders to all German military, naval and
air units and to all German Order Police
named in these orders immediately to 2000 hours
Central European time on 9 May, and to
remain at the positions assigned at that time. No
ships, vessels, or aircraft are to be sunk, or any
damage done to their hull, motor, or equipment.
3. The Soviet High Command will at once
issue to the appropriate command, and ensure
the carrying out of any further orders issued by
the Higher Command, Allied Representative Force
and by the Soviet High Command.
4. This act of military surrender is without
prejudice to, and will be regarded by any
general increase of surrender issued by, or
in behalf of the United Nations and applicable
to GERMANY and the German armed forces as a whole.

ACHTUNG! ВНИМАНИЕ!
NIMM DICH
IN ACHT
PARTISANEN!
БЕРЕГИСЬ
ПАРТИЗАН!

КЛИН КЛИНОМ ВЫШИБАЛИ...

В ответ на тотальный характер деятельности спецслужб Германии по массовой засылке шпионов и диверсантов в партизанские отряды на оккупированной территории Беларуси советские органы госбезопасности усилили меры, направленные на укрепление органов разведки и контрразведки. Кадры для этой работы черпались из числа сотрудников оперативных отрядов и групп, уже получивших соответствующий опыт. В частности, только в партизанских отрядах работали более 60 человек оперсостава. Лишь с мая 1942 по январь 1943 года на участке действий бригады М. Я. Бирюлина им удалось выявить и разоблачить более ста гитлеровских шпионов.

В апреле 1942 года в Катинскую разведшколу Абвера успешно были внедрены агенты «Ася» и «Люся», которым удалось добыть информацию о ее преподавательском составе, программе обучения, приметах и районе заброски будущих шпионов. В ходе тщательного изучения всех работающих в школе, им удалось выйти на тех, кто мог стать ценным источником информации. Были завербованы «Горев» – переводчик абверкоманды, дислоцировавшейся в г. Бобруйске, который добывал сведения об агентуре противника и помог предотвратить провал нескольких подпольщиков.

Успешная оперативная комбинация была осуществлена и чекистами спецгруппы «Родные». От агента «Зоя» были получены сведения о том, что в Минск из Берлина прибыла группа пропагандистов «Русской освободительной армии» (РОА), в составе которой был ее брат. От него «Зое» стало известно, что часть бывших военнопленных, членов РОА, прошла разведывательную подготовку. «Зое» удалось склонить брата к сотрудничеству со спецгруппой, в результате чего представилась возможность получить базовые данные о тех, кто прошел школы Абвера. Только из одного источника – руководителя разведшколы – ею были получены сведения о 30 радистах, их псевдонимах, местах выброски.

В разных условиях и обстоятельствах, в ходе долгой и напряженной работы чекистам удавалось внедрять свою агентуру и в спецслужбы противника. В частности, в течение длительного времени руководство спецгруппы «Боевой» искало подходы к полиции безопасности и СД в г. Молодечно. Наконец, в результате многоходовой оперативной комбинации агенту группы «Жуку» удалось проникнуть в это подразделение и получить данные на 12 гитлеровских агентов. Не менее успешно была осуществлена «подстава» и в ряды агентуры полиции безопасности и СД в г. Вилейке, куда успешно внедрился агент «Маляров», добывший сведения на 39 предателей.

Спецгруппой «Бывалые» был склонен на свою сторону сотрудник разведывательного отряда штаба военно-воздушных сил Центрального фронта германской армии Карл Круг. Это он сообщил о предполагаемом наступлении немцев в районе Орловско-Курской дуги, дислокации 32 аэродромов, системе их противовоздушной обороны, расположении складов с авиабомбами и другие сведения. Круг был доставлен самолетом в Москву.

Успехи действующей армии в летней кампании 1943 года вызвали активизацию боевых действий партизан, быстрый рост партизанского движения в целом. Все это требовало усиления разведывательно-диверсионной и боевой деятельности в тылу противника, дальнейшего укрепления взаимодействия органов госбезопасности и Белорусского штаба партизанского движения, партизанских соединений и спецгрупп НКГБ, действовавших на оккупированной территории. С учетом этого к концу 1943 года в тылу противника были созданы оперативно-чекистские центры в Витебской, Минской, Гомельской, Могилевской, Полесской, Вилейской, Барановичской, Пинской и Брестской областях, а в начале 1944 года – и в Белостокской области.

Несмотря на жесточайший оккупационный режим, массовые карательные акции, репрессии среди мирного населения и широкомасштабное использование гитлеровцами шпионов, террористов и диверсантов, добиться реального преимущества в борьбе с оперативными группами и отрядами органов госбезопасности СССР и БССР, а тем более ликвидировать всенародное белорусское партизанское движение им не удалось. У спецслужб оккупантов не получилось осуществить и сколько-нибудь эффективных контрмероприятий по внедрению своей агентуры в органы госбезопасности.

В целом, в 1943–1944 годах органами госбезопасности Беларуси были выявлены и взяты на учет 33 вражеских резиден-

туры и 6109 агентов противника. Это сыграло важную роль и в борьбе с бандитским подпольем в послевоенный период.

Во время войны получили фронтовой и партизанский опыт будущие руководители подразделений центрального аппарата внешней разведки СССР – уроженцы белорусской земли. Это Ю. И. Дроздов – впоследствии начальник Управления «С» 1-го Главного управления (ПГУ) КГБ СССР, И. П. Дедюля – руководитель резидентур ПГУ в Вене, Израиле, Польше. Позже Иван Прохорович Дедюля отмечал: «Наилучших результатов достигает в работе тот разведчик, который аккумулирует в себе качества политика, ученого, дипломата, психолога, аналитика и напористость командира ударной группы фронтового подразделения». А опыт – фронтовой и партизанский – у самого И. П. Дедюли был отменный. Контрразведка в отряде «Смерть фашизму», воевавшем в Минской области, где он был комиссаром, действовала почти без сбоев.

О той поре Иван Прохорович говорил: «Сейчас события военных лет часто пересматриваются, история освобождается от наносного. Но зачем же придумывать мифы, будто все партизанское движение насаждалось из Центра? И что во главе и в составе отрядов якобы были сплошные кадровые чекисты, силой сгонявшие в леса местных жителей?! Да не будь партизанское движение воистину всенародным, никакие забрасывавшиеся в Беларусь группы НКВД, ГРУ не имели бы поддержки. Наоборот, мы далеко не всегда могли принять всех желающих в отряды – не хватало оружия, боеприпасов. И уговаривал я многих, мол, идите, друзья, пашите, бульбу выращивайте. Сами кормитесь, да и нам продовольствие, по возможности, подбрасывайте! Эти люди становились у нас “партизанами-негласниками”.

А вот без бдительности и контрразведки никак нельзя было. И опыта набирались мы, можно сказать, на ходу. Когда отряд вырос до 600 человек, то в каждой из трех рот был свой, выращенный на месте уполномоченный особого отдела. Абвер несколько раз пытался забрасывать в отряд своих агентов, причем с одинаковой легендой – “спасаюсь от немцев и воевать хочу”. На каждого “новобранца” сразу же “клали глаз”, изучали. Смотрели, как делом доказывает, что настоящим бойцом-патриотом является.

Получали сигналы из Борисова, других мест, что Абвер засылал к нам диверсантов с задачей подбросить отраву в пищу или же уничтожить командование отряда. Разоблачили нескольких. Но никакого самосуда не учиняли. Вели следствие, затем докладывали в Центр. Если приговор утверждался, он приводился в исполнение...».

«Берегись партизан!»
Немецкий плакат
времен оккупации
Беларуси.

О значительном количестве внедрившихся в партизанские отряды агентов противника свидетельствуют сведения, переданные в Центр 10 июня 1943 года, о работе специальных школ Абвера в Бобруйске, Минске, Слуцке. Заместитель командира спецгруппы «Храбрецы» по разведке И. П. Бабаевский радировал по этому поводу: «Засылка агентов противника настолько велика, что только по одному Минскому партизанскому соединению за май сего года расстреляны после расследования 40 агентов, а 15 несовершеннолетних отпущены. Из допроса этой агентуры известны места расположения школ. В школах большое значение придается идеологической обработке».

В 1943 году, в момент наибольшей активности нацистских служб, советские спецгруппы, действовавшие в Беларуси, передали органам военной контрразведки сведения о 1260 агентах, засланных противником в войска действующей армии. Эта информация содействовала их розыску, аресту, а также перевербовке и ведению оперативных игр с противником.

Успешно выполняли задания на оккупированной территории Беларуси оперативные группы, возглавляемые сотрудниками госбе-

А. П. Максименко.

зопасности Д. М. Армяниновым, К. Н. Груздевым, А. Н. Дроздовым, И. А. Жолобовым, А. П. Максименко, В. И. Пудиним, А. И. Селянкиным, В. М. Литвинским, Т. Е. Ульяновым, Ф. Ф. Хвесько и многими другими. Особый талант организатора и практика раскрылся в годы войны у одного из самых именитых чекистов-разведчиков Алексея Петровича Максименко.

Судьба его складывалась поначалу, как и у многих других его сослуживцы. С 1925 года – в органах госбезопасности. В предвоенные годы возглавлял Полоцкое, а затем Оршанское городские отделы НКГБ. В феврале 1942 года

организовал оперативную группу НКВД, действовавшую в Витебском районе, а в ноябре получил новое назначение: Алексей Петрович был направлен в Оршанскую зону для налаживания разведывательной работы в партизанских бригадах. Выполняя это важное задание, А.П. Максименко оказал существенную помощь командирам партизанских бригад Железняк, Дубова, Лобанка, Леонова, Алексея, Кириллова, Гудкова, Нарчука, 1-й Богушевской, имени Заслонова и 1-й Витебской в подборе их заместителей по разведке и в налаживании разведывательной работы в этих бригадах. Затем он был назначен заместителем командира по разведке бригады Заслонова, одновременно являясь заместителем начальника оперативно-чекистской группы (ОЧГ) НКВД БССР по Витебской области. В решающем 1943 году по указанию НКГБ БССР Алексей Петрович создал и возглавил чекистскую спецгруппу «Неуловимые», состоящую из пяти межрайонных разведгрупп. В результате безупречно организованной разведывательной работы в партизанских бригадах и межрайонных группах «Неуловимые» получали сведения о противнике со всей территории Витебской области, которые радист В. И. Вынаев своевременно передавал в Центр. Боевыми друзьями и соратниками А. П. Максименко были А. П. Солодкий и П. В. Строгов.

А. П. Максименко – единственный из чекистов Беларуси, удостоенный ордена Кутузова за получение новых образцов

вооружения и умелое проникновение в спецслужбы Германии. Кстати, согласно Положению, этим орденом могли награждаться лишь военачальники, успешно осуществившие операции в масштабах фронта или армии. Значит, таким было и значение той работы, которую осуществил Алексей Петрович.

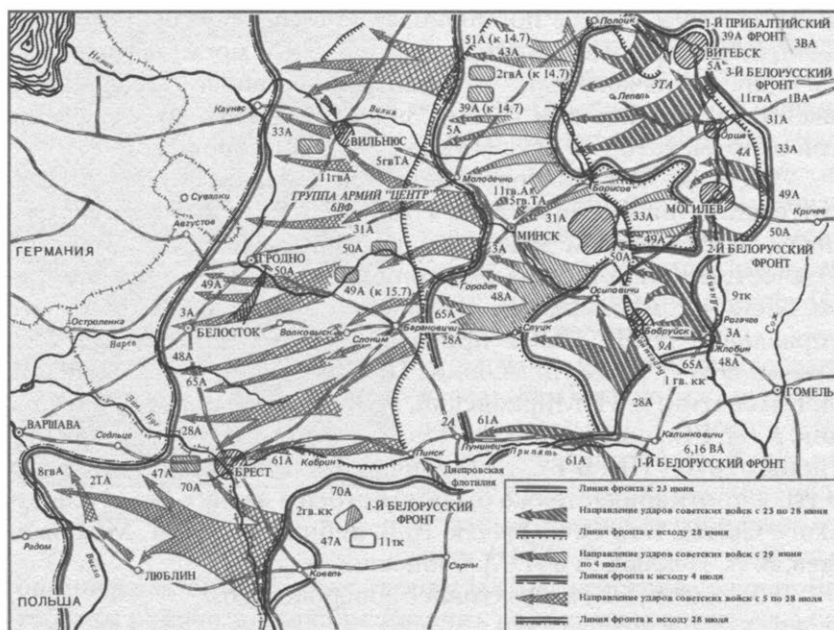
Всего же на территории Беларуси действовали более трехсот спецгрупп и спецотрядов НКГБ БССР и СССР. За заслуги перед Отечеством и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси, восемью командирам спецотрядов и оперативных групп 4-го управления НКВД СССР присвоено звание Героя Советского Союза. Это С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский, Б. А. Галушкин, П. Г. Лопатин, Е. И. Мирковский, Ф. Ф. Озмитель, М. С. Прудников, А. Н. Шихов. Еще пять руководителей спецотрядов и оперативных групп НКГБ БССР, героически и отважно действовавших в тылу противника, также были удостоены звания Героя Советского Союза. Это О. С. Бычек, Н. В. Зебницкий, Н. А. Михайлашев, В. А. Неклюдов и А. М. Рабцевич.

Их «клин» был эффективнее абверовского.

Глаза и уши «Багратиона»

Подготовка и проведение наступательной операции «Багратион» тоже проходили в тесном взаимодействии войск со спецгруппами НКГБ БССР, «СМЕРШем», а также белорусскими партизанами, которые оказывали всестороннее содействие основным силам. В связи с этим от всех видов разведки требовались координация, оперативность и динамизм в работе в интересах действующей армии. Оперативно-чекистские центры в Витебской, Минской, Могилевской, Полесской, Вилейской, Брестской, Пинской и Белостокской областях руководили разведывательно-диверсионной работой групп и отрядов особого назначения, осуществляли связь на местах между чекистскими подразделениями и командованием партизанских соединений. Органы военной контрразведки фронтов тоже продолжали давать военному командованию ценную информацию, в том числе полученную службой радиоперехвата и в ходе радиоигр.

В этот период общими усилиями на оккупированной территории Беларуси была выявлена дислокация 222 дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых складов и баз снабжения, в том числе 108 складов с боеприпасами, 58 с горючим, 36 про-

Наступательные операции советских войск 1944 года.

довольственных, 20 химических. Постоянно осуществлялось наблюдение более чем за 20 крупными авиабазами.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) для операции «Багратион» на 1944 год предполагал: глубокими ударами четырех фронтов прорвать оборону противника на шести направлениях, окружить и уничтожить группировки врага на флангах белорусского выступа (в районе Витебска и Бобруйска) и затем, наступая по сходящимся направлениям на Минск, окружить и ликвидировать восточнее столицы Беларуси главные силы группы армий «Центр». Участие многочисленных сил партизан рассматривалось как фактор оперативного и стратегического значения. На оккупированной территории к концу 1943 года действовали 14 партизанских объединений, в их составе сражались 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью 143 000 человек. Кроме того, в борьбе участвовали 60 000 подпольщиков. Партизаны также имели около 200 000 подготовленных человек в резервах, которые частично привлекались к вооруженной борьбе. Ставкой ВГК через Белорусский штаб партизанского движения партизанам были определены задачи: развернуть активные боевые

действия в тылу врага, осуществлять разведку в интересах наступающих фронтов.

Надо отметить, что гитлеровцы тоже прилагали максимум усилий, чтобы раскрыть планы наших войск на летний период 1944 года. Они увеличили заброску агентуры из районов Витебска, Орши, Могилева, Минска. Органы управлений контрразведки (УКР) «СМЕРШ» фронтов вылавливали на этом направлении десятки шпионов. Из их показаний стал очевиден особый интерес противника к состоянию войск на центральном участке советско-германского фронта.

Летом 1944 года командование Белорусских фронтов, органы УКР «СМЕРШ» под руководством Ставки Верховного Главнокомандующего провели серию дезинформационных мероприятий с целью сохранения в тайне от противника места нанесения главного удара. Система режимных, разведывательных и контрразведывательных мер сработала настолько четко, что даже к середине года, когда уже было почти завершено сосредоточение всех войск на белорусском направлении, в «Бюллетене оценок противника на Восточном фронте» от 13. 06. 1944 года указывалось, что готовящиеся действия русских войск против группы армий «Центр» имеют целью завести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем. Соответственно, в ответ на просьбу группы армий «Центр» выделить крупные резервы было заявлено, что «общая обстановка на восточном фронте не допускает иной группировки сил».

Одновременно для усиления чекистских сил в тылу врага с июля 1943 года по июль 1944 года за линию фронта в Беларусь было отправлено более 60 разведывательных подразделений НКГБ общей численностью около 700 человек. Для активизации боевой деятельности на транспортных коммуникациях – с целью ограничения возможностей противника по переброске резервов к линии фронта – непосредственно в тылу созданы десятки групп разведчиков и подрывников. Чтобы укрепить оперативное руководство спецгруппами и отрядами перед началом операции «Багратион» в тыл врага было переброшено еще свыше 120 оперработников. Бесперебойную связь с «Большой землей» обеспечивали 76 радистов спецотрядов.

Чекистами также выявлялись оборонительные сооружения противника и объекты, подлежащие минированию при отступлении нацистов. Уже в декабре 1943 года стала поступать информация о том, что немцы укрепляют оборону города Мин-

ска и одновременно минируют здания. В частности, заряды большой мощности были заложены под Домом Правительства. Для проверки этой информации в Минск была направлена от спецгруппы «За Родину» группа «Смелые» в составе командира И. С. Питкевича, бойцов В. С. Борисевича, М. П. Милановича, И. И. Политинского. В ходе освобождения белорусской столицы совместно с наступающими частями Красной Армии удалось спасти здание ЦК КП(б) Белоруссии, окружной Дом офицеров, Дом правительства.

Спецгруппой «Возрождение» были добыты сведения об оборонительных сооружениях немцев в районе Бреста, Белостока, Кобрина, Слонима, Дрогичина, Ивацевичей и Пинска. В переданной Центру информации указывались практически все военные объекты, оборонительные линии врага, количество войск, системы охраны. Спецгруппа «Родные» узнала планы укреплений по линии железной дороги Минск–Барановичи.

Еще за пять месяцев до освобождения Бреста спецгруппа «Искра» своими действиями сорвала планы фашистов по уничтожению города. Чекисты «Искры» смогли проникнуть в сейфы полиции и получить точные данные о заминированных городских объектах, местах, где проложен кабель для осуществления взрывов и о времени их осуществления.

В ходе зафронтной работы органов госбезопасности их спецгруппы вывели на «Большую землю» ряд представителей спецслужб противника. Так, в Слониме подобная операция была проведена в отношении сотрудника СД Н. Уншпик, разыскивавшегося органами госбезопасности еще до войны. Чекистами был также выведен на «Большую землю» начальник «Абвергруппы-310» Ганс Рааб. Наряду с полученными от него во время допросов ценными сведениями разведывательного характера об объектах врага, он еще передал около 50 секретных документов.

Спецгруппа «Четвертые» пленила германского разведчика фон Файта, также располагавшего важной информацией. Агент УКР «СМЕРШ» 1 Белорусского фронта А. С. Скоробогатов, внедрившись в спецслужбу противника, склонил к переходу через линию фронта начальника диверсионной школы «Абвергруппы-209» и привел в расположение войск фронта весь личный состав этой школы, а также воспитательницу женской группы и 44 диверсанта-подростка.

В ходе самой операции «Багратион» в июле 1944 года в г. Барановичи органами «СМЕРШ» был захвачен инструктор разведывательного органа при ставке германского командования на

Восточном фронте зондерфюрер Э. Брониковский–Герасимович, занимавшийся организацией работы резидентур, оставляемых противником на советской территории. В ходе допросов Брониковский назвал имена 36 агентов германской разведки, которые затем были разысканы и арестованы.

В результате общей разведывательной деятельности на оккупированной территории Беларуси удаюсь выявить 22 разведывательно-диверсионные школы в Борисове, Минске, Витебске, Полоцке, Гомеле, Могилеве, Бобруйске, Малом Тростенце Минской области и Осинторфе Витебской области, 36 резидентур противника, пресечь деятельность 6642 агентов гитлеровских карательных органов, выполнить ряд иных специальных заданий Центра...

В целом, совместными усилиями органов госбезопасности и военной контрразведки в Беларуси был выявлен каждый восьмой шпион, диверсант, террорист, радист, содержатель конспиративных или явочных квартир германских спецслужб из всех, обнаруженных советской контрразведкой.

«Смерш» и тайна «Багратиона»

Летом 1944 года, готовя операцию «Багратион», командование трех белорусских фронтов, органы управлений контрразведки «СМЕРШ» под руководством Ставки Верховного Главнокомандования провели серию дезинформационных мероприятий для сохранения в тайне от противника места нанесения главного удара. Их основной замысел заключался в том, чтобы отвлечь внимание противника от Беларуси и убедить его, что основные наступательные операции летом 1944 года советские войска готовят на южных участках фронта, а на границах Беларуси лишь укрепляют свою оборону.

Дезинформация «продвигалась» противнику через оперативные игры в сочетании с военно-маскировочными мероприятиями. Использовался также метод перевербовки его агентов и переправки их обратно, но уже с заданием СМЕРШа. Это был наиболее действенный способ, но и сопряженный с большим риском.

В мае 1944 года перешел линию фронта и явился с повинной молоденький германский агент в форме офицера РККА.

– Савичев – это ваша подлинная фамилия? – спросил его оперуполномоченный «СМЕРШа» капитан Сомов, изучая офицерскую книжку задержанного.

– Савичев – это псевдоним, а фамилия моя Петухов, звание действительно лейтенант. Служил командиром взвода в полку связи. Под Смоленском был ранен, в бессознательном состоянии попал в плен. В лагере военнопленных после месяцев голода и унижений дал согласие вербовщику немецкой разведки, надеясь хотя бы таким образом, но все же вернуться к своим, – как по заученному твердил Савичев–Петухов.

Либо легенду «гонит», либо действительно намучился парень, размышлял Сомов, записывая показания.

– А в какой школе-то у фрицев учились?

– Под Борисовом, в военном... точнее довоенном городке Печи, начальник школы капитан Утгофф, вербовщик Тадеуш Брониковский, зондерфюрер.

– Так, давайте-ка дальше, – сказал Сомов, по ходу задавая уточняющие вопросы.

О Борисовской разведшколе Абвера контрразведчики хорошо знали, но, как всегда, интерес представляли имена и приметы готовившихся к заброске новых агентов. Ближе к полуночи Сомова вызвал начальник ОКР «СМЕРШ» корпуса подполковник Дорогин.

– Какие впечатления о задержанном? – спросил он. – Искренне говорит или может быть это «подстава»?

– Думаю, что говорит правду. Мы все перепроверили. Видно, по полной программе хлебнул лиха этот парень у фашистов.

– В таком случае, запросите данные на него в прежней части, где служил до пленения, еще раз допросите и, если сомнений не будет, готовьте в обратный путь.

На следующий день Сомов снова досконально опрашивал Петухова о задании, о сроках его выполнения, о варианте перехода через линию фронта.

– Задание давал зондерфюрер Карнашицкий, – сложив поченически руки на коленях, рассказывал Петухов. – Он велел выяснить, не прибывают ли на участок фронта под Витебском и Оршей свежие части и не готовится ли здесь наступление. На выполнение задания отпущено десять дней. По окончании этого срока мне нужно перейти линию фронта.

– Где? Покажите точно! – спросил Сомов.

– Вот здесь, – уверенно ткнул пальцем в карту Петухов. – Именно здесь, товарищ капитан. Перейти линию фронта я должен по паролю: «Передайте Максус привет от 79. Дядя Вилли вернулся».

– Ну что ж, уже неплохо Петухов. Показания ваши мы проверим. Скорее всего, вам предстоит вернуться в Абвер. Для нас

это очень важно. Понимаю ваше нежелание возвращаться. Но, запомните: уйдете вы за линию фронта с нашим заданием и уже как наш разведчик. Устраивает такая перспектива?

Петухов невольно вытянулся и, нервно теребя край гимнастерки, дрожащим голосом произнес:

– Конечно! Спасибо... Спасибо за доверие, товарищ капитан.

– В таком случае идите пока отдыхайте, Василий Дмитриевич. А с завтрашнего дня начнем вплоть до мельчайших деталей готовиться к выполнению задания. Оно будет нелегким.

Суть задания Петухова состояла в следующем: надо было довести до абверовцев дезинформацию, что в районе Витебска и Орши не наблюдается повышенной активности войск фронтов, не видно подхода новых частей или наступательной техники, что русские лишь укрепляют оборону, строят новые доты, что солдаты в беседах говорят о скорой отправке на Украину. Для убедительности Сомов даже провез Петухова по маршруту, определенному Абвером. Тщательно отработывались все детали легенды и варианты его поведения после возвращения к немцам. Абвер, естественно, попытался перепроверить сведения, полученные от Петухова. С пристрастием расспрашивали его самого. Несколько раз засылали своих агентов в интересовавший район. Однако одни из засланных немцами приходили с повинной к своим, другие были задержаны. Еще двоих отправили обратно с очередной порцией дезинформации.

Это лишь один штрих из той поистине грандиозной операции по введению противника в заблуждение. О степени секретности красноречиво говорит то, что в полном объеме план операции «Багратион» знали лишь пять человек из числа высшего командования действующей армии. В Генштабе ключевая информация сосредотачивалась у нашего земляка генерала армии А. М. Антонова. Вся переписка на этот счет, телефонные и телеграфные переговоры категорически запрещались. Командующие фронтами свои предложения, записки, планы, касающиеся операции «Багратион», составляли собственноручно и только в одном экземпляре. Главным управлением контрразведки «СМЕРШ» и фронтовыми управлениями осуществлялся целый комплекс агентурно-оперативных мероприятий по исключению возможной утечки информации к противнику, надежному перекрытию каналов проникновения агентуры врага в штабы всех уровней. Активно работали радиоконтрразведывательная служба и криптографы. А гитлеровцы очень хотели узнать, какой сюрприз приготовила им советская Ставка на лето 1944 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ
Зафронтной работы управления Коверьянского «СМЕРШ» в Белорусском фронте.
За время с 1.10.1943г. по 1.4.1944г.

№ п/п	ОРГАНЫ «СМЕРШ»	Перебранно и вне организации					Возвратом в тыл организации					Возвратом на линию фронта					Уничтожено на линии фронта					Итого						
		по 1.10.1943г.	с 1.10.1943г. по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	по 1.04.1944г.	
1	Упр. «СМЕРШ» фронта	8	2	5	5	5	-	7	12	1	-	8	9	46	86	40	-	39	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	Отд. «СМЕРШ» 5 Армии	2	1	5	5	5	-	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
3	- " - 49 бригады	1	1	1	1	1	-	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
4	- " - 10 бригады	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	- " - 31 бригады	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	- " - 32 бригады	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	- " - 39 бригады	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого		7	4	11	6	6	-	5	8	19	2	-	9	11	73	110	40	-	39	1	-	-	-	-	-	-	-	-

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Отд. «СМЕРШ» 49, 10, 33 бригады выделены из состава Упр. «СМЕРШ» в Белорусском фронте по 1.10.1943г. и в период боевых действий 1944 года.
2. За время с 1.10.1943г. по 1.04.1944г. в Белорусском фронте в чис. «СМЕРШ» находилось 49 бригад.
НАЧ. УПР. «СМЕРШ» фронт. «СМЕРШ» в Белорусском фронте: ИВАНОВ (Литов)/
ВЕРВО: СТ. ОБЛ. «СМЕРШ» фронт. «СМЕРШ» в Белорусском фронте: ИВАНОВ (Литов)/
1.10.1944г.

Сводная таблица: «Результаты зафронтной работы УКР «СМЕРШ» 3 Белорусского фронта».

О динамике борьбы с агентурой противника в действующей армии в период подготовки операции «Багратион» свидетельствуют цифры отчета в ГКО и Генеральный штаб за май 1944 года: «Наибольшее количество агентов германской разведки было заброшено противником на участки 1, 2, 3 Белорусских фронтов. На Белорусских фронтах органами «СМЕРШ» арестован 91 шпион, в том числе на 1 Белорусском – 50, на 2 Белорусском – 22 и 3 Белорусском – 19 человек».

Итог операции «Багратион» известен. Для военных стратегов и для новых поколений контрразведчиков – это предмет изучения богатейшего опыта. А для белорусского народа операция «Багратион» – это долгожданное освобождение от нацистской оккупации, радость возвращения к мирному труду, возрождения изуродованных войной городов и сел. Еще одним важнейшим ее итогом является очевидное и безоговорочное превосходство советской разведки и контрразведки над Абвером. Она научилась побеждать врага, в первую очередь не числом, а умением. В этой связи вызывает интерес еще одно высказывание бывшего помощника адмирала Канариса Оскара Райле, который вынужден был признать: «Абвер оказался неподготовленным к противоборству с этой хорошо обученной... службой противника». Видимо, только теперь можно понять, почему действия всего трех шпионов в нашем тылу в фильме «В августе 44-го...» и их ликвидация были взяты на контроль Ставкой и самим Верховным Главнокомандующим. Сами за себя говорят его слова, сказанные на этот счет: «Чтобы выиграть сражение, нужны десятки дивизий, чтобы проиграть его, достаточно одного шпиона в штабе армии».

Лейтенант из контрразведки...

Эту тихую улицу в Минске с памятной доской в честь В. М. Чеботарева на одном из домов часто навещают ветераны и сотрудники Управления военной контрразведки КГБ Республики Беларусь. Кем же был лейтенант Василий Михайлович Чеботарев и за какой подвиг на белорусской земле его именем названа улица в столице?

Родился он в крестьянской семье в селе Гавриловка Кокчетавской области Казахстана. Вкалывать, что называется, привык смолоду. Сначала трактористом в совхозе «Хлебороб», потом на шахте. Когда грянула война, он уже был семейным человеком. Пришлось прощаться с женой Дусей и маленькой дочуркой Леночкой. На душе, конечно же, было неспокойно: «Когда на фронт, как будет на том фронте?». Поначалу судьба его забросила в снайперскую школу 12-й отдельной стрелковой бригады в Хабаровске. У него все получалось хорошо, и сослуживцы шутили: «Ну, Василий, у тебя глаз-алмаз. Валить и валить тебе фрицев».

Так оно и вышло. Вскоре Чеботарев стал снайпером-истребителем в 310-й стрелковой дивизии на Волховском фронте. Каждый выход на позицию был для него не скоротечным боем, а поединком воли и нервов, растянутым зачастую на неделю. Ведь снайпер – это одновременно и разведчик, и психолог, и аналитик, и охотник-виртуоз, хорошо знающий местность, и пластун, коль надо.

Своего 60 фрица он уложил, будучи уже лейтенантом, ответственным секретарем комсомольского бюро стрелкового полка, что само по себе привилегий отнюдь не сулило. Тогда это предполагало одно – быть в передовых боевых порядках и своим примером поднимать бойцов в атаки. Имя его и боевые успехи уже были широко известны на всем Волховском фронте. Он сам активно обучал молодежь снайперскому делу. Люди к нему тянулись, верили, уважали. Ведь он мог не только тонкости сложного ремесла передать, но и поговорить по душам, когда надо, веское слово в поддержку сказать. Но в ходе боев по прорыву блокады Ленинграда, поднимая бойцов в очередную атаку, Василий Чеботарев получил тяжелое ранение. Потом были долгие дни в госпитале на далеком Урале.

После выздоровления командование направило его на окружные курсы переподготовки политсостава. А он настойчиво обращался к начальнику курсов: «Прошу направить на

фронт». Его так же настойчиво убеждали: «Сначала доучиться надо, потом уж на фронт». Но в июньский день 1943 года лейтенант Чеботарев, находившийся на занятиях, был срочно вызван в отдел контрразведки «СМЕРШ» Уральского военного округа. Разные мысли тогда пронеслись у него в голове. А услышал он совсем не то, что предполагал. После основательной беседы седой генерал сказал:

– Василий Михайлович! Принято решение направить Вас на службу в органы военной контрразведки. Вопросы есть?

– Мое место на фронте, – твердо ответил Чеботарев. Ведь он уже знал себе цену как снайперу.

Начальник отдела понимающе усмехнулся и заметил:

– Это похвальное желание. На фронт Вы обязательно попадете. Но Вам предлагается ответственная работа. И сначала придется поехать в Москву на учебу. Все ясно?

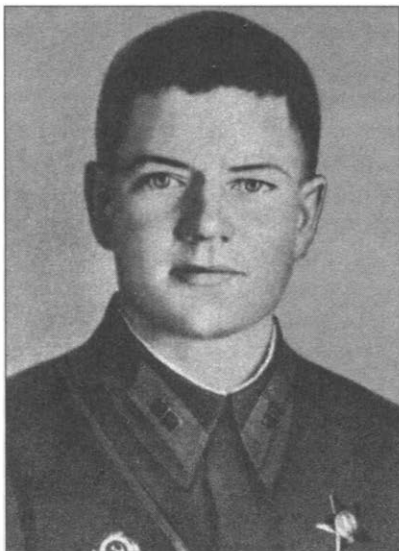
– Опять штаны протирать, – вырвалось у Василия.

Однако в ответ на эти слова генерал от души расхохотался:

– Твердо гарантирую, что этого как раз-то и не произойдет. Учить будут по-настоящему.

Зная, что приказы не обсуждаются, Василий Чеботарев отправился в Москву. Занятия в созданной по приказу Наркомата обороны 1-й школе Главного управления контрразведки «СМЕРШ» заставили серьезно напрячься, потому что учиться пришлось совсем другому и по-другому. В тех боях, к которым Чеботарев привык, враг был перед тобой. На том фронте, на котором ему предстояло воевать впредь и который назывался невидимым, все предстояло делать совершенно иначе. Здесь противник действовал тайными, изощренными методами. Об этом и рассказывали на занятиях преподаватели из числа умудренных боевым опытом военных контрразведчиков, тоже, как правило, рвавшихся обратно на фронт.

Насколько же это все отличалось от того, что пришлось испытать в 1941 году в Беларуси военному контрразведчику молоденькому лейтенанту – впоследствии генерал-лейтенанту – И. А. Устинову, без всякой оперативной подготовки переведенному из войск сразу в особый отдел НКВД Западного фронта. Очень многое изменилось в обучении контрразведчиков. Да, война требовала от оперсостава физической выносливости, решительности, владения приемами самообороны, умения хорошо стрелять, быть своими в войсках действующей армии. Но военные контрразведчики одновременно должны были обладать качествами тонких психологов, умелых и компетентных специа-

В. М. Чеботарев.

листов по оперативным комбинациям, способных к ведению напряженного интеллектуального поединка с многоопытным, коварным и изобретательным противником.

Василий Чеботарев часто вспоминал фронтовые будни, как бы мысленно примеряя свой боевой опыт к тому, что должен делать контрразведчик. Богатый учебный материал, дела разоблаченной фашистской агентуры, оперативные обзоры и подборки, лекции и практические занятия с участием ассов военной контрразведки помогали вживаться в сложный мир агентурно-оперативной работы и новых боевых задач. А он старался вникать во все нюансы. Его настойчивость, а также пылливый ум, цепкость и находчивость отмечали и преподаватели.

Наконец в декабре 1943 года руководство школы объявило ему:

– Вы направляетесь оперуполномоченным отдела контрразведки «СМЕРШ» 19-й гвардейской танковой бригады 5-й гвардейской танковой армии. Ваше желание вернуться на фронт учтено.

В то время уже начиналась подготовка операции «Багратион» по освобождению Беларуси от фашистских оккупантов, важную роль в которой затем сыграла танковая армия, которой командовал будущий маршал бронетанковых войск А. А. Ротмистров, в составе 3 Белорусского фронта во главе с генералом армии И. Д. Черняховским.

Василий Чеботарев попал в самый водоворот стремительно менявшейся оперативной обстановки. Начальник ОКР «СМЕРШ», встретив его, задачи определил так:

– Держитесь, Василий Михайлович, старших опытных товарищей. Команду я дал, вникните в обстановку. Впереди у нас – бои в Белоруссии. Но для нас «шашкой махать» в бою – не главное, хотя при острой необходимости и это надо уметь. Нам с вами нужно исключить внедрение агентуры противника в подразделения, предотвращать утечку секретной информации о планах нашего командования к врагу, в случае необходимости, организовать активный поиск забрасываемых шпионов. Есть и в вашей в части люди, к которым мы внимательно присматриваемся, поскольку сложно пока сказать, как они поведут себя в бою. Главное для нас – профилактика, предупреждение. По «хвостам» бить – самое последнее дело. Как бывалому фронтовику вам и карты в руки, Василий Михайлович!

В большом кругу оперативных задач за то короткое время, что было ему отпущено судьбой с января 1944 года, Василий Чеботарев успел многое. Боевая жизнь подкидывала ежедневно десятки «вводных», которые приходилось решать молниеносно. А в июне 1944 года наступили самые горячие дни. Развернулась гигантская по масштабам операция «Багратион». В ней в ходе ожесточенных боев теряли своих товарищей и контрразведчики.

Служба Василия Чеботарева была связана с одним из батальонов ставшей ему родной 19-й танковой бригады. Ход событий сложился так, что когда 3-я гвардейская танковая армия 26 июня вышла на Минское шоссе, она встретила яростное сопротивление противника, пытавшегося не допустить выход войск 3 Белорусского фронта к Борисову. Перед батальоном командование поставило задачу захватить переправу через реку Бобр, обеспечив тем самым продвижение войск фронта к Борисову с нанесением удара по немцам с тыла. Начальник отдела контрразведки был краток:

– Вот что, Василий Михайлович! Где батальон – там и оперработник. Надо закрепиться на противоположном берегу. Желательно захватить языка, лучше из числа офицеров. Нужно четко установить характер дальнейших действий немецких войск. Зря не рискуйте. Желаю Вам успеха. Как говорится, ни пуха – ни пера.

– Хотя и неудобно так отвечать начальству, но к черту, товарищ подполковник.

– Надеюсь на Вас, жду с победой и непременно живым!

Не знал тогда Василий Чеботарев, как и его начальник, что этот бой станет для него последним. Группе бойцов батальона удалось скрытно преодолеть боевые порядки врага и нанести по нему неожиданный удар с тыла. Бой был ожесточенный, противник сопротивлялся отчаянно, однако бойцам удалось закрепиться и захватить в плен обер-лейтенанта, пропагандиста, некоего Рягликова, которого Чеботарев планировал доставить в контрразведку живым. Однако кольцо окружения вокруг горстки бойцов сжималось.

– Экономьте патроны, ребята, – крикнул Чеботарев, – рассредоточьтесь, ведите прицельный огонь и отходите потихоньку. Я вас прикрою!

Когда закончились боеприпасы, он вступил в рукопашную схватку. В этом смертельном единоборстве, получив пять ножевых ранений, Чеботарев попал в плен и героически погиб. Гитлеровцы выкололи ему глаза и надругались над телом. Произошло это 27 июня 1944 года. На месте гибели Василия Михайловича Чеботарева было найдено более десятка трупов фашистов, сраженных отважным лейтенантом. В донесении начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» указывалось: «Чеботарев мною похоронен на правой стороне шоссе Орша–Борисов, на расстоянии 200 метров от Бобринского моста».

Командующими 3 Белорусским фронтом И. Д. Черняховским и 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистровым Василий Михайлович Чеботарев был представлен к званию Героя Советского Союза, которого удостоился посмертно 29 июня 1945 года. Теперь на месте гибели В. М. Чеботарева у поселка Бобр Минской области высится памятник герою. У его подножия всегда лежат цветы.

Новые задачи на западном направлении

После освобождения столицы Беларуси, которое произошло 3 июля 1944 года, продолжилось наступление трех Белорусских и 1 Прибалтийского фронтов на запад. На этом этапе в действиях спецгрупп НКГБ СССР, БССР, военной контрразведки возникли новые сложности. Они были вызваны тем, что на территории Западной Беларуси проявляли активность отряды польской Армии

Краевой (АК), подчинявшиеся эмигрантскому правительству в Лондоне и выполнявшие его установки на то, что Польша должна быть восстановлена в границах августа 1939 года. Это означало, что в послевоенную Польшу вновь должны были войти западно-белорусские земли. Формирования АК воевали как против немцев, так и против советских партизан, но все-таки больше против советских партизан. Более того, на заключительном этапе войны некоторые подразделения АК пошли на сотрудничество с гитлеровцами, получали от них вооружение и боеприпасы, как, например, столбцовский батальон под командованием Адольфа Пильха. Его «заслуги» перед нацистами были настолько значительны, что с приближением фронта батальон на виду у немцев пешими колоннами с оружием отправился на запад. В Бресте ему были беспрепятственно предоставлены переправы. Современные средства массовой информации пишут, что у Адольфа Пильха на сей счет была соответствующая бумага от Минского СД.

Весьма характерным в этом смысле являлось сообщение источника лондонской резидентуры 1-го управления НКГБ СССР от 12 октября 1943 года: «...Польский генеральный штаб с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши. Польские вооруженные силы, должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии. Польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши. Поэтому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Англичане знают об этих инструкциях...и молчаливо одобряют их».

Это был сложный и во многом противоречивый период. При том он был сложным не только для взаимоотношений между вооруженными формированиями разных стран, но и между самими этими странами, включая страны-союзницы. В данном случае речь идет об отношениях между СССР и Великобританией. В этом смысле небезинтересны договоренности, достигнутые еще 30 сентября 1941 года, между советскими и британскими органами (разведками) «по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников»:

«Раздел 4. п.16. Действия партизанских отрядов особенно эффективны тогда, когда они контактируются с регулярными

Польские генералы
Сикорский (слева)
и *Андерс*.
Каир, 28 мая 1943 г.

военными действиями или получают какую-либо косвенную военную поддержку.

Поэтому соответствующие Советская и Британская организации должны создавать партизанские отряды в тех странах, которые близко расположены к рубежам СССР и Англии или эвентуально могут стать ареной военных действий в будущем. В отношении этих стран будет еще и то преимущество, что их легче будет снабжать.

В связи с этим, соответствующие европейские страны будут, в целях организации и снабжения партизанских отрядов, распределены следующим образом: СССР – Румыния, Болгария, Финляндия; Англия – Западная Европа от Испании до Норвегии, Греция.

17. Вопрос об организации партизанских отрядов в Польше, Чехословакии и Югославии должен обсуждаться между СССР и правительствами указанных стран.

18. Ни СССР, ни Англия не предпримут никакой кампании по пропаганде, призывающей к восстаниям или партизанскому движению в странах, входящих в сферу операций одной из сторон без согласия на то другой стороны».

Однако к 1943 году в действиях британских спецслужб на данном направлении начали преобладать столь знакомые нам и сейчас двойные стандарты. Ряд «аковских» структур работал в тесном контакте со спецслужбами Великобритании. Именно в Англии тогда готовились руководящие кадры, в том числе разведчики-диверсанты, для формирований АК в Западной Белоруссии. Оттуда был десантирован и Адольф Пильх. А основные усилия Армии Краевой были направлены против любых бело-

русских интересов, так как она считала Западную Беларусь исключительно польской территорией, на что указывали даже белорусские коллаборационисты, служившие гитлеровцам. В этом смысле показательно письмо членов «Белорусской народной самопомощи» (БНС) Юратишкинского района, добытое агентурным путем особым отделом одного из партизанских отрядов Гродненщины в 1943 году:

«К сведению гебитскомиссара в Лиде.

Заявление. Как член БНС, трудясь во имя освобождения своей родины вместе с непобедимой немецкой армией и немецкими гражданскими властями от большевистского и польского ярма, считаю необходимым довести до сведения немецких властей следующее:

Во всех районах существуют теперь польские организации, которые ставят своей целью борьбу против немецкой армии и нас, белорусов. Хотя они намерены вести борьбу и с партизанами, но это не так...

Когда нам стало известно, что существуют такие вот паршивые организации, то постарались всеми силами выявить их участников и организаторов... Достали вот этот материал. Все это благодаря рискованной и упорной работе наших друзей – белорусов.

Поэтому просим прежде всего обратить внимание на следующих их главарей и провести их допрос... (Далее следует список из 33 фамилий с адресами)... Это только некоторые. Но их сотни. Когда мы увидим, что наш труд не пропал даром и будет какой-нибудь результат, напишем обо всех них, как есть... Просим обратить внимание...».

Как говорится в подобных случаях, комментарии излишни.

ЦШПД, БШПД, НКГБ БССР и его 4-е управление руководствовались в тех условиях постановлением ЦК КП (б) Белоруссии от 22 июня 1943 года «О мерах по дальнейшему развитию партизанского движения в западных областях Белоруссии». В нем существование всякого рода организаций, «руководимых польскими буржуазными центрами», рассматривалось как вмешательство во внутренние дела советского государства. Подобные формирования предписывалось разоружать, изолировать и распускать. В результате активных действий на территории Западной Беларуси чекистам удалось вскрыть около 30 польских подпольных организаций и групп, насчитывавших более 400 участников, выявить и поставить на учет более 1000 членов подпольных структур Армии Краевой. Целенаправленная

работа привела к приобретению такого ценного источника, как «Теодор». Так начальник разведки сектора «А» Виленского регионального центра Армии Краевой передавал информацию о планах, замыслах и конкретных подрывных акциях, планируемых «аковцами» против советских партизан с подачи лондонского руководства.

Между тем, уже в 1944 году польские националистические вооруженные формирования перешли к террору по отношению к тем, кто был лояльно настроен к советской власти. Негласные источники одной из спецгрупп перехватили специальную директиву Белостокского окружного коменданта АК на сей счет. Благодаря данным оперативных групп НКГБ БССР «За Родину» и «Славный», партизанам удалось разоружить банды польского националиста Милашевского и гарнизон «польских легионеров» в поселке Камень Барановичской области.

В заключении по делу руководителей польской националистической повстанческой организации под названием «Польски звензек повстанчы» (ПЗП) отмечалось: «...После распада польского государства на территории бывшей Польши, в частности, в Западной Белоруссии, из числа офицеров бывшей польской армии и руководителей бывших польских властей возник ряд повстанческих организаций: “Польски звензек повстанчы” (ПЗП), “Польска организация войскова” (ПОВ) и другие с руководящим центром в г. Варшаве, печатным органом газетой “Неподлеглисть”, радиостанцией “Свит”, подцентрами: Новогрудское воеводство, Виленское воеводство и другие, округами Лидский, Молодечненский и другими, уездами Столбцы, Ошмяны, Радошковичи, Раков и т. п. Из вышеуказанных органов исходили директивы и печатный материал, лживо пропагандировавший среди населения: “Польша в границах до 1939 года”, даже “Польша от моря до моря”, т. е. в границах 1772 года. С момента оккупации немцами Западной Белоруссии, особенно за последнее время, названные националистические повстанческие организации начали активизировать свою деятельность по подготовке к вооруженному восстанию, рассчитывая на безусловный разгром немецко-фашистских войск, но при этом на ослабление Красной Армии, чтобы с приближением фронта к бывшей границе Польши, выступить фанатично, надеясь на поддержку Англии, против Красной Армии и не допустить ее вновь в западные области. С этой целью белополяки под видом польских партизанских отрядов создавали регулярные воинские части. В частности, в июне 1943 года на территории Барановичской области ими был создан под

маркой польского партизанского отряда, а фактически батальон № 331 регулярных войск, командный состав которого состоял из офицеров бывшей польской армии. Вначале батальоном командовал поручик Милашевский, затем в августе 1943 Варшавским центром был прислан поручик Кохутницкий по кличке “Гром”, который стал командовать батальоном. Тем же Варшавским центром был прислан поручик по кличке “Тура” (настоящая фамилия не установлена). Этот “Тура” заменил Кохутницкого и сам стал командовать батальоном (во время обезоруживания батальона “Туре” удалось сбежать). Затем последующими прибывали поручики и подпоручики: Лотоцкий, по кличке “Иква”... С прибытием майора Пелка (очевидно, Пильха – *Авт.*) антисоветская и террористическая деятельность и всей организации ПЗП усилились. Об этом свидетельствуют документы, непосредственно исходившие из органов ПЗП и штаба упомянутого батальона, как, например: Новогрудский орган ПЗП “Рассвет Польши” от 16 января 1943 г. № 13 писал: “Границы Польши на востоке гарантированы нам. Смешные и подлые методы Сталина, присоединить польские земли к России, единогласно отброшены союзными государствами – Англией и Америкой”.

В воззвании так называемого польского комиссара безопасности Виленской земли “Сокола” от 20 июня 1943 г. говорится: “Поляки! Два вечные наши врага немцы и большевики хотят обмануть нас своей пропагандой, хотят в нас сломить веру в независимую великую Польшу. Рассеивают среди нас разные выдумки и обманы своей пропагандой. Немцы пугают большевиками, а большевики – немцами. Одни и другие хотят использовать нас в своих преступных целях, но одновременно одни и другие убивают тысячи наших людей. Нельзя никакому поляку слушать и верить тому, что говорят наши враги. Нельзя вступать в ряды советских банд и в ряды немецкой армии”.

В документе № 6/43 г. под названием “Мельдунек Ситуацийны” (Рапорт о ситуации), датированном 20 ноября 1943 г., за подписью командира батальона “Веслава” говорится: “Положение наше в отношении советских партизан не изменилось, они показывают вид хорошего отношения к нам, мы к ним – то же самое, а в действительности друг друга обманываем”.

За последнее время командование упомянутого батальона в лице майора Пелка, поручика Д. перешло от пропаганды к действию, а именно: 5 ноября 1943 г. в г. Куль Ивенецкого района группой польских легионеров из батальона № 331 пойман и убит партизан бригады им. Фрунзе Щербин. 8 ноября 1943 года

разведчики бригады им. Чкалова Рогозинский и Вороной были зверски убиты возле д. Хотова Ивенецкого района группой жандармов батальона № 331, во главе с начальником жандармерии Гасюком. 17 ноября 1943 г. в д. Дубники Столбцовского района зверски уничтожено 10 партизан кавалерийской группой Нуркевича Ивенецкого межрайцентра. В первых числах декабря 1943 года был убит из отряда «Большевик» бригады им. Сталина Василевский и ранено 3 партизана из отряда им. Буденного бригады им. Сталина, обезоружено и расстреляно 2 партизана, а третьему нанесено 5 ран, после чего ему все же удалось спастись. Кроме того легионерами было обезоружено 80 человек из мелких групп советских партизан».

В конечном итоге в одном из донесений разведки НКГБ БССР 14. 12. 1943 г., касавшемся деятельности подпольных польских формирований под руководством Милашевского, уже прямо указывалось: «...Сообщаю выдержки из письма зам. Нуркевича–Вольского, который пишет своей знакомой, что «легионы пошли на временное содружество с немцами. Оружие мы советским партизанам не сдадим и на их сторону не перейдем».

Мой вывод:

1. Легионеры находятся под защитой немцев, полицейских м. Ивенец.
2. Легионеры получают помощь от немцев – боеприпасы и медпомощь».

После полного освобождения Беларуси к августу 1944 года проблема «аковского» подполья продолжала быть актуальной для белорусского народа вплоть до начала 1950-х годов.

Белостокский «Каткан» «СМЕРШ»

В битве за освобождение Беларуси составной частью знаменитой операции «Багратион» являлась Белостокская операция. Она осуществлялась в период с 7 по 27 июля 1944 года войсками 2 Белорусского фронта, с целью освобождения Белостока, тогда еще входившего, (как и область) в состав Белорусской ССР. Располагая точной разведывательной информацией, войска фронта без оперативной паузы, преследуя в быстром темпе разбитого под Минском, но ожесточенно сопротивлявшегося противника, нанесли ему удар в направлении Новогрудок–Волковыск–Белосток и к исходу 27 июля вышли в район западнее Белостока. В этих условиях активно действовало и управление контрразвед-

ки «СМЕРШ» фронта, поскольку Абвер постарался буквально наспиговать своей агентурой, а также схронами с оружием и взрывчаткой районы, занимаемые советскими войсками. Спецслужбы III рейха начинали первую фазу своей спецоперации, получившей позднее наименование «Вервольф».

Между тем, оперативная обстановка резко изменилась в силу принятия новых политических решений. В соответствии с решениями Тегеранской и Ялтинской конференций, а также советско-польским соглашением с 20 сентября 1944 года большая часть Белостокской области, включенной в состав БССР в 1939 году, была передана Польше. Районы, которые остались в составе БССР, – Берестовицкий, Волковысский, Гродненский, Свислочский, Сопотчинский, Скидельский – вошли в Гродненскую область.

В связи с дальнейшим продвижением войск действующей армии на запад, лондонское польское эмигрантское правительство дало указание Армии Краевой (АК) всячески препятствовать Красной Армии, до ее подхода явочным порядком захватывать власть на местах, совершать диверсии, нападать на отдельные воинские части, уничтожать оставших военнослужащих. В августе–сентябре 1944 года в тылу советских войск действовали 20 подпольных «аковских» радиостанций, из них три на территории Беларуси. Позже их количество стало неуклонно возрастать. Руководство этими подрывными «процессами» осуществлялось опытными сотрудниками английских спецслужб во главе с полковником Хадсоном, несмотря на то, что Великобритания являлась союзником СССР по антигитлеровской коалиции. Урон, причинявшийся тогда бандами «аковцев» войскам Белорусских фронтов, был существенным. Только во второй половине 1944 года ими были убиты 277 и ранены 97 советских военнослужащих, а за первые пять месяцев 1945 года убиты 317 и ранены 125 бойцов и офицеров. И если раньше противодействие АК и немецким спецслужбам осуществлялось прежде всего силами зафронтовой разведки и партизан, то теперь основную нагрузку на себя взял «СМЕРШ».

В докладной записке начальника УКР «СМЕРШ» 2 Белорусского фронта генерал-лейтенанта Я. Едунова на адрес командующего фронтом Маршала Советского Союза К. Рокоссовского о результатах розыска агентуры противника за ноябрь 1944 года сообщалось: «...Против участка фронта продолжают действовать преимущественно разведорганы, подчиненные и руководимые “Абверкомандой-103”, и некоторые разведгруппы, входящие в состав разведоргана “Цепеллин”...

Захваченная
«СМЕРШем»
группа германских
агентов-диверсантов.
1944 г.

Группа
абверовских
агентов-
диверсантов
накануне
заброски
в советский тыл.

Анализ заданий, полученных немецкими агентами, арестованными в октябре–ноябре с. г., показывает, что германская военная разведка пытается, с одной стороны, собрать разведданные о насыщенности войсками обороны советских войск на плацдарме на западном берегу реки Нарев и на его ближайших флангах, номера, численный состав и вооружение соединений, а также замыслы командования Красной Армии на ближайшее время, с другой стороны, при помощи разведчиков-парашютистов стремится собрать данные о передвижении войск, военной техники и грузов по шоссейным железнодорожным магистралям Белосток–Варшава, Гродно–Белосток, Менжин–Ломжа, Бельск–Брянск–Высокий и далее грунтовыми дорогами к фронту».

Учитывая большой объем разнородной информации, полученной УКР «СМЕРШ» 2 Белорусского фронта в ходе зафронтной разведывательной работы, группу военных контрразведчиков 2 отдела, нацеленных на выявление вражеской агентуры в районе Белостока, возглавил полковник В. Подгорный. На оперативном совещании его сообщение прозвучало достаточно резко:

– Товарищи офицеры! К настоящему моменту обстановка складывается таким образом, что войска фронта в любой момент могут получить удар в спину. И не будем обольщаться первыми разоблачениями вражеской агентуры типа Арнольда, Шнурре, Ленца, Хоментовского и некоторых других. Это только «цветочки». Главные «ягодки» находятся пока в глубоком подполье. И церемониться они не будут. Наша задача их теперь не спугнуть, иначе не распутаем всю сеть. Майор Герасимов! Попрошу данные последнего радиоперехвата?

– Вчера в 19.00 засечена, товарищ полковник, кратковременная работа радиопередатчика противника западнее Ломжи, что по почерку пока согласуется с основными направлениями нашей радиоигры.

– Выходит, Владимир Петрович, клюнул Абвер на приманку?

– Судя по всему, именно так. Наш агент «Ковальский» проверку у них, видимо, прошел. Да и время фрицев поджигает. Не 41 год уже!

– Не кажи гоп, кума, как говорится. Тут, друзья мои, другая «каша» заваривается. И как бы «аковцы» нам все дело не подпортили. Им ведь все равно с кем сотрудничать, лишь бы против нас. Всем присутствующим разрешаю минут десять перекурить, а вы, капитан Найдович, задержитесь!

Подгорный извлек из сейфа тонкую папку с надписью «Агентурная разработка – “Лис”» и, открыв нужную страницу, протянул ее Найдовичу:

– Ознакомьтесь, Иван Николаевич. Эта прелюбопытнейшая информация именно по вашей части.

И Иван Найдович углубился в чтение. Из краткой справки следовало, что согласно сообщениям, полученным от зафронтных агентов «Лешака» и «Войцеха», служивших по заданию УКР «СМЕРШ» в местной полиции, возможно сотрудничество нескольких местных жителей с ГФП (тайной полевой полицией) в период немецкой оккупации. Оперативным путем следовало установить степень их вины, а также вероятность принадлежности к агентуре Абвера, оставленной для подрывной деятельности в тылу Красной Армии.

Найдович вопросительно взглянул на Подгорного:

– Получается, товарищ полковник, что моя информация подтверждается?

– Смотри-ка, даже в рифму заговорил. Прав был ваш заявитель, Иван Николаевич, прав. Его мы проверили. Это не подстава противника.

– Вы имеете в виду поляка Франтишека Войнарского?

– Его родимого, его! Он, правда, активно в сопротивлении немцам не участвовал, но подполью иногда помогал. Не без некоторого нажима, но, тем не менее. Никто худого слова о нем не сказал. Народ понимал: семья у него большая, дети. Еле концы с концами сводили.

– Значит, все-таки нити сходятся на «пане Кушнаревском»?

– Да! Уж больно он немецкой пайкой дорожил. В комендантуре старался незаметно появляться, деньги там получал. Часто ездил в Варшаву. А ведь формально, как установлено, вообще нигде не числился. За что такие привилегии? А? Кроме того, еще пропуск немецкий имел – «проход везде». И, наконец, последнее: тайно оформился в качестве «фольксдойче». При бегстве немцев на некоторое время исчез, а потом тихо вновь появился. Значит, «завязался» на третий рейх основательно. А он уже по швам трещит! Вот вам дилемма и вот вам кандидат.

– На перевербовку? Вряд ли, товарищ полковник. Уж больно он замарался. Предавши раз, предаст и в другой...

– Так надо психологически тонко сработать! И одновременно обеспечить наш полный контроль ситуации. Пригласите-ка всех ко мне, Иван Николаевич. Вы теперь будете у нас главным в этом деле.

В ходе жаркого обсуждения и родился замысел операции «Капкан», сохранившей не одну человеческую жизнь. В оперативную группу УКР «СМЕРШ» тогда вошли капитаны И. Найдович, И. Лашков и В. Леонов. Позже к ним присоединился и подпоручик польских органов общественной безопасности (МОБ) В. Котон. Через агентуру вскоре было установлено, что Кушнаревский предпринимает настойчивые попытки выехать за пределы Белостока в деревню Паньска Гура. В условиях жесткого режима военного положения это была весьма сложная задача. Местность прифронтовая, кроме военных средств сообщения другого транспорта попросту не было.

– Надо бы «помочь» пану Кушнаревскому, – с иронией заметил на совещании Найдович. – А то все мается, бедняга. Тяжеловато ему без связи, да и действовать уже пора.

План созрел достаточно быстро и был на первый взгляд прост. Учитывая тот факт, что вскоре предстояло наступление войск 2 Белорусского фронта, и времени оставалось в обрез, Кушнаревского решено было конспиративно задержать для последующего выхода на «момент истины». Рискованно, конечно. Да и в какой форме это сделать?

Решено было экипировать оперработников в форму бойцов РККА и на грузовой машине отправиться как раз на ту стоянку на одной из городских площадей Белостока, где периодически, но пока безуспешно, искал желающих «проехаться» подалее в оперативный фронтовой тыл неугомонный пан Кушнаревский. Правда, ждать его пришлось довольно долго. Наконец, литр бимбера, презентованный Кушнаревским разбитному и покладистому «шоферу», сыграл свою роль, и грузовик с другими мигом пристроившимися «попутчиками» отправился в свой недолгий путь.

Оперативная группа УКР «СМЕРШ», легендированная под подразделение дорожно-комендантской службы, проверила документы у всех, ехавших на этом и других грузовиках, что подозрений ни у кого не вызвало. Мало ли бывает «проверок на дорогах»? Кушнаревский же был незаметно увезен в Белосток и поначалу считал все происходившее недоразумением. Однако его поддельный, сработанный в Абвере паспорт, оказался весомым аргументом в руках контрразведчиков. К нему добавились и другие проколы германской спецслужбы.

– Ну что, герр Кушнаревский, он же Гартнер, он же Нольде, будем продолжать? – жестко поинтересовался у задержанного Найдович. – Сколько веревочке ни виться, а «финита ля комедия» неизбежна. Даем вам последний шанс. Итак, что вы можете нам сообщить конкретно о цели заброски и тех, кто с вами работает? Времени на раздумья не даю. Или – или! Ну!

И Кушнаревского, ошеломленного, буквально раздавленного убийственными фактами, что называется, «понесло». Все-таки, своя рубашка к телу ближе. Он рассказал, что во время германской оккупации являлся агентом ГФП (тайной полевой полиции), выявлял нелояльных к нацистам земляков, вербовал для ГФП агентуру, внедрялся в польское антифашистское подполье. В середине 1944 года ГФП передало Кушнаревского на связь старшему лейтенанту Гемерлеру из «Абвергруппы-205», который после спецподготовки дал ему задание вернуться в Белосток и возглавить шпионско-диверсионную группу в тылу войск Красной Армии. В своих показаниях Кушнаревский также сообщил, что в лесах близ Белостока нацисты заложили для его подручных шесть крупногабаритных тайников с большими запасами оружия, взрывчатки, бланками фиктивных советских документов и гитлеровскими «пропусками» на случай перехода линии фронта. Однако незадачливый абверовский резидент конкретных мест расположения тайников якобы не знал, но,

вместе с тем, указал адреса и пароли восьми, известных ему от Гемерлера членов группы из числа местных жителей, которым было известно местонахождение тайных складов Абвера.

Из оперативной справки УКР «СМЕРШ» 2 Белорусского фронта: «“АГ-205” – сформирована в июле 1942 года в г. Брауншвейге и передана 2-й танковой армии. В феврале 1943 г. перешла в подчинение “Абверкоманды-203”. “АГ-205” последовательно руководили: майор Хельвиг Карл, капитан Рейнгардт Курт. В настоящее время – капитан Томзен Вальтер.

“АГ-205” ведет подрывную работу против Белорусских фронтов. При группе находится специальная команда из немецких военнослужащих, которая при отступлении немецких войск минирует и поджигает населенные пункты (т. н. “факельщики”). “АГ-205” осуществляет заброску разведывательно-диверсионной агентуры из числа военнопленных и местных жителей в тыл Красной Армии».

Операция по ликвидации тайников «АГ-205» осуществлялась негласно, поскольку абверовцы о задержании Кушнаревского не должны были знать, ибо в таком случае они могли направить в район Белостока других диверсантов. И тогда – все пропало. Военной контрразведкой была создана оперативно-боевая группа, в которую включили и перевербованного «пана Кушнаревского». Группа эта, будучи экипированной под местных жителей, объехала всех известных ему абверовских агентов и в указанных ими по требованию Кушнаревского местах изъяла и вывезла на грузовиках укрытые там оружие и боеприпасы. Делалось это якобы для скорейшего вооружения созданных «паном резидентом» подпольных польских «боевок» для борьбы с «москалями».

Само это мероприятие для Найдовича и Лашкова было довольно рискованным. Поведи они себя не совсем естественно, «проколись» Кушнаревский, и не сыскать никому их костей на глухих лесных хуторах. Но все получилось. Один раз для вывоза из тайников абверовского оружия пришлось даже инсценировать похороны советского военнослужащего.

Для успешного продолжения оперативной комбинации «бевевики» диверсионной группы Кушнаревского, указавшие местонахождение абверовских складов, были оставлены на свободе. Но под оперативным контролем. Вскоре по заданию УКР «СМЕРШ» от имени Кушнаревского к Гемерлеру был отправлен «связной» Штефан Жуковский со всем набором абверовских поддельных документов, с безупречно подготовленной дезинформацией и с

просьбой дополнительно направить вооружение, деньги. Месяц спустя после проверки его абверовцами и прохождения ускоренной спецподготовки, «связной» возвратился на немецком самолете с большой суммой денег и несколькими ящиками оружия. Вместе с ним был сброшен с парашютом и радист с радиостанцией, уже перевербованный «связным». Так и захлопнулся этот «капкан», позволивший УКР «СМЕРШ» начать с Абвером радиоигру, продолжавшуюся, как и в знаменитой операции 4-го управления НКГБ СССР «Березино», вплоть до апреля 1945 года.

Дальнейший ход событий показал, что жизнь и в самом деле полна неожиданностей и сюрпризов. Случилось так, что в самом конце войны все тем же контрразведчикам УКР «СМЕРШ» 2 Белорусского фронта В. Подгорному, И. Найдовичу и И. Лашкову, выполняя уже другие задачи, пришлось допрашивать оказавшегося в плену офицера столь им памятной «Абвергруппы-205» Гемерлера. Едва сдерживаясь от душившего их смеха, слушали они, как тот на все лады расписывал, не раскрывая, правда, деталей, «успехи и удачи» своей спецслужбы, особенно в районе Белостока, за что даже получил от фюрера орден... Абверовский «профи» так и не понял, что все прошедшее время он фактически выполнял указания УКР «СМЕРШ» 2 Белорусского фронта. Впрочем, разубеждать его не стали. Это было необходимо в оперативных целях. Ведь впереди уже маячили новые незримые бои спецслужб на полях навязанной нам после Великой Победы над гитлеровским нацизмом «холодной войны» со всеми вытекавшими из этого «стратегиями» вначале «прямых», а потом и «непрямых» действий...

Вместо послесловия

Быстротечно время, коротка жизнь и память человеческая. Оттремели прежние битвы и схватки на невидимом фронте. Новые вызовы и угрозы принес с собой динамичный XXI век. Лишь архивы надежно хранят пожелтевшие страницы, напоминающие о тех беспримерных – зримых и незримых – сражениях, которые десятилетия назад и еще в другую эпоху велись на нашей многострадальной земле за ее свободу и независимость.

В древнем Бресте, глядя в безмятежные теперь воды Мухавца, который 22 июня 1941 года стал первой преградой на пути нацистского нашествия, на волнах своей памяти я улетаю в те времена, когда еще были живы многие участни-

Подготовка плана
Берлинской
операции.
Слева *К. Ф. Телегин,*
Г. К. Жуков,
М. С. Калинин,
И. С. Варенников.

ки легендарной обороны цитадели. В том числе к рассказам писателя Сергея Смирнова, раскрывшего в середине 1950-х страницы той беспримерной по героизму и трагизму обороны. В ней участвовали и выпускники Объединенной белорусской военной школы – предшественницы Минского суворовского военного училища, кадетом которого некогда был и я. Это Петр Клыпа, Алесь Махнач, Петр Сиваков, Федор Тарасевич... Выпускник ОБВШ капитан Владимир Васильевич Шабловский, командовал вторым батальоном 125-го стрелкового полка в Брестской крепости. Вместе со старшим политруком И. М. Почерниковым бесстрашный капитан организовал и возглавил оборону в домах комсостава, где борьба шла за каждый метр, за каждую лестничную клетку. Сражаясь до конца, как велел воинский долг, они предпочли смерть не от последнего патрона, а в бою. И даже вынужденно оказавшись в плену, понимая всю безвыходность ситуации, они согласны были только на достойный офицера исход. Когда капитана Шабловского вели в колонне военнопленных, где вместе с ним шли женщины и дети, его жена Галина с четырьмя дочерьми, он, оттолкнув фашистского конвоира, с криком: «За мной!» бросился с моста в воды Мухавца. Да, он погиб, но не сдался. Именно здесь, в Брестской крепости, были сделаны первые шаги к столь далекой еще Великой Победе над гитлеровским нацизмом. Именно здесь столь высоко была поднята планка воинской чести, доблести, героизма. И любви к родной земле, к своему народу, ответственности за его судьбу. Не зря же еще в старину было сказано, что «больше любви никто не имеет, еще тот, что душу положит за други своя».

Их подвигов не перечислить,
Не перечислить всех имен.
То были люди с сердцем
чистым,
То был бессмертный
гарнизон!

Конечно, многое меняется и уже изменилось в этом мире. Такова непреложная логика жизни. Но каждый год в День Великой Победы над нацизмом мне вспоминаются и моя, памятная по Бетховену, Баху, Дюреру, Канту, Гете, Шиллеру, Хайне, Манну и другим гениям, Германия, в которой я провел немало лет, добрый, старинный, похорошевший Берлин и его тихий, уютный район Карлсхорст. А в Карлсхорсте – мемориальный кабинет Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова и зал бывшей столовой германского офицерского училища, в котором в памятную для всего человечества ночь с 8 на 9 мая 1945 года был подписан Акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Ее по праву победителя и принимал великий полководец. Так была поставлена справедливая и закономерная точка в этой чудовищной по своим уничтожительным последствиям войне. И она была поставлена именно там, где война родилась. Поставлена навсегда. Так дай же Бог, чтобы никому не изменила память, и никто больше не констатировал, что «история учит только тому, что она ничему не учит». А еще пусть наша память свято хранит тех, кто принес Победу. И даже если они что-то делали не так сноровисто, как хотелось бы кое-кому из ныне о них пишущих, они все же добыли ту Победу – поистине драгоценную Победу, потому что без нее не было бы и нас с вами. Никому, никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя о том забывать. И книга эта написана с одной целью: чтобы помнили...

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕ – ПОД РУЖЬЕ

8

В ГОДИНУ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ

64

КЛИН КЛИНОМ ВЫШИБАЛИ...

214

Научно-популярное издание

СМИРНОВ Николай Иванович

СЕКРЕТНЫЙ УЗЕЛ

**Тайная война
в Беларуси (1939–1944)**

Редактор *Н. Я. Писчикова*

Художник *Л. М. Рудаковская*

Компьютерная верстка *Л. В. Костюкевич*

Стильредактор *Е. С. Голуб*

Подписано в печать 4.06.2010. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Warnock Pro.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5.

Уч.-изд. л. 15,09. Тираж 1200 экз. Заказ 909.

Редакционно-издательское учреждение «Літаратура і Мастацтва».

ЛИ 02330/0494044 от 03.02.2009.

Ул. Захарова, 19, 220034, г. Минск.

Открытое акционерное товарищество

«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».

ЛП 02330/0150496 от 11.03.2009.

Ул. Красная, 23, 220600, г. Минск.

03.1

Geheime Kommandofache

H.Qu. OKh. den 31. Januar 1941

Oberkommando des Heeres
Gen St 3.1 Op.Abt. (IX)
Nr.050/41 g.K102

**Chef-Sache!
Nur durch Offizier!**

30 Ausfertigungen
Ausfertigung.

Heeresgruppenkommando 1

Sing: -1. FEB 1941

Bearb. Abt.: 2.47

Bc.No. 34041 g.Adf.

Sachbearb.: [Handwritten]

Anl.: [Handwritten]

Aufmarschanweisung Barbe:

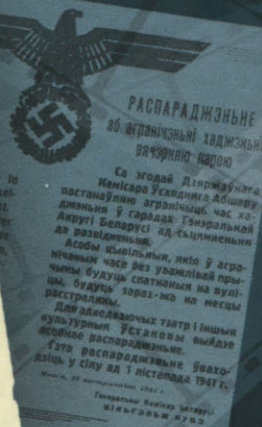
1.) Auftrag:

Für den Fall, daß Rußland seine bisherige Haltung gegen Deutschland ändern sollte, sind als Vorsichtsmaßnahme alle Vorbereitungen zu treffen, die ermöglichen, auch vor Beendigung des Krieges gegen England Sowjetrußland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen.

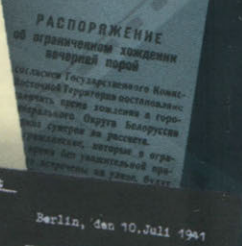
Die Operationen sollen so geführt werden, daß die im westlichen Rußland stehende Masse des russischen Heeres unter weitem Vortreiben von Panzerkeilen vernichtet, der Abzug kampftüchtiger Teile in die Weite des russischen Raumes verhindert wird.

2.) Feindlage:

Als wahrscheinlich kann gelten, daß die russische Armee die Nutzung der stellenweise verstärkten Abwehr an der alten Landesgrenze zwischen Ostpreußen und der Duna mindestens Besonderen Wert wird die russische die Fiktion ihrer Luft- und Flak- und die Anlehnung ihrer Verteidigung durch Einsatz ausreichender

РАСПАРАЖИВАНІЕ
ДО ГРАНАЧЫЦАЙ ТАДЖИКАНА
ВІСХОДНАГА ПАРТІІ
Са згоды Дзіржаўскага
Камітэта ў складзе Абшчыны
пастанавіла адзначыць час ко-
дзіну Беларускага вызвалення
да разлічэнняў.
Асады імяў імяў, імя ў агра-
нацыі будуць спыняцца на вулі-
цы, будыць тэрміно-но ка месцы
расстраляны.
Для абласных чытаў і імяў
культурным ўстановам выдзі-
жана распараджэнне.
Гэта распараджэнне ўваж-
даць у сілу да 1 лістапада 1941 г.
Мінск, 10 лістапада 1941 г.
Генерал-маёр Іван
СІВАШЭВІЧ

РАСПОРЯЖЕНІЕ
ад адміністрацыі ўдзельнага
завершай пераход
Генерал-маёр Іван
СІВАШЭВІЧ

Abtschrift
Bericht
Betrifft: Gefangenenlager in Minsk
Berlin, den 10. Juli 1941
Kanzlei: [Handwritten]
Eing. am 14. Juli 1941 Nr. 174
Das Gefangenenlager Minsk beherbergt auf einem Raum von etwa der Größe des Hühnerplatzes ca. 100.000 Kriegsgefange- nene und 40.000 Zivilgefange. Die Gefangenen, die auf die- sen engen Raum zusammengepfercht sind, können sich kaum rüh- ren und sind dazu gezwungen, ihre Notdurft an dem Platz zu ver- richten, wo sie gerade stehen. Bewacht wird das Lager von einem Kommando aktiver Soldaten in Kompaniestärke. Die Be- wachung des Lagers ist bei der geringen Stärke des Wach- kommandos nur möglich unter Anwendung brutaler Gewalt. Die Kriegsgefangeenen, bei denen das Verpflegungsproblem kaum zu lösen ist, sind teilweise sechs bis acht Tage ohne Nahrung und kennen in einer durch den Hunger hervorgerufenen tieris- chen Apathie nur noch eine Sucht: Zu etwas Essbarem zu gelang- gen. Die Zivilgefangeenen bestehen aus den 15 bis 50jährigen gefangenen erfolgt, soweit es sich um Minsker handelt, durch frühe bis späte, mit Bevorräten beladen, in das Gefangenen- lager pilgern. In der Nacht fallen die hungernden Zivilisten über die Ver- sorgten her und schlagen sich gegenseitig. An Herrn Reichsleiter Rosenberg unter Besignahme auf die Besprechung mit Herrn Reichsminister Dr. Todt weitergeleitet 12.7. [Handwritten] gas. Borsch Mln.Bat Stempel

ISBN 978-985-6941-27-9
9 789856 941279